

Московский педагогический
государственный университет

Валерия Мухина

РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ

DEVELOPMENT OF PERSONALITY

№ 2 2013



Московский педагогический
государственный университет

Валерия Мухина

Moscow Pedagogical State University
Valeria Mukhina

№ 2
2013

РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ
Development of Personality

Для духовной элиты,
профессионалов науки
и практики
Для тех, кто готов взять
на себя ответственность
за воспитание
и развитие личности

For the cultural elite,
professionals of science
and practice
for those who are ready
to take responsibility
for education and
development of the personality

Развитие личности

ISSN 2071-9788

Журнал основан Валерией Мухиной в 1993 году
Выходит 4 раза в год
2013. № 2

Подписной индекс
по каталогу «Роспечати»
37286 и 38362

Журнал входит в Перечень периодических научных и научно-технических изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

Учредитель:
Московский педагогический государственный университет
Валерия Мухина

Издатель:
Издательство «Прометей»

Ответственный за выпуск	В. С. Мухина
Верстка	Н. И. Лисова
Корректор	Ю. М. Севрюкова

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку.
Рукописи рецензируются и не возвращаются.
Позиция редакции может не совпадать с мнением автора.
За содержание рекламных материалов редакция ответственности не несет.

Development of Personality

ISSN 2071-9788
The journal was formulated by Valeria Mukhina in 1993 Subscription index
It comes out 4 times a year on Catalogue of "Rospechat"
2013. № 2 **37286 и 38362**

The journal has been included into the List of the periodic editions (Science and Technology) of Russian Federation. The publication of research papers to provide the Ph. D. and Sc. D projects with supplementary materials is recommended in the journal

The founder:
Moscow Pedagogical State University
Valeria Mukhina

Publisher:
Publishing house "Prometey"

The editors become acquainted with readers' letters without being in correspondence.
Manuscripts reviewed. Rejected manuscripts are not returned.
Editors's views may not agree with author's opinion.
The editors are not responsible for the contents of promotional material.

Содержание

Наши презентации

Теории и исследования

Рефлексия на себя и на других



Переводы



Новое поколение: новый взгляд



Скорбим и помним



Наши авторы

Contents

К юбилею Анатолия Сергеевича Арсеньева: российскому философу 90 лет со дня рождения

Сергей Колчигин, Александр Хамидов, Акрамкан Капышев

АКТУАЛЬНАЯ БЕСКОНЕЧНОСТЬ ТВОРЧЕСТВА: поздравление к 90-летию Анатолия Сергеевича Арсеньева

Для нас имя Анатолия Сергеевича Арсеньева стоит в одном ряду с именами С.С. Аверинцева, Г.С. Батищева, В.С. Библера, О.Г. Дробницкого, Э.В. Ильенкова. Все они – из плеяды тех рыцарей духа, которые по праву стали классиками.

А.С. Арсеньев не был тем, кого принято называть «шестидесятниками», он является им по духу. Те годы действительно были необычным для советской страны временем: тогда на передний край культуры во всех ее сферах выдвинулись глубоко творческие личности. Такие личности были и в философии. Именно они расширили круг философских проблем и подняли планку качества их решения, на которую вынуждены были равняться и те, кто входил в философию по учебникам и официальным первоисточникам.

Анатолий Сергеевич достойно выдержал многие жизненные испытания. Уже на другой день после окончания им десятого класса началась Великая Отечественная война. Командир радиовзвода А.С. Арсеньев с честью прошел по ее дорогам, мужественно сражался, был ранен. Выжил.

Экономист по первому образованию, ставший кандидатом философских наук, а затем – доктором психологических наук, А.С. Арсеньев

отличается широтой мысли, он видит тонкие и крепкие взаимосвязи множества сторон жизни и разнообразных научных дисциплин.

С Анатолием Сергеевичем случилось то, что редко случается с другими, пришедшими в философию из нефилософских дисциплин. Провидение привело его к философии – и не ошиблось. А ведь многие из тех, кто окончил вуз не по философской специализации, до конца дней своих так и не смогли подключиться к ритму философской мысли. Что-то оставалось в их душе и мышлении нерастворимым – такое, что препятствовало им превратиться в настоящего философа. А.С. Арсеньеву это удалось.

Анатолий Сергеевич сразу заявил о себе как оригинальный философ. В 1960-е годы активно разрабатывались проблемы теории диалектики. А.С. Арсеньев включился в эту работу. Одним из ее результатов стала вышедшая в свет коллективная монография «Анализ развивающегося понятия» (М., 1967), написанная в соавторстве с Б.М. Кедровым и В.С. Библером. Одной из проблем теории диалектики являлась проблема системы категорий. А.С. Арсеньев подошел к ней новаторски. Он предложил строить такую систему как *открытую*, соответствующую логике органических систем, в отличие от систем механических, в соответствии с которыми некоторые авторы пытались ее построить. В основу такой системы, согласно А.С. Арсеньеву, должна быть положена *рефлексия*, позволяющая в каждой точке системы и в каждый момент ее развития осуществлять ее самокритику.

Следующим этапом философского мышления А.С. Арсеньева стало исследование феномена науки как специфически человеческой деятельности. Он, по его признанию, в этот период начал читать то, что негласно (а кое-что и гласно) не рекомендовалось читать работающим над подобной тематикой. Это позволило взглянуть на исторический процесс познания с непривычной для того времени точки зрения. В своих исследованиях А.С. Арсеньев применил культурно-исторический подход, включая и марксово понятие вещных отношений. Для остальной советской философии, в том числе и для недоктринальной, такой подход был еще делом будущего. Результатом работы над данной проблемой явилась авторская монография А.С. Арсеньева «Проблема творчества в современной науке» (М., 1967). Верстку книги по приказанию свыше рассыпали в типографии.

Анатолий Сергеевич – крупнейший специалист в области философии, психологии и педагогики. Его фундаментальная статья о проблеме цели в воспитании и образовании, опубликованная в сборнике «Философско-психологические проблемы развития образования» (М.,1981), произвела эффект очистительной новизны. Ее и сегодня следовало бы рекомендовать для основательного освоения тем, кто нацелен на реформы в сфере образования.

Проблема развития личности всегда волновала и продолжает волновать Анатолия Сергеевича на протяжении всей его творческой биографии. При этом *настоящее и будущее* человечества предполагает углубленное изучение архитектоники и внутренней сути человека. Неудивительно было обращение философа к темам геополитики: они напрямую связаны с путями дальнейшего развития человеческого рода. Пристального внима-

ния в этом отношении и сегодня заслуживают статьи «Глобальный кризис современности и Россия» (опубликована в журнале «Континент» 1992. № 3) и «Россия в ситуации глобального кризиса: философский очерк» (опубликована в журнале «Развитие личности». 2000. № 3–4), где Анатолий Сергеевич обрисовал уникальную роль России в современном мире и ее трудную, но высокую миссию в будущем.

Смелый мыслитель, А.С. Арсеньев живет и творит не в пространстве текущей сиюминутной конъюнктуры, а в большом историческом времени, продолжая вносить неоценимый вклад в *большую философию*.

Вслед за Сергеем Леонидовичем Рубинштейном он глубоко обосновывает и активно отстаивает идею о том, что предметом философии является отношение «Человек–Мир» (взятое во всеобщей форме). Эта идея позволяет понять человека не просто как некую «часть общества» (а именно так обстоит дело в официальной идеологии), но *как существо универсальное, обладающее бесконечной творческой свободой*. Эта мысль проходит через большинство работ ученого.

В 1963 году была посмертно опубликована работа С.Л. Рубинштейна «Человек и мир», над которой он работал в последние годы жизни. А.С. Арсеньев первым увидел большое эвристическое значение содержащихся в ней идей для философии и психологии, что было проанализировано им в фундаментальных работах «Размышления о работе С.Л. Рубинштейна "Человек и мир"» (опубликована в журнале «Вопросы философии». 1993. № 5) и «Десять лет спустя. О творческой судьбе С.Л. Рубинштейна» (опубликована в журнале «Вопросы философии». 1998. № 11).

В 1970-е годы, работая в Институте общей и педагогической психологии АПН СССР, А.С. Арсеньев исследовал проблему формирования личности в процессе образования и воспитания. Одним из достижений этого периода стало различение им в этическом сознании двух форм неинституциализованной нормативной регуляции – морали и нравственности. Данная идея имеет колоссальное мировоззренческое значение. К сожалению, эта идея прошла мимо внимания таких философов, как О.Г. Дробницкий, Э.В. Ильенков, Г.С. Батищев.

С начала 1980-х годов А.С. Арсеньев начинает сосредоточиваться на проблеме человека – как на уровне всеобщности, так и на уровне особенности. Отныне отношение «Человек–Мир» он счел для себя основным предметом философии. Данное отношение, согласно А.С. Арсеньеву, будучи бесконечным, существует в двух модусах: как актуальная и как потенциальная бесконечности. Философ принимал сущностную позицию, согласно которой человек существует в двух основных формах: как представитель рода и как индивид. Сама целостность отношения «Человек–Мир» является развивающейся органической системой. В аспекте потенциальной бесконечности она, согласно А.С. Арсеньеву, детерминирована прошлым, а в аспекте актуальной бесконечности – будущим. Общественно-исторический процесс в свете данного понимания есть наращивание человечеством актуальной бесконечности.

Анатолий Сергеевич тщательно исследует проблему антропогенеза, при этом ему удалось представить интересную и достаточно убедительную кон-

цепцию. Более того, он всячески подчеркивает вдохновляющую, эвристическую мысль о том, что человек призван жить не только на горизонтали эмпирического, предметно-практического бытия, сколь бы важным, разнообразным и ярким оно ни было, но также (а может быть, и прежде всего) на оси актуальной бесконечности, вертикальной координате человеческого духа.

Эта вертикальная координата, указывает ученый, – существенное отличие человека от животных. С особой силой и отчетливостью она выражена в нравственности как безусловной, абсолютной этики, в отличие от морали как этики внешней целесообразности. Этому принципиальному вопросу посвящена, к примеру, статья «Парадоксальная универсальность Человека и некоторые проблемы психологии и педагогики» (опубликована в журнале «Развитие личности». 1998. № 2).

Собственно, и вся область философского познания, согласно А. С. Арсеньеву, призвана быть метафизикой, то есть исследованием того, что выступает как метаисторический закон бытия человека; того, что кроется по ту сторону очевидных явлений и утилитарных интересов. «Среди форм рационализма, – подчеркивал ученый в работе «Мышление психолога и проблема личности» (ежегодник «Культура, традиции, образование». М., 1990), – по-видимому, лишь диалектика, способная рассматривать рефлексию как собственное начало, обладает также способностью переходить собственные границы, отрицать любой собственный конечный этап движения... Следовательно, мы приходим к представлению о мышлении, которое должно быть метафизическим по содержанию и диалектическим по методу...». В условиях господства извращенного, догматического марксизма с его сугубо земными ценностями и резким неприятием самого понятия «метафизика» эта позиция мыслителя, даже с некоторыми оговорками, стала настоящим вызовом традиционным марксистам и зовом для пытливых, ищущих умов.

Еще в середине 60-х годов, во времена господства атеизма, Анатолий Сергеевич предлагал философам и психологам обратить самое серьезное внимание на изучение религии. В его оценке, религия – одно из самых сложных, богатых, многогранных, а также фундаментальных и первичных явлений не только культуры, но, вероятно, и всего антропогенеза, поскольку является одной из древнейших (если не самой древней) форм восприятия и осмысления Человеком отношения «Человек–Мир». Подменять исследование религиозного отношения к миру исследованием социально-исторического бытия различных конфессий и пороки последних приписывать этому отношению, писал А.С. Арсеньев, все равно что изучение личности подменять изучением социального функционера. Эта подмена приводит к невообразимой путанице.

В качестве примера важности исследования религии для психолога и психотерапевта философ приводил опыт борьбы с наркоманией и алкоголизмом. Показано, что наиболее высокие результаты достигаются в религиозных обществах и общинах. Большинству наркоманов прием наркотиков дает переживания, являющиеся для них сверхценными, такими, которых не может дать и даже активно противостоит им современное индустриальное общество с господством вещных отношений. Между тем религия может пред-

ложить достижение подобных состояний без приема наркотиков (Арсеньев А.С. «О проблеме свободы и зависимости человека современной цивилизации: философский очерк» // Развитие личности. – 2005. – № 1, 2).

Новаторские, а главное – верные, идеи А.С. Арсеньева постепенно вошли в научный оборот и стали неотъемлемой частью мировоззрения многих профессиональных философов. Всерьез эти идеи повлияли и на нас, философов, работающих в Казахстане.

Важную роль в становлении профессиональной казахстанской философии сыграла книга А.С. Арсеньева, В.С. Библера и Б.М. Кедрова «Анализ развивающегося понятия» (М., 1967).

Непосредственно с казахстанской творческой группой философов Анатолий Сергеевич познакомился в 1968 году, когда принял активное участие в Первом Всесоюзном симпозиуме по диалектической логике в Алма-Ате. Многие из нас тогда с внутренним подъемом восприняли его свободное мышление и высочайший теоретический уровень размышлений, а в самом Анатолии Сергеевиче нашли своего мудрого наставника.

Контакты А.С. Арсеньева с философами и учеными Казахстана продолжаются и сейчас. Так, знаменательным событием для нас, его казахстанских коллег, явилось то, что одна из монографий Анатолия Сергеевича, имеющая непреходящее философское и психолого-педагогическое значение – «Подросток глазами философа» – впервые вышла в свет в издательстве «Рауан» в Алма-Ате.

В 1992 году А.С. Арсеньев опубликовал в двух номерах «Известий» Академии наук Казахстана глубокую статью по экологической проблеме. Это был отнюдь не частный взгляд на частный вопрос – это был взгляд философа на вопрос, жизненно важный для человека и человечества. Анатолий Сергеевич писал: «...Я представляю себе экологический кризис современности как часть общего кризиса формы жизни, истоки которой уходят в историю человечества на десятки тысячелетий и связаны с глубокими пластами сознания, сложившимися в результате неолитической революции. Следовательно, изменения, предполагающие преодоление экологического кризиса, которые должны произойти с человеком, с моей точки зрения, должны быть гораздо более радикальны и глубоки, чем обсуждаемые в известных мне работах по экологической проблеме».

Экологическую проблему невозможно решить, руководствуясь логикой механических целостностей, или систем. Эта логика ориентирует на то, чтобы не считаться с имманентной гармонией естественных систем, будь то живая или так называемая неживая природа. При таком подходе человек считается лишь со своими интересами и целями, не принимая в расчет «интересов» Природы. Тем самым он кромсает природные целостности, а кроме того, засоряет природу всяческим мусором, которого в Природе – в силу круговорота в ней веществ и энергий – в принципе быть не может. И до тех пор, пока человечество не перейдет на паритетное отношение к Природе, то есть отношение по логике органических целостностей, никакие «безотходные» технологии не спасут нас от экологической катастрофы.

Анатолий Сергеевич является прекрасным лектором: он умеет о сложном говорить просто, излагать философские идеи глубоко и в то же время доступно. Он читал большие курсы лекций гуманитариям и естественникам, например, в Объединенном институте ядерных исследований в Дубне. А когда ЦК КПСС запретило его лекции в Москве, он стал читать их по всему Союзу: от Камчатки до Прибалтики, от Крыма до Восточного Казахстана по линии Общества «Знание». При этом, по свидетельству его слушателей, за лектора иногда становилось страшно: столь новыми и смелыми были его идеи и суждения.

В 2001 году в издательстве «Академия» вышла его книга лекций-очерков «Философские основания понимания личности», которые знакомят читателя с основными принципами философского мышления, погружая его в атмосферу исследования бесконечной Тайны Человека и Мира.

А. С. Арсеньев не является тем, кого называют рафинированным эрудитом, но он выдвигает и обосновывает новые идеи мировоззренческого порядка. В этом сказываются и трудности творческой судьбы философа.

Новаторские идеи всегда воспринимаются консервативным социумом с опаской, поэтому были в жизни Анатолия Сергеевича и неизданная книга, и необоснованные увольнения. Но он относится к этим испытаниям поистине философски: приняв «теорию отказа», продолжает творить, несет большие, нравственно обязывающие идеи своим коллегам, друзьям, ученикам. И он влияет на окружающих не только таким своим отношением, но и всей своей личностью, взглядом, улыбкой, жестом.

Принципиальный, не терпящий фальши, строгий в высоких требованиях к себе и другим, Анатолий Сергеевич – человек широкой, щедрой души. Молодые философы нашей республики всегда находят теплый прием в его московской квартире; он встречает их как равных себе коллег и добрых друзей.

Желаем нашему учителю и другу, чтобы его идеи были по-прежнему актуальны, чтобы их пламя, дарящее нам свет и тепло, как можно дольше не угасало! В мир приходят новые поколения, они жаждут истины, они нуждаются в твердой интеллектуальной опоре и надежных духовных ориентирах. Они обязательно найдут их на страницах Ваших, Анатолий Сергеевич, замечательных трудов, потому что Вы мыслите и живете как мудрец – в согласии с Высшими Законами.

Авторы – друзья и коллеги

Теории и исследования



Проблемы развития и бытия личности

Анатолий Арсеньев

ЧТО ТАКОЕ ЛИЧНОСТЬ
ФИЛОСОФСКИЙ ОЧЕРК

Аннотация. *Рассматривается проблема необходимости личностного самоопределения человека в современной ситуации всеобщего глобального кризиса, ставящего под угрозу само существование жизни на Земле. Показано, что только через становление личностью человек может получить возможность «вернуться к себе» – ощутить свою парадоксальную бесконечно-конечную человеческую сущность.*

Ключевые слова: *личность; парадоксальная бесконечно-конечная природа человека; антропогенез; «постнеолитическая» философия; рефлексия-трансцендирование; Актуальная Бесконечность; Потенциальная Бесконечность; отношение «Человек – Мир»; отношение «Я – Ты».*

Abstract. *The problem of necessity of man's personal self-determination under global crisis that threatening the existence of life at the Earth is examined. It is shown that only through becoming a person man can obtain the possibility to "return to himself" – that is to feel his paradoxical infinite – finite human nature.*

Keywords: *personality; paradoxical infinite–finite human nature; anthropogenesis; "postneolithic" philosophy; reflection – transcendence; Actual Infinity; Potential Infinity; "Man – World" relationship; "Me – You" relationship .*

1. О философии

Авторское понимание того, что такое философия

Я считаю необходимым начать хотя бы с краткого пояснения, что я считаю философией. Философия, в моем понимании, есть глубоко личностное понимание-переживание мира как целого, включая личность как центр этого переживания и размышления о себе (рефлексия) и мире (трансцендирование). Поскольку личность уникальна, неповторима, то, строго говоря, различных «философий» столько, сколько личностей. Вместе с тем философия в мире существует тысячи лет, и для каждого нового поколения уже существующая философия является «базой», критическое рассмотрение которой может служить основанием и отправной точкой своего личного философского размышления.

Н.А. Бердяев о философии

Мне кажется, эту ситуацию прекрасно выразил Н. А. Бердяев: «Философия человечна, философское познание – человеческое познание, в ней всегда есть элемент человеческой свободы, она есть не откровение, а свободная познавательная реакция человека на откровение. Если философ христианин и верит в Христа, то он совсем не должен согласовывать свою философию с теологией и православной, католической или протестантской, но он может приобрести ум Христов и это сделает его философию иной, чем философия человека, ума Христова не имеющего. Откровение не может навязать философии никаких теорий и идеологических построений, но может дать факты, опыт, обогащающий познание.

Философия и свобода

Если философия возможна, то она может быть только свободной, она не терпит принуждения. Она в каждом акте познания свободно стоит перед истиной и не терпит преград и средостений. Философия приходит к результатам познания из самого познавательного процесса, она не терпит навязывания извне результатов познания, которое терпит теология. Но это не значит, что философия автономна в том смысле, что она есть замкнутая, самодовлеющая, питающаяся из себя самой сфера. Идея автономии есть ложная идея, совсем не тождественная с идеей свободы. Философия есть часть жизни и опыт жизни, опыт жизни духа лежит в основании философского познания. Философское познание должно приобщиться к первоисточнику жизни и из него черпать познавательный опыт. Познание есть посвящение в тайну бытия, в мистерии жизни. Оно есть свет, но свет, блеснувший из бытия и в бытии. Познание не может из себя, из понятия создать бытие, как того хотел

Гегель. Религиозное откровение означает, что бытие открывает себя познающему. Как же он может быть к этому слеп и глух и утверждать автономию философского познания против того, что ему открывается?

Философия и наука

Трагедия философского познания в том, что, освободившись от сферы бытия более высокой, от религии, от откровения, оно попадает в еще более тяжкую зависимость от сферы низшей, от положительной науки, от научного опыта. Философия теряет свое первородство и не имеет уже оправдательных документов о своем древнем происхождении. Миг автономии философии оказался очень кратким. Научная философия совсем не есть автономная философия. Сама наука была некогда порождена философией и выделилась из нее. Но дитя восстало против своей родительницы. Никто не отрицает, что философия должна считаться с развитием наук, должна учитывать результаты наук. Но из этого не следует, что она должна подчиняться наукам в своих высших созерцаниях и уподобляться им, соблазняться их шумными внешними успехами: философия есть знание, но невозможно допустить, что она есть знание, во всем подобное науке. Ведь проблема в том и заключается, есть ли философия – философия или она есть наука или религия.

Философия как особая сфера духовной культуры

Философия есть особая сфера духовной культуры, отличная от науки и религии, но находящаяся в сложном взаимодействии с наукой и религией. Принципы философии не зависят от результатов и успехов наук. Философ в своем познании не может ждать, пока науки сделают свои открытия. Наука находится в непрерывном движении, ее гипотезы и теории часто меняются и стареют, она делает всё новые и новые открытия. В физике за последние тридцать лет произошла революция, радикально изменившая ее основы. Но можно ли сказать, что учение Платона об идеях устарело от успехов естественных наук XIX и XX веков? Оно гораздо более устойчиво, чем результаты естественных наук XIX и XX веков, более вечно, ибо более о вечном. Натурфилософия Гегеля устарела, да и никогда не была его сильной стороной. Но гегелевская логика и онтология, гегелевская диалектика нисколько не потревожены успехами естественных наук. Смешно было бы сказать, что учение Я. Бёме об Ungrund'е или о Софии опровергается современным математическим естествознанием. Ясно, что здесь мы имеем дело с совершенно разными и несоизмеримыми объектами.

Познание философией мира

Философии мир раскрывается иначе, чем науке, и путь ее познания иной. Науки имеют дело с частичной отвлеченной действительностью, им не открывается мир как целое, ими не постигается смысл мира. Претензии математической физики быть онтологией, открывающей не явления чувственного, эмпирического мира, а как бы вещи в себе, смешны. Именно математическая физика, самая совершенная из наук, дальше всего отстоит от тайн бытия, ибо тайны эти раскрываются только в человеке и через человека, в духовном опыте и духовной жизни. Вопреки Гуссерлю, который делает по-своему грандиозные усилия придать философии характер чистой науки и вытравить из нее элементы мудрости, философия всегда была и всегда будет мудростью.

Конец мудрости есть конец философии

Конец мудрости есть конец философии. Философия есть любовь к мудрости и раскрытие мудрости в человеке, творческий прорыв к смыслу бытия. Философия не есть религиозная вера, не есть теология, но не есть и наука, она есть она сама. И она принуждена вести мучительную борьбу за свои права, всегда подвергающиеся сомнению. Иногда она ставит себя выше религии, как у Гегеля, и тогда она переступает свои границы. Она родилась в борьбе пробудившейся мысли против традиционных народных верований. Она живет и дышит свободным движением. Но и тогда, когда философская мысль Греции выделилась из народной религии и противопоставила себя ей, она сохранила свою связь с высшей религиозной жизнью Греции, с мистериями, с орфизмом. Мы увидим это у Гераклита, Пифагора, Платона. Значительна только та философия, в основании которой лежит духовный и нравственный опыт и которая не есть игра ума. Интуитивные прозрения даются только философу, который познает целостным духом.

Отличие философского познания от научного

Как понять отношение между философией и наукой, как разграничить их сферы, как установить между ними конкордат? Совершенно недостаточно определить философию как учение о принципах или как наиболее обобщенное знание о мире как о целом, или даже как учение о сущности бытия. Главный признак, отличающий философское познание от научного, нужно видеть в том, что философия познает бытие из человека и через человека, в человеке видит разгадку смысла, наука же познает бытие как бы вне человека, отрешенно от человека. Поэтому для философии бытие есть дух, для науки же бытие есть природа. Это различие духа и природы, конечно, ничего общего не имеет с различением психи-

ческого и физического. Философия в конце концов неизбежно становится философией духа, и только в таком качестве своем она не зависит от науки.

Философская антропология

Философская антропология должна быть основной философской дисциплиной. Философская антропология есть центральная часть философии духа. Она принципиально отличается от научного – биологического, социологического, психологического – изучения человека. И отличие это в том, что философия исследует человека из человека и в человеке, исследует его как принадлежащего к царству духа, наука же исследует человека как принадлежащего к царству природы, то есть вне человека, как объект.

Философия есть необъективированное познание

Философия совсем не должна иметь объекта, ибо ничто для нее не должно становиться объектом, объективированным. Основной признак философии духа то, что в ней нет объекта познания. Познавать из человека и в человеке и значит не объективировать. И тогда лишь открывается смысл. Смысл открывается лишь тогда, когда я в себе, то есть в духе, и когда нет для меня объектности, предметности. Все, что есть для меня предмет, лишено смысла. Смысл есть лишь в том, что во мне и со мной, то есть в духовном мире. Принципиально отличать философию от науки только и можно, признав, что философия есть необъективированное познание, познание духа в себе, а не в его объективации в природе, то есть познание смысла и приобщение к смыслу. Наука и научное предвидение обеспечивают человека и дают ему силу, но они же могут опустошить сознание человека, оторвать его от бытия и бытие от него. Можно было бы сказать, что наука основана на отчуждении человека от бытия и отчуждении бытия от человека. Познающий человек вне бытия, и познаваемое бытие вне человека. Все становится объектом, то есть отчужденным и противостоящим. И мир философских идей перестает быть моим миром, во мне раскрывающимся, делается миром, мне противостоящим и чуждым, миром объектным.

Исследования по истории философии перестают быть философским познанием

Вот почему и исследования по истории философии перестают быть философским познанием, становятся научным познанием. История философии будет философским, а не только научным познанием в том лишь случае, если мир философских идей будет для познающего его собственным внутренним миром, если он будет его познавать из человека и в человеке. Философски я могу познавать лишь свои собственные идеи, делая идеи Платона или Гегеля своими собственными идеями, то

есть познавая из человека, а не из предмета, познавая в духе, а не в объектной природе.

Основной принцип философии

Это и есть основной принцип философии, совсем не субъективной, ибо субъективное противостоит объективному, а бытийственно жизненной. *Если Вы пишите прекрасное исследование о Платоне и Аристотеле, о Фоме Аквинском и Декарте, о Канте и Гегеле, то это может быть очень полезно для философии и философов, но это не будет философия. Не может быть философии о чужих идеях, о мире идей как предмете, как объекте, философия может быть лишь о своих идеях, о духе, о человеке в себе и из себя, то есть интеллектуальным выражением судьбы философа* (выделено мною – *А.А.*).

Историзм, натурализм и психологизм

Историзм, в котором память непомерно перегружена и отяжелена и все превращено в чуждый объект, есть декаданс и гибель философии, так же как натурализм и психологизм. Духовные опустошения, произведенные историзмом, натурализмом и психологизмом, поистине страшны и человекоубийственны. Результатом является абсолютизированный релятивизм. Так подрываются творческие силы познания, пресекается возможность прорыва к смыслу. Это и есть рабство философии у науки, террор науки.

*Философия видит мир из человека, и только в этом ее специфичность. Наука же видит мир вне человека, освобождение философии от всякого антропологизма есть умерщвление философии. Натуралистическая метафизика тоже видит мир из человека, но не хочет в этом признаться. И тайный антропологизм всякой онтологии должен быть разоблачен. Неверно сказать, что бытию, понятному объективно, принадлежит примат над человеком; наоборот, человеку принадлежит примат над бытием, ибо бытие раскрывается только в человеке, из человека, через человека. И тогда только раскрывается дух (*выделено мною – *А.А.*).

Бытие, которое не есть дух, которое “вовне”, а не “внутри”, есть тирания натурализма. Философия легко делается отвлеченной и теряет связь с источниками жизни. Это бывает всякий раз, когда она хочет познавать не в человеке и не из человека, а вне человека.

Мир есть часть человека

Человек же погружен в жизнь, в первожизнь, и ему даны откровения о мистерии первожизни. Только в этом глубина философии соприкасается с религией, но соприкасается внутренне и свободно. В основании философии лежит предположение, что мир есть часть человека, а не человек – часть мира. У человека как дробной и малой части мира не могла бы зародиться дерзновенная задача

познания. На этом основано и научное познание, но оно методологически отвлечено от этой истины. Познание бытия в человеке и из человека ничего общего не имеет с психологизмом. Психологизм есть, наоборот, замкнутость в природном, объективированном мире. Психологически человек есть дробная часть мира.

Трансцендентальный человек

Речь идет не о психологизме, а о трансцендентальном антропологизме. Странно забывать, что я, познающий, философ – человек. Трансцендентальный человек есть предпосылка философии и преодоление человека в философии или ничего не значит, или значит упразднение самого философского познания. Человек бытийствен, в нем бытие и он в бытии, но и бытие человечно, и потому только в нем я могу раскрыть смысл, соизмеримый со мной, с моим постижением» [1, с. 5–11].

Отношение к построению философских систем

Я привел эту обширную цитату из Н. А. Бердяева по нескольким причинам.

Во-первых, потому, что лучшего введения в изложение начал философии я бы не мог написать. Дальнейшее изложение можно развернуть как пояснение и обсуждение этого введения.

Во-вторых, для того, чтобы обратить внимание читателя на выделенную мною часть, которая наилучшим образом выражает мое отрицательное отношение к построению в философии различного рода систем, претендующих одновременно на всеобщность и на завершенность. Немало крупных, талантливых мыслителей пали жертвами такого намерения. Одним из крупнейших был, на мой взгляд, Шеллинг, много лет обещавший своим слушателям и читателям завершить построение «системы трансцендентального идеализма». Он вместе с Гегелем начинал разрабатывать проблему тождества мышления и бытия. Но в то время как панлогист Гегель считал, что он свою систему диалектической логики завершил, в связи с чем полагал, что на этом завершилась и история, Шеллинг понял, что гегелевским образом история мира и человечества завершиться не может. Поэтому претендующий на философское размышление должен говорить от своего имени, от своего «Я», беря на себя ответственность и используя ссылки и цитаты лишь для пояснения, но не для аргументации.

Современная цивилизация «расчеловечивает» человека

Существование человека в современной господствующей в мире цивилизации выключает его из понимания, что́ он сам представляет собой, каково его место и назначение в этом мире как целом. Теряется то, что можно было бы назвать смыслом жизни, и человек ока-

зывается связанным с сиюминутными целями, с влечениями, которые им самим до конца не осознаны, с погоней за «успехом». Это приводит, как теперь принято говорить, к «дегуманизации», то есть «расчеловечиванию человека», к ощущению бессмысленности жизни, что влечет за собой глубокое разочарование, депрессию, рост невротических и психических заболеваний. Выражаясь философским языком, *человек оказывается отчужденным от Мира и от своей собственной человеческой сущности*. Об этом говорили многие мыслители: богословы, философы, ученые, поэты и писатели.

Возможность выхода из кризисной античеловеческой ситуации

От сознания человека как нравственной личности, от глубины понимания им своего места и назначения в мире, от его действий, связанных с этим пониманием, в огромной степени зависит сейчас возможность выхода из той кризисной античеловеческой ситуации, которая сложилась.

Из существующих форм общественного сознания призваны помочь человеку в понимании им самим себя религия, философия, психология. Однако каждая из них также переживает кризисное состояние. Основные его причины лежат в формах тотального вещного отчуждения человека от мира и от своей собственной человеческой сущности в мире, охваченном капитализмом и господством рыночной экономики, денег.

Психология теряет свой предмет

Что касается психологии, то, претендуя на статус самостоятельной науки, независимой от религии и философии, она теряет свой предмет – целостного человека как личность, распадаясь на десятки слабо связанных друг с другом областей. А высказываемым иногда надеждам, что все эти отдельные области исследования некогда суммируются и получится наконец психология человека, не суждено сбыться, так как любое органическое целое неаддитивно, то есть не может быть собрано, составлено из частей. Происходит это потому, что наука появляется и развивается как неорганическое знание о вещной стороне мира, об отношениях вещей. Но человек – не вещь. Вследствие этого базирующаяся лишь на научных основаниях психология может рассматривать только то, что в человеке есть вещного, то есть не собственно человеческого, не личностного.

Многие модификации психологии личности исследуют не личность, а «социального функционера»

Вследствие этого в научной психологии существует несколько десятков трудно согласуемых и вовсе несогласуемых «научных» определений личности. Тем более оказывается неуловимой сфера этического сознания и отношений личности, составляющая «ядро» личности.

Поэтому существующие среди других научных психологий модификации «психологии личности» в действительности исследуют не личность, а чаще всего свойства «социального функционера», являющегося хорошо адаптированной частью наличного социума, называя его словом «личность».

Существенные для психологии понятия

Отделившись от философии, психология теряет понимание человека как бесконечно-конечного парадоксального существа, то есть опять-таки теряет понимание его как личности. Без философии из психологии выветрились понятия актуальной и потенциальной бесконечности, без коих невозможно представить себе, например, мир духовных и нравственных идей. Выветрилось и представление о том, что такое развитие и раскрытие, отчуждение и обособление, а также ряд других существенных параметров, без которых о человеке как личности просто невозможно говорить.

Восстановление этого теоретического багажа – необходимое условие понимания, что такое личность, а следовательно, и понимания возможностей выхода из глобального кризиса.

Задача философии по отношению к психологии

Задача философии – попытаться вооружить психологов и педагогов представлением о том, что в их руках как исследователей и воспитателей необыкновенное бесконечно-конечное парадоксальное существо, исследовать которое как целое только научными методами невозможно.

Для изучения человеческого существа, парадоксального, находящегося в процессе антропогенеза, трансцендирующего и одновременно уже трансцендентного, нужно иметь представление об изучаемой фазе антропогенеза, а также о ситуации, в которой находится сам исследователь, поскольку возникает проблема адекватности собственного мышления предмету изучения.

Для этого нужно попытаться выявить основные причины глобального кризиса современности и вещного отчуждения человека – главного препятствия на пути его развития как личности.

Показать истоки нравственного сознания личности и становления ее как высшей ценности.

На пути к этой цели возникают задачи освобождения философии и психологии от господства вещного мышления, связанного с глобальным кризисом современности.

2. Исходные основания для понимания личности

Неолитическая революция

Я вижу истоки глобального кризиса современности в так называемой «неолитической революции». Так было принято называть, основываясь на существенных изменениях «каменной индустрии», переход от эпохи «палеолита» к эпохе, названной «неолитом». Принятые названия этих эпох, с моей точки зрения, не отражают существа дела, так как оно не в изменениях «каменной индустрии», а в качественном изменении отношения Человека к Миру. В данном случае я оставляю эти названия лишь как привычные в научном обиходе, однако смысл их существенно меняется.

Палеолит и неолит – две противоположные фазы антропогенеза

С моей точки зрения, палеолит и неолит – две *противоположные* фазы антропогенеза: на протяжении миллионов лет первой фазы шло органическое совершенствование самого человека, его сознания, его морфологии при почти неизменных орудиях труда; на протяжении десятков тысяч лет второй фазы шло развитие цивилизации – «неорганического тела человека», связанное с совершенствованием орудий труда, постепенно отчуждающих человека от мира и от его собственной сущности. Во второй фазе человек, специализируясь в основном в одной своей мыслительной способности – рациональном мышлении, постепенно теряя все остальные (интуицию, способность к общению, к дружбе с животными, все способности, реликты которых теперь называются «сверхчувственными», и т.д.), становится «чужим» миру и своей собственной сущности.

Отношения «Человек–Мир» и «Субъект–Объект»

Господствовавшее в палеолите отношение «Человек–Мир» сменяется господством отношения «Субъект–Объект». Мир предстает перед человеком как набор объектов – вещей, а затем и всеобщего абстрактного эквивалента вещности – денег. Господство рыночной экономики – деградация человека как универсального существа.

Понимание этого совершенно необходимо в психологической и особенно в педагогической работе. Это понимание может быть достигнуто взаимным сближением и диффузией философии и психологии при условии правильной органической иерархии между ними: философия должна быть теоретическим фундаментом. Однако при наличном состоянии той и другой оно недостижимо. Поэтому необходим пересмотр их основных начал.

Изменение отношения человека к миру

Пересмотр основных начал философии и психологии может быть связан с пониманием того, что с изменением фазы антропогенеза на противоположную происходит изменение практически всех основных отношений чело-

века к миру, а также его представлений и понятий о себе самом и мире, накопившихся за десятки тысяч лет неолита. Наиболее глубокие изменения связаны с тем, что современная наука, будучи знанием о вещной стороне Мира, может исследовать лишь «вещные проекции человека» (или различные стороны «частичного человека»), но не может иметь своим предметом исследования Человека как *целого,* поскольку он не является вещью. То же самое следует сказать и о Мире. Неорганичность научного мировоззрения создает «научную картину мира», в которой нет места для человека.

Гипотеза о сущности неолитической революции

Сущность неолитической революции понимается как фазовый переход в противоположность: от внутреннего саморазвития человека к внешнему развитию цивилизации как его «неорганического тела». В неолите начинается вещное отчуждение человека от мира и собственной сущности, приводящее к глобальному кризису современности, внешне выраженному в господстве рыночной экономики, а внутренне – в дегуманизации человека.

Новые представления о взаимоотношении философии и религии

Новые представления о взаимоотношении философии и религии состоят в том, что предмет философии понимается как бесконечное отношение «Человек–Мир» в его осцилляции с первичным *непосредственным* религиозным отношением «Я–Ты». Такая философия была названа автором *постнеолитической.*

Новые представления о начале антропогенеза

Новые представления о начале антропогенеза связаны с возникновением бесконечного отношения «Я – Ты». Это отношение становится определяющим развитие личности.

Понимание развития

Развитие понимается как сложный процесс взаимодействия актуальной и потенциальной бесконечности, взаимодействия, детерминированного прошлым и будущим, внутренним и внешним, эволюцией и метаэволюцией.

Понимание личности

Личность понимается как становление человека (парадоксального бесконечно-конечного существа) в индивиде.

Представления об этическом сознании

Разработка представления об этическом сознании личности как располюсованном на собственно нравственность (бесконечную общечеловеческую сторону) и мораль (выражаемую в конечных нормах группового, в частности социального, бытия), что должно лежать в основе воспитания нравственной личности. Основания и следствия такого подхода к пониманию личности представлены ниже.

3. Основания постнеолитической философии

Философия как самопонимание и самоопределение Человека в Мире

Философия связана с религией. Основание и предмет философии – осцилляция переходящих друг в друга отношений: «Я–Ты» (первичное *непосредственное* религиозное отношение, лежащее в основе антропогенеза) и «Человек–Мир» (то же отношение, объективированное и *опосредованное рациональным сознанием*). Человек как разумное* существо начинается со вспышки рефлексии во всеобщей форме – осознания себя как «Я» и Мира как «Ты». Это – первичное *непосредственное религиозное* отношение – *самонахождение и самовосприятие себя в Мире*. Связанное с рефлексией трансцендирование выводит сознание в положение вненаходимости к отношению «Я–Ты». *Опосредованное* рефлексией-трансцендированием, выводящим сознание в положение вненаходимости (согласно Бердяеву – объективация), отношение «Я – Ты» предстает в своей другой ипостаси как отношение «Человек – Мир». Тогда становится возможной *философия – самопонимание и самоопределение* Человека в Мире.

Первичный акт антропогенеза

Возможность философии, философское мышление и отношение к Миру появляются задолго до философии как определенной области знания, точно так же, как возможность религии, религиозное отношение и восприятие Мира возникают задолго до определенных религиозных конфессий. Обе эти возможности заложены в первичном акте антропогенеза, когда существо, становящееся Человеком, впервые осознает, что оно существует как самостоятельное «Я», отличное от всей остальной природы (всего бытия – здесь природа и бытие неразличимы) в своем родственном отношении к бесконечному сверхприродному, сверхбытийному «Ты». Подчеркивая *целостность* этого *бесконечного* отношения «Я – Ты», М. Бубер справедливо считал его *одним* «первичным словом». Говоря философским языком, это акт рефлексии-трансцендирования.

Акт рефлексии-трансцендирования

Под рефлексией здесь имеется в виду процесс погружения в себя, воздействия на себя, размышления о себе самом.

Трансцендирование, или трансцензус, – противоположный рефлексии процесс выхода вовне, за пределы себя или какой-либо конечной определенности.

---

* Принято толковать “homo sapiens” как «человек разумный». На мой взгляд, вернее говорить о «человеке мудром».

Рефлексия-трансцендирование – диалектическая пара связанных взаимоопределением, то есть не существующих друг без друга, противоположностей, имеющая громадное значение для понимания антропогенеза (как и любого органического развития).

Углубление рефлексии в «Я–Ты» сопровождается трансцендированием – выходом Человека в своем сознании, как это ни странно (парадокс!), *за пределы бесконечного* отношения «Я–Ты» в позицию *«вненаходимости»*. Из состояния «вненаходимости» он может рассматривать отношение «Я–Ты» «со стороны», и тогда оно предстает перед ним как отношение «Человек – Мир». Это *отношение* (а не Человек и не Мир в их разделенности) и является предметом *философского* размышления. Можно сказать, что *религия (как отношение «Я–Ты») может быть представлена как самонахождение и самовосприятие Человека в Мире, а философия (делающая предметом своего размышления отношение «Человек–Мир») –как самопонимание и самоопределение Человека в Мире.*

Отношение «Я – Ты» парадоксально

Следует заметить, что отношение «Я–Ты» парадоксально, так как в нем «Я» – сотворец божественного «Ты» и как таковой этому «Ты» эквивалентен, и в то же время – «тварь», по отношению к которой «Творец» бесконечно выше. Поэтому «Человеку, чтобы быть самим собой, нужно быть бесконечно больше себя», то есть находиться в процессе непрерывного трансцендирования или (что то же самое) быть личностью.

Быть за пределами бесконечного, то есть беспредельного, парадоксально. Существование, и потому вненаходимость (в данном случае!), похожи на что-то вроде виртуальных частиц в физике. Вненаходимость осциллирует (колеблется), оказываясь одновременно и «внутринаходимостью». Непосредственное интуитивное «Я–Ты» и опосредованное вненаходимостью и размышлением «Человек–Мир» оказываются одним пульсирующим, меняющим фазы Целым.

Потенциальная Бесконечность

Рефлексия-трансцендирование представляет одну из существенных характеристик развернутой во времени *Потенциальной Бесконечности* (в дальнейшем – ПБ), которая характеризуется тем, что всякое органическое развитие развертывается как сменяющее друг друга господство противоположных фаз: фаза господства рефлексии сменяется фазой, где трансцендирование господствует над рефлексией, затем снова наступает господство рефлексии.

Существование во времени каждой качественно определенной органической системы начинается *имен-*

но с фазы *рефлексии.* Дело в том, что рефлексия создает внутренний энергетически мощный Центр – ядро системы (в случае личности – личностное «Я»), обеспечивающее ее устойчивую целостность, необходимую при взаимодействии с внешней средой (например, с социальностью) в последующей фазе трансцендирования (в случае личности – в различных формах ее деятельности и взаимоотношений с миром). В противном случае силы и энергии внешней среды могли бы разрушить систему, «растрепать» ее (например, в случае личности превратить ее в социального функционера).

Актуальная Бесконечность

«Внешний» план органического развития – план ПБ – одна ипостась бесконечности. Вторая связана с *Актуальной Бесконечностью* (в дальнейшем – АБ) – этаким *Ничто*, в котором *Всё*, областью еще не сформированных и не проявленных в материально-физическом плане бытия смыслов, качеств, форм, отношений, где все, что может быть достигнуто в *будущем* (в процессе развития во времени – в ПБ), в данный момент в проявленной форме существует лишь *потенциально*, *уже представлено актуально как существующее вечно.*

Парадокс, который возникает при осознании связи процесса развития с «неслиянностью-нераздельностью» этих двух ипостасей бесконечности, Джордано Бруно описал словами: «Вселенная находится в процессе постоянного развития, но как целое она уже обладает этим развитием». Действительно: если Вселенная бесконечна, то от ее Начала протекло бесконечное время и, следовательно, все ее формы, которые развивались, уже достигли всей возможной полноты развития и процесс должен был закончиться. Между тем мы эмпирически наблюдаем продолжение этого процесса. Подобными парадоксами напичкано представление о бесконечности. Попытки же представить Вселенную конечной (как это делают некоторые современные релятивистские космологические «модели») ведут к логическим несуразностям.

Мистики об Актуальной Бесконечности

Великие мистики, удостоившиеся вхождения («восхищения» – в христианской литературе) в АБ и непосредственного ее восприятия, говорили о трудности, практической невозможности ее вербального описания, о ее «несказанности». Тем не менее их попытки буквально неоценимы для философской интуиции, представления и размышления о Начале. Эти попытки также носят парадоксальную форму: «абсолютно полная пустота», «ничто, в котором всё», «сверкающая бездна», «слепящая тьма» и т. п. – и вызывают настро-

ения, чувства и мысли, трансцендентные конечным формам наличного бытия.

Смена фаз антропогенеза

Начальная фаза антропогенеза – палеолит – состояла в том, что это первоначальное отношение формировало внутреннее духовно-телесное развитие человека при практически неизменяющихся орудиях труда (что до сих пор вызывает удивление антропологов).

Неолитическая революция – переход к противоположной фазе – развитию орудий и орудийной деятельности (от каменного топора до современной техники и технологии) – развитию «неорганического тела человека» при неизменности и даже деградации самого человека (например, акцентуации на рациональном мышлении за счет утраты некоторых других способностей).

При этом господство отношения «Человек–Мир» постепенно замещается господством его вырожденной формы – отношением «Субъект–Объект», где Человек представлен абстрактно как частичный и в такой же абстрактной частичности представлен Мир как мир объектов. Фаза неолита – фаза *развития отчуждения* Человека от Мира и от своей собственной сущности (назначения в Мире) как целостного универсального существа.

Возникновение христианства – начало разложения фазы неолита, конец этого разложения – господство вещного отчуждения (современного производства, рынка, денег), завершающееся глобальным кризисом современности, выраженным в дегуманизации человека, кризисах демографическом, экологическом, общесоциальном и т.д., включая кризис религии и философии.

«Постнеолитическая» фаза жизни означает возврат к Началу

Наступает эпоха «междуфазья», «безмерности», «квазихаоса» («квази» потому, что в метаистории остается «вектор»), разрушения, «энтропии» всех конечно определенных форм жизни, связанных с фазой неолита, – эпоха благоприятная для воплощения новых форм жизни из области метаистории. Духовно-душевная сфера человека должна радикально измениться, чтобы принять участие в созидании «постнеолитической» фазы жизни.

В частности, сознание должно «снять» (aufheben – превзойти) отношение «Субъект–Объект», в рамках которого развивался новоевропейский рационализм (со всеми его формами культуры, включая философию и науку, которая рассматривает Мир через призму вещных отношений). Это означает *возврат к Началу* – целостному отношению «Человек–Мир», где Человек

предстает как универсальное, несущее в себе актуальную и потенциальную бесконечность, бесконечно-конечное парадоксальное существо.

Историческая задача христианства

Возникшее в неолите христианство имеет историческую задачу – «вырвать» человека из подчинивших его к тому времени кровно-родственных, племенных связей, а также связей с низшими формами сверхчувственных существ и энергий, используемых в магии, колдовстве, языческих ритуалах и т.п., и указать ему на действительный источник его жизни и развития как бесконечного, свободного и мудрого существа – на трансцендентное бесконечное «Ты». (Кстати, современная наука играет ту же роль, что языческая магия, только по отношению к чувственно воспринимаемым энергиям внешнего мира; обещая человеку, что путем их *использования* он может стать их хозяином, она фактически отчуждает его от его собственной сущности и подчиняет миру вещей.)

Задача будущей философии – подготовить сознание человека к радикальным изменениям

Задача философии похожа на задачу христианской религии – подготовить сознание человека к этому радикальному изменению. Для этого она должна сама радикально измениться и, прежде всего, начать с Начала – с размышления об отношении «Человек–Мир», что может дать ей критерий *выделения* во всей культуре прошлого *«вечного»*, причастного сфере актуальной бесконечности (АБ), и *отделения* его от конечных, исторически преходящих форм, принадлежащих бесконечности потенциальной (ПБ). Эта философия будущего (в курсах лекций я назвал ее постнеолитической) должна начинаться сейчас.

Построение различных философских систем не должно быть ее главной задачей. Во-первых, потому, что любая система является *определенной* и потому *конечной*, неспособной выразить *бесконечность* отношения «Человек–Мир». Во-вторых, «плетение понятийных кружев» уводит от этого *целостного Начала* и провоцирует «вербальное псевдопонимание».

Философия должна включить в восприятие мира всего человека

Бесконечность смыслов, которую она должна передать, выходит за границы рациональности, и она должна использовать все возможные для ее выражения средства, чтобы включить в восприятие Мира как бесконечного Целого *всего* Человека, а не только его рациональное мышление, ибо наиболее глубокие истины должны быть *пережиты* катарсически.

Будущая философия может выражать себя лишь в предположительно-вероятностном тоне, так как любое положительное утверждение есть конечность.

Она – прогулка по границе рациональности, ставящая Человека перед непостижимостью Тайны себя самого и Мира, позволяющая ощутить радость своей свободы в причастности к этой Тайне.

Через свое основание – отношение «Человек–Мир» – философия связана с первичным религиозным отношением и не имеет права забывать об этой связи.

Философское мышление не должно быть профессиональным

Философское мышление не должно быть профессиональным. Оно должно быть обращено к любому индивиду, что в принципе возможно, поскольку наибольшая глубина связана с наибольшей простотой.

Профессионализм философии – результат отчуждения и существует в мире отчуждения, так же как и общественное разделение труда. Философское мышление (и отношение к Миру) – просто мышление нормального, то есть не отчужденного, не частичного, не зачумленного современной цивилизацией, свободного Человека (личности в полном смысле этого слова). Поэтому обязанностью философии является помощь каждому индивиду в преодолении глубокого *внутреннего* рабства – рабства у вещности, по сравнению с которым все другие формы рабства (политические, идеологические, конфессиональные и т.п.) *поверхностны*. Рабство у вещности наиболее глубокое и опасное: оно искажает саму духовную основу, сущность Человека. Это труднопреодолимая подмена, тем более что внешне выглядит как свобода (демократия, так называемые гражданские права и свободы, либеральные законы и т.п.).

«Недовоплощенность» русского народа

Постнеолитическая фаза должна снова поставить на первое место саморазвитие Человека, «сняв», превратив в «свое другое» неорганическое тело цивилизации. В этом плане русский народ, остающийся недовоплощенным в социальное вещное бытие современной цивилизации, ближе других к безмерности квазихаоса (он не исторический, а эсхатологический), вследствие чего более свободен и приспособлен к принятию радикально новых форм постнеолитического будущего.

Русская философия как прообраз философии будущего

Это состояние русского народа нашло выражение в русской философии конца XIX – первой половины XX в.: она менее всего стремилась к построению систем, была менее всего профессиональна, проникая в область религии, литературы, публицистики. Глубина ее идей, захватывающая эмоциональная напряженность и центрация на будущем (профетизм) позволяют рассматривать русскую философию как прообраз философии будущего.

Отношение Человек–Мир как основание философии

Рассматривая отношение «Человек–Мир», мы говорим именно об *отношении*, а не о Мире как таковом, отделенном от Человека, и не о Человеке как таковом, отделенном от Мира, а именно об их внутренней единоприродности, о причастности Человека Миру и причастности Мира Человеку. Проблема взаимоотношения Человека как *бесконечного Целого* с миром как *бесконечным Целым* парадоксальна и представляет собой непостижимую *Тайну*. Однако полагание именно такого отношения «Человек–Мир» как *Основания философии* задает философии *направление* исследования и путь («вектор»), двигаясь по которому, она может открывать для Человека (а следовательно, и для себя) новые горизонты бытия.

Это означает переход от представления о философии как гносеологии к представлению о ней как метафизике. Слово «метафизика» имеет несколько значений, в том числе оно употребляется как синоним слова «философия». Этот термин употребляется в значении такой философии, в центре которой стоит не гносеология (учение о познании), а онтология – учение о бытии с вечными проблемами отношения Человека к Миру, к Богу, проблемами добра и зла, свободы, нравственности и тому подобными.

Отношение *«субъект–объект»*, в котором фактически движется почти вся (за исключением некоторых направлений экзистенциализма) новоевропейская философия, представляется «вырождением» отношения *«Человек–Мир»*. Так же, как можно себе представить отрезок прямой как вырожденный эллипс или, например, пересечение двух прямых как вырожденную гиперболу. В этом вырождении человек сводится к одной стороне своей сущности, своего бытия; за ним признается одно лишь свойство – быть субъектом познания и действия. Так же, как за миром признается одно лишь свойство – быть объектом познания и действий человека.

Пути выхода философии и психологии из кризиса

Исходя из отношения «Человек–Мир» как основания философского размышления, по-видимому, можно вывести философию (и психологию!) из того кризисного состояния, в которое она попала сегодня и в котором она фактически бессильна сориентировать человека в условиях современного глобального кризиса. При этом первоначально должна быть проделана, что называется, «грубая работа». Исходя из нового основания, необходимо радикально переосмыслить многие самые общие, коренные представления. Например, представление о развитии, об антропогенезе, которые тогда начинают

выглядеть совершенно не так, как принято видеть их в новоевропейском рационализме, в частности в современной науке.

В современных условиях глобального кризиса новоевропейская философия, созидавшая рациональные системы, не является достаточно мощным средством изменения массового сознания и уходит в прошлое.

Почувствовать, что такое философия в её глубинном смысле

Принципиально, что новая философия должна захватывать не только рациональное мышление человека, но все его существо, всю его психику. В частности, философские рассуждения должны использовать все богатство человеческой речи: образные примеры, аналогии, стихи, цитаты из художественных произведений и т.п.

Все рисунки, сравнения, примеры, образы, чертежи, аналогии должны быть употреблены для того, чтобы не только воздействовать на логическое мышление, но подключить к объяснению и чувственное восприятие, что, на мой взгляд, помогает захватить значительно более обширную область психики, включив и ее бессознательную (непосредственно связанную с актуальной бесконечностью) часть. Поэтому я цитирую стихи, чтобы вовлечь в процесс понимания и эмоции слушателей или читателей. Привожу выразительные обороты речи, пословицы и поговорки, соответствующие рассказы, напоминаю художественные произведения и так далее. Но всему этому наглядно-образному и эмоциональному материалу не нужно придавать рационально-теоретическое значение, в том числе и чертежам, схемам, рисункам. Это только намеки, указания на глубокие и обширные процессы, которые в действительности не могут быть сведены к этим рисункам, чертежам, схемам, образам и даже к чисто вербальному описанию как таковому. Это ни в коем случае не модели, не теории, не законы. Если придавать им слишком большое значение, то может возникнуть нечто похожее на упомянутое уже вербальное псевдопонимание, но на этот раз его, наверное, можно было бы назвать *наглядным* псевдопониманием. Этого нужно избежать. Моя задача – с помощью этих средств не только дать понять, но также воспринять и почувствовать то, что называется философией в ее глубинном смысле.

Наглядное представление иерархического отношения в органической системе

Вместо поясняющего рисунка я попытаюсь обратиться к вашему воображению. Представим себе отношение «Человек–Мир» в виде конуса с асимптотически уходящей в бесконечность вершиной. Этот многозначный символ, или «мыслеобраз», позволит нам наглядно

представлять иерархические отношения процессов и структур любой органической системы.

Поскольку именно отношение «Человек–Мир» является основанием и началом антропогенеза, то человек во все времена своего существования пытался так или иначе представить себя в мире, то есть представить себе это отношение. И он представлял его себе в различных мифах, сказаниях, религиях, философии и всеми возможными и доступными ему средствами. И вот все эти системы мифологий, религий, философий мы на нашем конусе можем представить себе в виде ворот, ведущих внутрь конуса. Эти ворота расположены по основанию конуса, и каждое из них представляет собой вход, ведущий внутрь конуса, то есть в нашу проблему, в ее понимание. Каждый «вход» «изготовлен» из «материала», соответствующего наличествующей в это время культуры. Он представляет собой систему *конечно определенных*, привычных для человека данной культуры образов, понятий, ходов мысли, представлений, аналогий, оборотов речи, которая помогает ему соприкоснуться с *бесконечностью* его отношения к Миру, так как для Человека (именно потому, что он Человек!) во всем конечно определенном должна «просвечивать» Бесконечность. Поэтому любыми из этих ворот можно воспользоваться для того, чтобы войти внутрь конуса.

Опасности, возникающие при входе внутрь конуса органической системы

Необходимо избегать двух опасностей. Первая состоит в том, что можно не пройти ворота, ведущие внутрь конуса, а остановиться внутри ворот. Каждые ворота созданы для того, чтобы их проходить и оставлять позади. Но если ты остановишься внутри ворот, то уже не сможешь оставить их позади и пройти внутрь конуса.

А остановиться можно в любых воротах и на чем угодно: на любой философии или религии. Например, можно застрять на К. Марксе, а можно – на историческом христианстве. Это будет самоотождествление себя с конечной, преходящей формой, с которым я встречался у слушателей в начале чтения курсов лекций. Результат будет один: ты не сможешь постичь проблему отношения «Человек–Мир» как бесконечную, ты не сможешь пройти внутрь конуса.

Вторая опасность состоит в том, что, найдя свои ворота, соответствующие тебе и по формам культуры, в которых они существуют, и по твоим каким-то индивидуальным требованиям и особенностям, ты можешь посчитать эти ворота единственно правильными, а все остальные ложными. Тем самым ты с самого начала

отсечешь себе возможность конвергировать с путями, проходящими через другие ворота.

Конвергенция как критерий истинности

Но если все-таки удастся избегнуть этих опасностей, то можно пройти внутрь конуса и постепенно, углубляясь в проблему, подниматься к его вершине. Осуществляя такой подъем, очень быстро начинаешь замечать конвергирование своего пути с другими путями и, следовательно, сближение своих идей, мыслей с другими идеями и мыслями. Начинаешь замечать, что к некоторым из мыслей, к которым ты пришел, приходили и раньше тебя, приходили другие люди, которые исходили из других оснований и, следовательно, прошли внутрь конуса через другие, отличные от твоих, ворота. При этом обнаружение, что идеи, которые ты считал своими, кто-то уже создал и открыл раньше тебя, нисколько не обескураживает. Для мыслителя, который не вошел в поток конвергенции, такая ситуация может показаться даже обидной. Он трудился, наконец достиг каких-то результатов, но выяснилось, что эти результаты задолго до него достигнуты уже другими. Иногда на этой почве возникает и борьба за приоритет – кто первый открыл то или другое. Для человека, движущегося в потоке конвергенции, открытие, что до тебя уже здесь проходили или близко к этому подходили другие и открыли те же идеи, сопровождается не огорчением, а наоборот, радостью. Когда я прихожу к каким-то идеям, которые мне вначале кажутся моим собственным личным открытием, а потом вдруг обнаруживаю, что к этим идеям люди пришли тысячи лет тому назад, я понимаю, что я двигаюсь правильным путем, в каком-то громадном потоке общечеловеческого развития. И это приносит мне удовлетворение и радость.

Таким образом, сама конвергенция (в отличие от прагматистов и, скажем, марксистов, считавших практику критерием истины) выступает здесь как критерий истинности (в смысле правильности направления вектора) моих идей.

Формальное обобщение – не конвергенция

Конвергенция – это не формальное обобщение, а скорее процесс, ему противоположный. Обобщение состоит в том, что вы объединяете предметы или явления по сходным признакам, отбрасывая признаки, которыми эти предметы или явления отличаются друг от друга. Например, можно объединить осину, березу и дуб, сказав, что это деревья. А можно присоединить сюда еще крапиву и одуванчик, назвав все это вместе с деревьями растениями. При этом в обобщенном понятии «растения» уже невозможно усмотреть никакой качественной особенно-

сти ни одуванчика, ни дуба, ни прочих входящих сюда отдельных видов растений. Понятие «растение», таким образом, оказывается по своему содержанию более бедным, чем, скажем, понятие «одуванчик». Обобщающее понятие всегда беднее содержанием тех понятий, обобщением которых оно стало.

В процессе конвергенции в конусе идет сближение всех путей и, следовательно, всех представлений и понятий; при этом каждое из них не теряет своей специфики и полноты своего содержания. Эти содержания начинают, сближаясь, проникать друг в друга, диффундировать и обогащать друг друга. Если вы двигаетесь через какие-то ворота в конусе и начинаете конвергировать, то пути через другие ворота, которые сближаются с вашим путем, нисколько не обедняют ваш путь, а наоборот, они его дополняют и обогащают. Идет обогащение и вас, и всех этих других путей. Образуется то, что Гегель назвал «конкретностью», а Константин Леонтьев – «цветущей сложностью» (или, используя вышеприведенный пример с растениями, можно также выйти к «мыслеобразу» «растения как такового» в смысле И. В. Гёте).

По мере продвижения к вершине конуса системосозидающая философия становится невозможной

В процессе конвергенции и за счет нее понятия и категории, а также представления, образы и эмоции, сближаясь и «соприкасаясь» с представлениями, образами, понятиями и категориями соседних путей, теряют жесткие границы, начинают как бы расплываться и проникать друг в друга. Это – не энтропия, так как они одновременно и сохраняют свое своеобразие, качество, свое внутреннее «ядро», связанное с прохождением данного пути именно через определенные ворота, и в то же время выходят за пределы самих себя, диффундируя в соседние пути. Сама конвергенция возможна лишь потому, что конечная определенность каждого пути несет в себе, в своей качественно особенной форме всеобщую бесконечность вершины конуса. Поэтому по мере продвижения к вершине конуса все менее остается возможностей создания какой-либо жесткой и замкнутой философской системы. Системосозидающая философия становится невозможной.

Попробуем теперь, хотя бы очень бегло и схематично, поговорить *об уровнях, которые проходятся в процессе конвергенции при подъеме к вершине конуса.*

Самый нижний уровень в процессе конвергенции – уровень спора

Самый нижний уровень – это уровень основания конуса и ворот. Здесь взаимоотношения между путями, проходящими через разные ворота, в значительной степени есть отношения взаимоисключения. Представители различных путей, как правило, отрицают друг

друга, спорят друг с другом; это *уровень спора*. Этот спор может принимать различную степень остроты и различные формы, вплоть до физического уничтожения друг друга (например, войны между исламом и христианством). Цель спора – всегда самоутверждение за счет опровержения, поражения противника. Вот как об этом говорил известный французский мыслитель, мудрец Мишель Монтень: «Ничто не отстоит так далеко от истины, как спор»; «При малейшем возражении мы стараемся обдумать не основательность или неосновательность его, а каким образом, правдой или неправдой, его опровергнуть»; «Мы учимся в споре лишь возражать, а так как каждый только возражает и не выслушивает возражения, это приводит к тому, что теряется, уничтожается истина».

Уровень диалога направлен на достижения согласия в восприятии истины

При подъеме внутри конуса, когда мы начинаем ощущать конвергенцию, понимать, что смысл, который пытались на уровне спора только отрицать, несет в себе нечто общее с нашим пониманием, становится возможным уже не спор, а *диалог*.

В отличие от спора в диалоге стороны пытаются не опровергнуть друг друга и за счет этого самоутвердиться, но *найти общую для них истину*. Поэтому диалог может быть плодотворным и поиск истины может увенчаться тем или другим (временным) успехом. В диалоге, таким образом, предполагается в той или другой степени «объективность» истины, в смысле ее независимости от воли и сознания не только спорящих сторон, но всех людей вообще. И диалогизирующие стороны пытаются добиться согласия друг с другом в восприятии этой истины.

Уровень осознания личностного характера истины

Следующий за *уровнем диалога* более высокий уровень связан с осознанием *личностного характера истины*. При этом объективность истины никуда не исчезает, но она становится вторичным, подчиненным, «снятым» моментом. Личность, ее своеобразие, ее свое особенное видение, восприятие и чувствование истины оказываются более важными, чем объективность этой истины, то есть независимость ее от личности (то есть происходит выход за рамки субъект-объектного отношения).

Здесь разговор об истине начинает терять форму диалога. Просто в нашем разговоре, в нашем общении мы с тобой делимся каждый своим пониманием и восприятием истины. При этом мое понимание и восприятие истины обогащает твое представление о ней и, соответственно, твое понимание и восприятие ее же обога-

щает меня. Но при этом я не пытаюсь твое восприятие и понимание истины сделать таким же, как мое, а ты не пытаешься меня подогнать под свою мерку. Каждый из нас остается свободным в своем индивидуально-личностном восприятии и понимании истины. На этом уровне уже совершенно теряет смысл построение, создание каких-то философских систем или какого-то мировоззрения, которое предназначено для всех и должно быть у всех одинаковым. Это мировоззрение должно спонтанно *органически вырасти само*, но на гораздо более высоком уровне подъема в нашем воображаемом конусе.

Уровень диффузного сознания

Следующий, более высокий уровень – это уровень, который я назвал *уровнем диффузного сознания*. Он оказался очень важным для меня, потому что именно с достижением этого уровня и связан вышеупомянутый переворот в моем понимании предмета, целей и формы развития такой философии, которая мне представляется радикально новой и способной выйти из кризиса. Как ни парадоксально это звучит, эта новая философия конвергирует и с наиболее древней.

На этом уровне сознание может уже занять позицию вненаходимости по отношению к путям через разные ворота, взглянуть на них сверху и увидеть и ворота, и пути через них как бы в плане. Сознание не самоотождествляется ни с каким из этих путей. Все они представляются ему в виде некоего диффузного поля, в котором они более или менее растворены и проникают друг в друга. Но для определенного исследования или решения какой-либо определенной задачи сознание своим вниманием может «выхватить» из этого общего диффузного поля определенное – религиозное или философское – учение, наиболее подходящее для решения поставленной задачи. Говоря физико-математическим языком, сознание может создать в этом диффузном поле некоторую «сингулярность», некоторую особенность. Когда надобность в этом учении отпадает, то сознание «отпускает» его и оно снова растворяется в общем диффузном поле. Сингулярность исчезает.

Таким образом, сознание остается свободным от всякой конечной определенности, то есть не связанным постоянно с тем или другим определенным учением. Так, например, Н. А. Бердяев, уже отойдя от марксизма и не будучи последователем К. Маркса, тем не менее, считал, что для анализа капитализма можно воспользоваться марксовой теорией.

Это состояние сознания, пожалуй, можно было бы также назвать безмерным, поскольку оно не определяется никакой конечной мерой. Благодаря безмерности, внутренней и внешней неограниченности диффузное сознание подвижно и текуче, легко принимает любые формы и может проникать в новые области. За эту способность проникновения я и назвал его диффузным. Оно остается открытым и чувствительным ко всему новому. Оно как бы направлено в будущее.

Мой опыт подъема по уровням конуса

Уровень диффузного сознания – это тот уровень, которого я достиг, но выше которого я уже подняться не смог. Выше я мог только, «глядя вверх», теоретически предполагать и интуитивно предчувствовать некоторые состояния сознания и описания. Похожие на эти предположения мне иногда попадались (например, в мистической литературе). Но этот уровень для меня постоянным не стал. Были только короткие моменты подобных переживаний, а в основном я мог только смотреть на эти уровни снизу, как говорится, «задрав голову».

Предчувствие высших уровней сознания

По моим представлениям и интуитивным предчувствиям, к этим высшим состояниям относится, например, *уровень, когда оказывается несущественной вербальность*, то есть презентация понимания в словах. Общение в словах, конечно, и тогда происходит, но это самые обыденные слова. Не надо говорить о высоких истинах, о философии, об особенных состояниях сознания, о духовности и, вообще, о так называемых «высших сферах». Каждый из общающихся сам уже находится в этой сфере духа и непосредственно чувствует ее в других. Поэтому, когда произносятся самые обычные слова, каждый чувствует за ними глубокий, скрытый сакральный (священный) смысл, который невозможно воспринять и почувствовать, находясь только на том вербальном уровне общения, который свойствен новоевропейскому рационализму с его вещным отчуждением человека. Надо самому находиться на этом высоком духовном уровне.

Это как бы процесс, противоположный секуляризации, которая происходит и со словами, представляя собой «энтропию языка» (пример – энтропия русского языка в наших СМИ, которые превращают его в смесь полублатного жаргона и кухонного трёпа). То есть это процесс, в котором обычным словам возвращается их первоначальный, сакральный, то есть священный, духовный смысл.

Состояние неслиянности-нераздельности

Можно предположить и еще более высокий уровень, когда слова становятся вообще ненужными и смысл

передается непосредственно, независимо от языка, на котором он может быть выражен.

Так как конвергенция охватывает не только сознание человека, но и все его представления, восприятия, и не только человека, но и те явления действительности, которые в наше время обычно принято называть «объективными», то при движении еще дальше вверх можно предположить, что на некоторых уровнях они оказываются в особом, проникающем друг в друга и в то же самое время сохраняющем обособленность, парадоксальном состоянии, которое можно назвать *неслиянность–нераздельность* (например, мысль и реальность, пространство и время и так далее). Это, например, значит, что человек, находящийся на этом уровне, своей мыслью может непосредственно творить реальность этого уровня. Возникает возможность некой «высшей магии», которая «снимает» науку, превращая ее в частный случай действий с вещами.

Мистический опыт

Наконец, еще выше и еще дальше проникает мистический опыт. То, с чем встречались там великие мистики, настолько необычно, что все они говорили о практической невозможности описать это обычными словами и образами. Положительное, однозначное описание не получается, и им приходится употреблять взаимоисключающие эпитеты или понятия. Например, «сверкающая бездна», «слепящая тьма», «абсолютно полная пустота», «ничто, в котором всё» и т. п.

Философия будущего как свободное размышлеиие, имеющее вероятностный характер

Уровень диффузного сознания характеризуется тем, что начинается мое личное освоение и понимание философии как своего мира. Слово «моё» я употребляю здесь не для самоутверждения, а чтобы подчеркнуть *ограниченность* этого понимания моим личным опытом, его необщеобязательность. За границами *моего* опыта и моего понимания лежит *бесконечное* поле *иных* опытов и пониманий, и, если я не хочу оказаться замкнутым в конечной области, наибольший интерес должно для меня представлять такое *иное*, которое исходит из оснований, *противоположных* моим. Я должен приписать этому иному не меньшую степень истинности, чем своим собственным личным пониманию и опыту. Это дает мне возможность выхода за границы своего собственного опыта и помогает занять по отношению к нему позицию вненаходимости. Таким образом, я могу избежать самоотождествления со всем конечным, в том числе и с моим собственным пониманием и опытом.

Диффузность, нежесткость всех понятий и представлений на уровне диффузного сознания приводят к

тому, что и саму философию будущего, как я ее понимаю, приходится рассматривать не как жесткую конструкцию, систему из категорий и понятий, истинную в силу своей «объективности», а как некоторое свободное размышление, имеющее вероятностный характер: «может быть так, но может быть и по-другому».

Единственная (но не абсолютная) гарантия его истинности – связь с интуитивным представлением о всеобщем начале (отношении «Человек–Мир»), к которому я пришел. Поэтому в изложении я склонен употреблять слова «вероятно», «возможно», «мне кажется», «я думаю» и т. п.

Парадокс развития

Частота употребления нами понятия «развитие» приводит к тому, что мы уже не задумываемся о его внутреннем содержании. Например, мы говорим «развитие личности». Но если мы с вами поближе познакомимся с понятием «развитие», то выяснится, что оно парадоксально, а анализ этой парадоксальности приводит к некоторым выводам и заключениям, о которых большинство употребляющих это понятие не задумывалось.

Развитие одновременно связано с изменением и неизменностью

Для начала мы встретимся с парадоксальным тезисом – нам придется признать связанность развития одновременно с изменением и неизменностью. Если нечто развивается, то это означает, что оно, с одной стороны, изменяется, а с другой стороны, остается самим собой. Действительно, если мы предположим, что нечто только изменяется во времени, не сохраняется, и припишем ему только свойство изменения, то какие основания у нас в различные моменты времени считать, что мы имеем дело с тем же самым нечто? Если же, наоборот, мы припишем ему тождественность самому себе, неизменность, то, спрашивается, при чем здесь развитие? Следовательно, если нечто развивается, то мы должны приписать ему сразу и *изменение*, отличие от самого себя с течением времени, но также и *неизменность*, самотождественность. Таким образом, мы встречаемся здесь с парадоксом, который можно назвать парадоксом развития.

Парадокс развития, связанный с временем

Еще один парадокс, связанный с развитием. Представим себе ось времени в виде горизонтальной линии.

Слева у нас пусть будет прошлое, и линия времени уходит в бесконечное прошлое, а справа будущее. Тогда настоящее предстанет перед нами безразмерной точкой на этой линии, точкой, которая движется слева направо, а состояние Мира в данный момент времени можно на нашем рисунке представить как вертикальную линию, проходящую через эту точку настоящего. В

этой самой точке настоящего отсутствует прошлое, его уже нет, но в этой точке отсутствует и будущее, потому что его еще нет, следовательно, существует реально только настоящее. Но в таком случае – что же такое развитие как движение из прошлого в будущее? Получается, что представление о развитии имеет дело с тем, чего нет, с ничто.

Если же мы попытаемся включить в наше представление о развитии прошлое и будущее, как бы «растянув» это наше представление по оси времени, то получится, что есть будущее, которое с течением времени непрерывно превращается в прошлое. Но тогда исчезает настоящее. Оно действительно оказывается не обладающим никакими измерениями во времени, а может быть представлено только как некое пространственное сечение данного мгновения. Но тогда, следовательно, настоящее выпадает из процесса, из развития.

Выход состоит в том, чтобы представить себе сразу и прошлое, и будущее как существующие и определяющие, детерминирующие собой момент настоящего. Тогда момент настоящего окажется включенным в развитие.

Детерминация настоящего будущим

С детерминацией настоящего прошлым, то есть с зависимостью настоящего от прошлого, мы все хорошо знакомы. Это – причина, причинная зависимость. А вот с детерминацией настоящего будущим в нашем представлении, представлении современного человека западной цивилизации, дело обстоит несколько хуже. Мы готовы согласиться с тем, что поступки человека определяются будущим, то есть его сознательной целью, но нам трудно себе представить, что мир вне человека также может быть детерминирован целью как своим собственным будущим. Философское учение и даже просто представление о детерминации целью – телеология (от древнегреческого «телос» – цель) трудно принимается сознанием современного европейца, в отличие, скажем, от европейца средневекового, где телеологическое объяснение явлений принималось как совершенно нормальное и понятное. Когда современный европеец будет пытаться объяснить что-то, он будет стараться ответить на вопрос «почему?», в то время как средневековый европеец в этой же ситуации пытался ответить на вопрос «для чего?». «Почему?» тоже существовало для средневекового европейца, но годилось в его понимании только для пояснения мелких (например, бытовых) явлений и связей.

Трудность принятия целевой зависимости современным сознанием

Сейчас я хочу обратить внимание только на то, что такая трудность принятия целевой зависимости связана с особенностями нашего современного сознания, с его

определенной ограниченностью. Мы готовы согласиться с тем, что цыпленок развивается во взрослую курицу по той причине, что в нем, допустим, в его генетическом аппарате, есть нечто, что как бы подталкивает его сзади в этом направлении. Но нам труднее себе представить, что цыпленок превращается во взрослую курицу потому, что есть некий образ взрослой курицы как цель, которая, ну, что ли, «притягивает» к себе цыпленка.

Между тем современная биология вынуждена признать, что одними внутренними факторами развитие организма, начиная от его эмбрионального состояния и до взрослого состояния, не определяется, что приходится признать существование некоторого, не известного пока что науке внешнего фактора, который ведет направленно процесс развития, начиная с того, что делящиеся клетки эмбриона образуют совершенно определенные ткани и органы. Того, что может быть заложено в генетическом аппарате, совершенно недостаточно для формирования организма. Должен существовать где-то, как-то и какой-то образ *целого*, к которому и направлено развитие, то есть та самая цель.

Существуют и другие явления, эмпирически регистрируемые в эволюции живой природы, которые явно указывают на телеологическую зависимость эволюции, но которые, однако, до сих пор не получили объяснения.

«Сверхфизические», нематериальные планы бытия

На каждом более или менее определенном, более или менее завершенном этапе развития, который мы можем выделить, в его начале в форме цели уже имеется то, что должно получиться в его конце. То, что вначале уже есть в непроявленной форме, должно проявиться, реализоваться в конце. Возникает вопрос, где же эта цель, или некий конечный образ существует, если он еще не проявился в нашем наличном, физическом плане бытия? Приходится предположить, хотя с этим трудно мирится научное мышление, что существуют некие области бытия за пределами физического, телесного, материального его воплощения. Впрочем, можно не предполагать, так как с момента своего возникновения на протяжении всего антропогенеза человек знал о существовании неких «сверхфизических», нематериальных планов бытия и соответствующим образом практически их использовал. И только локальное, ограниченное по времени и месту новоевропейское сознание (последние 350–400 лет; Западная Европа) настолько погрузилось в мир вещей и вещных отношений, в логику этого мира, настолько подчини-

лось ему, что «забыло» о существовании нематериальных областей бытия, а наука, став господствующей формой познания, стала активно бороться против признания существования этих нематериальных областей бытия, вплоть до отрицания хорошо известных в течение тысяч лет феноменов, связанных с проникновением соответствующих явлений, образов и энергий из этих областей в область физически проявленного материального бытия. И связано это было с общей секуляризацией жизни и сознания. Лишь в последние десятилетия наука начинает признавать (но отнюдь не понимать) реальность измерений и планов бытия, которые находятся за пределами физической реальности. Вместе с этим приходится признать и практическую действенность магии, издавна использовавшей энергии и силы внефизической реальности.

Две цепочки детерминации настоящего

Если теперь мы вернемся к нашему представлению оси времени как горизонтальной линии, уходящей бесконечно в прошлое и будущее, то мы можем построить две цепочки детерминации.

Первая цепочка – это уходящая бесконечно в прошлое цепь следствий и причин: у каждой причины есть предшествовавшая ей причина, следствием которой она явилась, и так далее. Будет цепочка причин до какой-то самой отдаленной, а если говорить о бесконечности, то это цепочка, уходящая в бесконечность прошлого, детерминация в которой будет направлена слева направо, то есть каждая причина будет вызывать следствие, это следствие будет причиной последующего следствия и так далее, вплоть до настоящего момента.

Вторая такая цепочка может быть представлена из последовательности целей, то есть наиболее отдаленная цель будет вызывать, детерминировать цель более близкую, та – еще более близкую к настоящему и так далее. Эта цепочка будет направлена из бесконечности будущего к настоящему, то есть справа налево. Но, как мы уже заметили, цель в непроявленной форме уже в настоящий момент актуально существует, хотя должна проявиться в физическом, материальном плане только в будущем. Следовательно, и вся подлежащая проявлению и реализации в бесконечном будущем цепочка целей уже актуально существует в каждый данный момент.

Бесконечность бытия существует в двух формах

Бесконечность бытия, таким образом, существует сразу непременно в двух формах: в форме бесконечного изменения, реализации и смены конечных форм во времени, уходящей в бесконечное будущее, и в форме, в которой все, что может быть достигнуто развитием во

времени, в будущем, уже существует актуально, вне времени. Бесконечная смена, цепь сменяющих друг друга во времени конечных форм физического бытия может быть названа *потенциальной бесконечностью* (ПБ), а непроявленное существование этих форм вне времени и пространства физического бытия можно назвать *бесконечностью актуальной* (АБ). В актуальную бесконечность уходит вершина нашего конуса, изображающая отношение «Человек–Мир», в нее же выходили упомянутые выше великие мистики.

Всякое развитие предполагает существование этих двух не отделимых друг от друга полюсов, или форм бесконечности. На нашем рисунке, изображающем ось времени, мы можем чисто условно изобразить вертикаль, проходящую через любую точку этой горизонтальной оси времени, и считать, что эта вертикаль уходит во вневременную область актуальной бесконечности.

Научные теории эволюции не могут быть истинными

В органическом развитии началом всегда является целое, части всегда вторичны. Поэтому всякие научные теории эволюции не могут быть истинными, поскольку стандартный способ мышления и научно-технологического действия неорганичен, предполагает целое (все равно – мыслимое или материальное) как конструкцию из своих частей. Поэтому же и дарвинизм не может быть теорией происхождения видов, но лишь «теорией» адаптации уже существующих видов к меняющимся условиям существования. Это достаточно убедительно показал уже Анри Бергсон в своей «Творческой эволюции». Новые же виды появляются в порядке детерминации настоящего будущим, сразу как целые, будь то биологические виды или целые новые цивилизации. В биологии это явление получило название «ароморфозы». По-видимому, происходит прорыв в наличное эмпирическое бытие готовых к воплощению целых качественных форм из области метаэволюции и метаистории.

Мы, пожалуй, теперь можем ответить и на вопрос Дмитрия Ивановича Блохинцева, основателя Объединенного института ядерных исследований: «человеческий разум... оказывается способным предсказывать возможные закономерности внешнего мира, с которыми он еще не имел случая встретиться в жизни. Не значит ли это, что наш разум посвящен в тайны мира, но не помнит, когда и где произошло это посвящение?» [2]. Мы теперь можем сказать, что это посвящение есть соприкосновение с областью актуальной бесконечности, где все идеи и принципы *уже существуют* акту-

ально и проявляются в сознании *априорно*, то есть до опыта, до эмпирии.

Личностное развитие и область актуальной бесконечности

Я сейчас касаюсь этой проблемы связи между актуальной и потенциальной бесконечностью очень коротко, отметив лишь, что полноценное личностное развитие невозможно без связи индивида с областью актуальной бесконечности. В какой форме и каким образом эта связь может осуществляться – это один из самых существенных вопросов воспитания личности. Потому что воспитание должно обязательно включать в себя организацию встречи индивида с областью актуальной бесконечности. Без этой встречи личность не развивается, не формируется. Личность вообще формируется только в отношении «Человек–Мир» и не может формироваться в границах отношения субъект–объект. Таким образом, развитие и раскрытие – диалектическая пара, из коей вещное мышление видит только одну половину.

Антропогенез

Антропогенез в целом есть Тайна и навсегда останется Тайной. Данное короткое размышление есть лишь один из возможных вариантов представления некоторого «отрезка» антропогенеза, имеющего, как мне кажется, непосредственное отношение к возникновению современного глобального кризиса.

Человек как разумное (лучше, по-моему, переводить sapiens – как мудрое, что, на мой взгляд, вернее) существо начинается со вспышки рефлексии во всеобщей форме – осознания себя как «Я» и Мира как «Ты». Это первичное, *непосредственное религиозное* отношение – *самонахождение и самовосприятие себя в Мире*. Связанное с рефлексией трансцендирование выводит сознание в положение вненаходимости к «Я – Ты». *Опосредованное* рефлексией-трансцендированием отношение «Я–Ты» предстает в своей другой ипостаси, как «Я–Бог», или «Человек–Мир». Тогда становится возможной *философия – самопонимание и самоопределение* Человека в Мире.

Фаза палеолита и неолитическая революция

Фаза антропогенеза, которую принято в науке называть палеолит, состояла не в особенностях «каменной индустрии» (что отражено в самом названии («древнекаменный»), а в том, что это был период или эпоха формирования внутреннего духовно-телесного существа человека при практически не изменяющихся орудиях труда. Это был период господства рефлексии.

Неолитическая революция – переход к противоположной фазе: развитию орудий и орудийной деятельности (от каменного топора до современной техники и технологии), развитию «неорганического тела человека»

при неизменности и даже деградации самого человека (например, акцентуации рационального мышления за счет некоторых других способностей).

Отчуждение Человека от Мира

Господство отношения «Человек–Мир» постепенно замещается господством его вырожденной формы – отношением «Субъект–Объект», где Человек представлен абстрактно как частичный и в такой же абстрактной частичности представлен Мир как мир объектов. Фаза неолита – фаза *развития отчуждения* Человека от Мира и от своей собственной сущности (назначения в Мире) как целостного универсального существа.

Возникновение христианства – начало разложения фазы неолита, конец этого разложения – господство вещного отчуждения (современного производства, рынка, денег), завершающееся глобальным кризисом современности, выраженным в дегуманизации человека, кризисах демографическом, экологическом, общесоциальном и т.д., включая кризис религии и философии. Это кризис завершающей фазы неолита: вещное отчуждение человека, приобретающее всеобщую форму в господстве денег.

Эпоха новых форм жизни из области метаистории

Наступает эпоха «междуфазья», «безмерности», «квазихаоса», разрушения, «энтропии» всех конечно определенных форм жизни, связанных с фазой неолита, эпоха, благоприятная для воплощения новых форм жизни из области метаистории. Духовно-душевная сфера человека должна радикально измениться, чтобы принять участие в созидании «постнеолитической» фазы жизни.

В частности, сознание должно «снять» (aufheben – превзойти) отношение «Субъект–Объект», в рамках которого развивался новоевропейский рационализм со всеми его формами культуры, включая философию и науку (рассматривающую Мир через призму вещных отношений). Это означает *возврат к Началу* — целостному отношению «Человек–Мир», где Человек предстает как универсальное, несущее в себе актуальную и потенциальную бесконечность, бесконечно-конечное парадоксальное существо.

Задача философии

Задача философии – подготовить сознание человека к этому радикальному изменению, для чего она должна сама радикально измениться и, прежде всего, начать с Начала – с размышления об отношении «Человек–Мир», осциллирующего с отношением «Я–Ты», что может дать ей критерий *выделения* во всей культуре (включая и саму философию) *«вечного»*, причастного сфере актуальной бесконечности (АБ), и *отделения* его

от конечных, исторически преходящих форм, принадлежащих бесконечности потенциальной (ПБ), «снимаемых» и оставляемых позади. Эта философия будущего (в курсах лекций я назвал ее «постнеолитической») должна начинаться сейчас. Здесь можно указать только ее некоторые основные черты.

Представление о личности связано с началом христианства

Существуют десятки *различных* профессиональных определений личности. Между тем непрофессионалы *сходятся* в своих представлениях о личности как о человеке надежном, слова и дела которого не расходятся друг с другом, который сам свободно решает, что ему делать и сам отвечает за результаты своих действий. Такое представление о личности связано с началом христианства. Опираясь на это начало, мы можем сказать, что *личность – это индивид, обладающий бесконечной внутренней свободой в принятии решений и действиях и одновременно индивидуальной свободой, ни с кем не разделенной, такой же бесконечной, взятой на себя нравственной ответственностью за результаты этих решений и действий*. Ответственностью перед Богом, Миром, Человечеством, которая может идти только от Центра и выражает себя голосом совести. Таким образом, личность самоопределяется в бесконечных параметрах.

Парадокс человеческого существования

Основной парадокс человеческого существования состоит в том, что Человек – *двойственное, бесконечно-конечное* существо. Будучи бесконечен в духе, в созерцании, в мысли, в чувстве, в воле, в фантазии и т. д., он конечен телесно: «Я телом в прахе истлеваю, умом громам повелеваю, Я царь, я раб, я червь, я Бог» (Г. Державин). Человек смертен и *знает о неизбежности своей смерти*. Бесконечное число трагических коллизий порождает это знание и такое же число самообманов, уловок, ухищрений, объяснений и надежд на чудо бессмертия было придумано, чтобы избавиться от этого знания: и утешение себя, что жизнь продолжится в твоем потомстве, и различные образы спасения, переселения душ и т.п.

Не обсуждая здесь бесконечные проблемы и противоречия, порождаемые парадоксальностью Человека, я хочу обратить внимание на одно обстоятельство, состоящее в том, что, как известно, человеческий индивид – существо общественное и может жить и формироваться как человек и личность лишь в общении с другими людьми, что делает бесконечную свободу его «Я» неразрывно связанной с такой же бесконечной ответственностью перед «Мы». Но это «Мы» также оказывается представленным двойственно: «Мы» ограниченное группо-

вое, социальное, «сборное» и «Мы» универсальное, личностное, как совокупность «Я», связанных непосредственно центрами, «соборное».

Двойственность этического сознания

Этическое сознание личности также оказывается двойственным, располюсованным на противостоящие друг другу бесконечную, безусловную и ограниченную, обусловленную наличными (прежде всего, социально-историческими) условиями бытия, стороны. Когда в 1967 году я пришел к этой идее, мне открылось сразу столько во внутреннем мире Человека, что захотелось кричать «Эврика!» и в безумной самонадеянности казалось, что теперь я осчастливлю психологов и педагогов, и я стал ее «пропагандировать», где и как мог. Считая это противоречие основным, движущим развитие личности, «разностью потенциалов», дающей ей «этическую энергию», я описал его в заказанной мне Политиздатом в 1969 году статье «Взаимоотношение науки и нравственности» для сборника «Наука и нравственность». При этом, поскольку «нормы и правила поведения человека», предъявляемые ему его социальным окружением, принято было называть *моралью*, противостоящие морали бесконечные и безусловные принципы человеческого бытия, выражающие себя в «голосе совести», я назвал *нравственностью* в собственном смысле слова.

Перипетии с проблемой нравственности

Все, что касалось нравственности, было из упомянутой статьи изъято, и остатки ее были опубликованы в указанном сборнике в 1971 году под названием «Наука и человек» [3]. Полностью она была опубликована лишь при переиздании сборника на иностранных языках [4].

Я не буду говорить об исторических и теоретических корнях этой проблемы, а также о том, что *после того*, как я «открыл» ее для себя, я получил способность «видеть» ее, в любых «одеждах» и формах, у каких бы авторов, в какой бы литературе я с нею не встречался. Мне кажется, что ее интуитивно чувствовали многие поэты и писатели, а также педагоги, менее «онаученные», чем психологи, и самим характером своей работы вынужденные соприкасаться с целостной, готовой к личностному росту индивидуальностью ребенка.

Учитывая все эти обстоятельства, здесь я напомню схематично лишь самые главные моменты проблемы в качестве «вех», позволяющих понять и разобраться во всем остальном.

Противостояние морали и нравственности

Поясняя противостояние морали и нравственности, я обычно начинаю с самого простого, всем известного примера: как можно в двух словах определить содержа-

ние пьесы Л. Н. Толстого «Живой труп»? Как столкновение морали и нравственности. Герой пьесы чувствует, что жить по правилам морали общества, к которому он принадлежит, не позволяет совесть – проявление нравственности. Внутренний конфликт достигает остроты, приводящей к самоубийству. Практически вся глубокая литература и поэзия живут в ощущении этого конфликта. Б. Л. Пастернак в «Охранной грамоте» употреблял выражение «безнравственная мораль».

Сравнительные характеристики морали и нравственности

Сравним по некоторым параметрам мораль и нравственность.

Мораль всегда носит социально-групповой характер: мораль семьи, мораль любой оформившейся социальной группы, мораль церкви, классовая мораль, мораль члена партии, мораль вора в законе и т. п.

Нравственность одна – общечеловеческая.

Мораль всегда предписывается индивиду извне от социальной группы в форме конечно определенных норм и правил.

Нравственность «растет» изнутри вместе с личностным «Я» индивида, а часто даже опережает формирование личностного «Я» и внешне не может быть выражена в нормах, а лишь (и то не всегда) в безусловных, бесконечных принципах.

Моралью можно пользоваться как средством психического давления, порабощения и шантажа. Она, прежде всего, существует для других.

Нравственностью пользоваться нельзя, она вне отношения использования и существует, прежде всего, для себя.

Оценка морального поведения исходит от социального окружения («будешь хороший – получишь конфетку», а иногда и более весомые блага).

Оценкой нравственности является совесть

Оценкой нравственности является совесть, это всегда *самооценка* (иногда довольно жестокая) и ни в какой степени она не может зависеть от мнения социального окружения. Иногда ситуация складывается так, что индивиду приходится выбирать: совершить ли поступок моральный и заслужить одобрение общества или поступить по совести, вызвав презрение не только современников, но и потомков, осуждение и, может быть, даже гибель. Например, некоторые герои произведений Ф. М. Достоевского ведут себя с обывательской точки зрения странно: вынужденные под давлением угрожающих жизни обстоятельств совершить безнравственный поступок, они не оправдываются силой принуждающих обстоятельств, а берут вину на себя. Это – показатель

высокой степени нравственного развития: если твоя внутренняя свобода и ответственность бесконечны, то не может существовать внешней силы, могущей заставить тебя поступить безнравственно. А если такая сила нашлась, значит, ты оказался нравственно слаб, твоя вина, кайся! Таким образом, бывают ситуации, которые «не читки требуют с актера, а полной гибели всерьез».

Конфликты между нравственностью и моралью

Одним из основных показателей личностного развития индивида является глубина осознания им конфликта между нравственностью и моралью. Существование в социуме требует уважения моральных норм. До какой степени и в какой ситуации им следовать – решать личности. В это глубоко личностное решение нельзя вмешиваться со стороны. Нельзя решать, кто более прав: Джордано Бруно или Галилео Галилей.

Конфликты между нравственностью и моралью в процессе личностного развития (отсутствие конфликтов означает, что развития личности не происходит) встречаются повседневно, и трудности их разрешения есть трудности личностного роста индивида. Нормальное личностное отношение в этих конфликтах – это первенство нравственности над моралью. Поэтому «грош цена любой морали, если за ней не стоит максимализм нравственности».

Бесконечность и здесь преподносит парадоксы и безвыходные положения. Например: вы видите человека, собирающегося убить ребенка. Вы можете помешать, только убив этого человека. Ваше вмешательство или невмешательство в обоих случаях есть нарушение заповеди «не убий!» и, следовательно, вам не избежать нравственной ответственности и вины.

Пожертвовать не собой, а другим – значит взять на себя вину и ответственность

Еще один парадокс, многообразно представленный в литературе (в частности, у Ф.М. Достоевского в притче о «билете в рай» и «слезинке ребенка»): представим ситуацию, когда для спасения жизни тысяч людей необходимо пожертвовать жизнью одного. *Мораль* вкупе с наукой начнут рассуждать, а не превышает ли польза обществу от этого одного пользу, которую могут принести означенные тысячи, и на основе этих соображений решать проблему. С точки зрения *нравственности* проблема, так поставленная, представляет неразрешимый парадокс, поскольку один эквивалентен каждому из этих тысяч и одновременно всем им вместе, и не только им, а и всему человечеству. Проблема должна быть перевернута: каждый *может пожертвовать собой* ради спасения других, но никто со стороны *не может пожертвовать им, ибо каждый – не просто* часть *чего-то (Мира,*

общества, социума и т.п.), но целое, *бесконечная ценность*. Пожертвовать не собой, а другим – значит взять на себя бесконечную вину и ответственность.

Взаимоотношение морали и нравственности – узел связи философии, психологии и педагогики

Взаимоотношение морали и нравственности – центральная и сложнейшая проблема становления личности, представляющая собой узел связи философии, психологии и педагогики.

Остается педагогике размышлять и экспериментировать, как ее решать, особенно в настоящих невероятно сложных условиях, когда власти предержащие пытаются насадить в России рыночную экономику. Рыночная экономика, капиталистическое общество и все сопутствующие им общественные формы и соответствующая мораль абсолютно безнравственны и антиличностны. Личность вообще в условиях социума всегда вынуждена «идти против течения», а в наших современных это еще и условие спасения «архетипа» русского человека, а следовательно, и нации.

Начинать воспитание надо с формирования сознания

С точки зрения философии ясно одно: начинать воспитание надо «сверху», с формирования сознания и чувства бесконечности личностного «Я», а оно формируется только в его отношении с божественным «Ты». Может быть, следует воспользоваться опытом клерикальной педагогики (например, томистская педагогика начинает с внушения ребенку, что он является бесконечной, любимой Богом ценностью).

Во всяком случае, не с того, что я чаще всего слышу в публичных выступлениях наших, даже известных, педагогов. Рассуждают примерно так: «Жизнь в современной цивилизации настолько быстро меняется, что первейшей задачей педагогики является от нее не отстать, а стараться воспитывать ребенка так, чтобы он мог легко к ней приспособиться». То есть речь идет об адаптации ребенка к социуму, его, как теперь принято говорить, «социализации». Я же думаю, что воспитывать ребенка надо так, чтобы он мог «идти против течения» современной цивилизации и выдерживать колоссальный ее напор, стремящийся уничтожить в нем Человека. Несвоевременная, не согласованная с фазами его индивидуального развития социализация убивает в ребенке способность «идти против течения», творческие способности и возможность развиваться как личность. Его уделом в этом случае, скорее всего, будет стать социальным функционером.

Личностное развитие человека продолжается всю его жизнь, и в каждый момент времени каждый из нас в какой-то степени и в каком-то отношении личность, а

именно в той степени и в том отношении, где он может действовать свободно и ответственно.

Парадокс свободы личности

Что касается свободы личности, то, как мы уже говорили, ее парадоксальность состоит том, что в этой свободе одновременно присутствуют кажущиеся рациональному сознанию несовместимыми абсолютная недетерминированность, произвол и нравственная ответственность, как будто бы этот произвол ограничивающая. В плане внешнего рационального размышления и действия этот парадокс неразрешим. Его «снятие» может происходить только в сверхрациональной сокровенной глубине личностного «Я», принимающего согласное с его *совестью нравственное* решение. Здесь снимается ограниченность, так как выясняется, что у нравственности отсутствуют границы, но есть вектор, направленный «вверх», к АБ, к Богу, – вектор, который так же безграничен. Благодаря этой бесконечности и, что особенно важно, *качественной* безграничности этого вектора, *личность в своей человеческой сущности стоит в духовной иерархии выше любой, не имеющей этого вектора индивидуальности, насколько бы эта индивидуальность не была ярче, сильнее и какими бы способностями она не обладала.*

Вектор любви

Вектор, который можно было бы назвать *вектором любви*, является абсолютной вершиной (в нашем «мыслеобразе конуса» «завершается» незавершимой Тайной АБ), определяет всю бесконечную целостность Бытия. Это как раз одна из тех истин, принять и освоить которую невозможно с помощью рассудка, а только лишь ее почувствовав и пережив причастность к ней как к Тайне. С другой стороны, здесь, по-видимому, граница наших поисков философского основания понимания личности и источника ее нравственности, граница, которой может достигать рационалистическая философия, исследующая отношение «Человек–Мир», как отделившееся от отношения «Я–Ты». Поэтому, не «растворяя» философию (хотя, может быть, это следовало бы сделать) в религии – области, где я чувствую себя некомпетентным, я могу лишь очень коротко и бегло остановиться на этом вопросе. Здесь появляется сверхрациональность, связанная с безграничностью любви Бога к Человеку (и несущая в себе, как это ни покажется странным, глубокий смысл веры Д. И. Блохинцева в «благонамеренность Вселенной по отношению к человеку» [2]).

Нераздельность Человека и Бога

Размышляя сейчас об этом, мы находимся в непосредственной близости (насколько можно говорить о близости по отношению к трансцендентному) к вершине конуса органической системы, символизировавшего

для нас отношение «Человек–Мир» как основание и предмет философского размышления. Но здесь мы видим, что рациональное философское размышление превращается в «свое другое», становясь лишь одной из сторон неопределимой, «несказанной» трансцендентности, включающей в божественной любви неслиянность-нераздельность Человека и Бога.

Теперь эта вершина выступает в другой ипостаси: не только как *цель* духовного устремления человека, духовного прозрения великих мистиков, но как таинственное в своей бесконечной открытости *начало*, из которого исходит порождающая все Бытие энергийная эманация любви, связывающая весь мир в единое целесообразное и гармоничное целое (один из «законов» сверхчувственного мира в противоположность миру физическому: «сходное, однородное притягивается»). С точки зрения христианства эта бесконечная божественная эманация любви Бога к человеку (можно сказать словами А. Тойнби, «Вызов») воспламеняет в человеке ответную любовь к Богу, к другим людям и всей сотворенной жизни. Подчеркнем, что первичным здесь является движение «сверху» – от Бога к человеку: в Евангелии от Иоанна приводятся слова Христа (гл. 13): «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, *так* и вы да любите друг друга».

Непостижимая Тайна божественной *любви* заключает в себе и исток жизни Человека как *хозяина земной жизни и ее хранителя*. Это *служение* Человека является и его *основой*, и его *назначением*, а тем самым и содержанием нравственности, внутренним «индикатором» и «перводвигателем» которой становится *совесть*.

И блещут радостные вехи
Во тьме холодной вновь и вновь.
И сказано о человеке:
Он есть любовь,
Он есть любовь.
Неумолимые пределы
Сужают четко бытие:
Ведь даже тело, даже тело,
Оно твое и не твое.
Земле сырой, холодным травам,
Прервав невидимую нить,
Не по своей охоте, право,
Его ты должен уступить.
Хоть мысль твоя объемлет выси,
Но ты кумира не твори:

Ведь даже мысли, даже мысли,
Они твои и не твои.
И, если честным быть с собою,
Как разграничишь в глубине,
Что здесь свое, а не чужое,
А не пришедшее извне?
И если без предубежденья
На тайну древнюю взглянуть,
Любовь – твое предназначенье,
Твоя единственная суть...
Ее владельцем и слугою
Себя я чувствую опять.
И лишь ее, ничто другое
Я власть имею даровать.

[Валентин Сидоров]

Истоки личности и нравственности

Вот только теперь мы добрались до истока личности, нравственности, совести. Теперь становится понятно, почему именно в первохристианстве возникает представление о личности как высшей ценности, становится понятным всемирный характер христианства, абсолютность и сверхзаконность любви, совести, сострадания и сорадования. Также становится понятной и достойной жалости (и, естественно, прощения) наивность мыслителей, ищущих основание личности и нравственности в социальности, культуре или в любых других эксплицитных (внешних) факторах жизни человека. Только через эмплицитное достигается позиция вненаходимости к Миру, позволяющая *простить* всему конечному его несовершенства и *полюбить* его, включая не только людей, но и животных, и растения, и явления природы, почувствовать свое глубокое родство со всей природой (в чем-то сходное с языческим мировосприятием), и тогда может открыться «благонамеренность Вселенной по отношению к человеку».

Благословенны будьте, травы
И воды в зелени оправ.
Виновных нет, все люди правы.
Но больше всех простивший прав.

[Игорь Северянин]

Христианская любовь – рационально невыразимая Тайна

Но при всей этой открытости и «понятности» сама любовь по-прежнему остается рационально невыразимой *Тайной*. Сострадание (и *сорадование!*), помощь, жертвенность, дружеская открытость и доверие, создающие атмосферу интимности, тепла и нежности, поло-

жительное принятие мира – основные проявления христианской любви.

Христианская любовь – не просто временное чувство, эмоция, переживание, но *постоянное состояние, свойство души человека, характеристика его бытия, отношения к жизни, к людям, ко всему миру* на высшей ступени его личностного развития. Вот как говорит о ней в Первом послании к Коринфянам апостол Павел:

«Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий.

Если имею *дар* пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что и *могу* горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто.

И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы.

Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится,

Не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла,

Не радуется неправде, а сорадуется истине;

Все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит.

Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится.

Ибо мы отчасти знаем и отчасти пророчествуем;

Когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится» [1 Кор. 13: 1–10]. И «частичный человек» станет целостным – личностью.

Бесконечна литература, посвященная любви. Я не думаю, что в границах философии можно понять любовь. Для этого нужно погрузиться и в глубины религии, и не интеллектом только, но всем своим существом воспринять свою причастность к Тайне трансцендентного.

Философы о любви

Что касается философов, то большинство из них понимали любовь как утверждение существования любимого. С. Л. Рубинштейн говорил, что любимый – «самый существующий из всего существующего. <...> ...любовь есть утверждение существования другого и выявление его сущности» [5, с. 369–370]. «Любовь к другому человеку выступает как первейшая, острейшая потребность человека. <...> Радоваться самому существованию другого человека — вот выражение любви в ее исходном и самом чистом виде» [5, с. 369–370].

Н. А. Бердяев писал: «Любовь и есть не что иное, как утверждение бытия в его полноте и утверждение

бытия на вечность. Но настоящая любовь есть всегда любовь к индивидуальному и конкретному. Любить общее и отвлеченное нельзя. Любовь есть всегда любовь к личности, ви́дение этой личности в Боге и утверждение вечной жизни этой личности через излучающуюся энергию» [1, с. 166]. Не могу сейчас припомнить, чьи это слова: «Сказать человеку: “Я тебя люблю” – это значит сказать ему: “Ты будешь жить вечно”», но сказано, по-моему, прекрасно. Здесь человек выходит за границы своего бренного, земного существования и бросает вызов бесконечности, что заставляет думать, что он в действительности имеет такое право, а может быть, и обязанность. Сказал же Н. А. Бердяев, что свобода – не право человека, а его обязанность перед Богом [1, с. 311].

Охваченным любовью ко всей жизни жил У. Уитмен. С таким же чувством жил А. Швейцер, исповедовавший «благоговение перед жизнью» и собственной жизнью это преклонение осуществлявший. Я думаю, что в каждом не отчужденном от мира человеке должно жить чувство любви ко всему живому, например к животным, как к детям, и что животные способны отвечать на это чувство.

Все это, на мой взгляд, показывает, что любовь есть, говоря словами Т. де Шардена, «ткань Универсума», пронизывающая и связывающая все живое.

Первохристианство как всемирная религия любви

Именно потому *первохристианство* представляется мне высшей формой религии, что оно утверждает себя как *всемирная религия любви.*

Именно здесь основа и исток нравственности, и христианство, сделавшее любовь своим началом и основой, потому и могло объявить нравственную личность высшей ценностью.

Кстати, мне кажется, что первохристианство, будучи основанным по сравнению с другими, существовавшими с ним в то время религиями, на более глубоком Начале (на сущности более глубокого, может быть трансцендентного, порядка), включало в себя разошедшиеся впоследствии принципы Востока и Запада (связанные соответственно с АБ и ПБ).

Историческая христианская церковь, став социальным учреждением, не удержалась на этом духовном уровне, подвергнувшись всеобщей энтропии. Поэтому первоначальное христианство можно рассматривать как «проект» будущего. Возможно, это имел в виду А. Мень, когда сказал в одной из своих лекций, что настоящее христианство еще не началось.

По христианским воззрениям, Человек как личность, чтобы *быть*, не должен ничего *иметь*, кроме любви, так как это единственный способ быть *своим* в мире, тем самым делая и *Мир своим*, то есть реально иметь *всё*, осуществляя себя как универсальное существо. Идеальный пример – Христос.

Любовь «небесная» и «земная»

Из вышеприведенного описания христианского понимания любви нельзя делать вывод о ее сентиментальной слабости и мягкотелости, уступчивости и всепрощении. Любовь – это энергия и сила, сострадающая, милующая, принимающая покаяние и прощающая, но в то же время мощная и всеобъемлющая, могущая принимать бесконечно разнообразные формы и облики. Сентиментальность – всего лишь одно из ее обличий. «Сентиментально-гуманистическое развеществление человека, которое остается объектным: жалость, низшие виды любви (к детям, ко всему слабому и маленькому). Человек перестает быть вещью, но не становится личностью, то есть остается объектом, лежащим в зоне *другого*, переживаемым в чистой форме *другого*, в отделении от зоны *я*» [6, с. 322–323]. Личность, несущая в себе бесконечный «вектор любви» (и тем отличающаяся от индивидуальности), обладает внутренней тенденцией и энергией сопротивляться всему античеловеческому в жизни и нести защиту от сил зла.

Такова любовь изначальная, всеобщая, «небесная». Но ведь есть и любовь «земная», любовь к телу, его красоте, телесной нежности, ласке, теплоте, жизненной энергии. Радостное принятие телесного мира, яркость и острота переживания телесности и красоты мира (чем отличались многие языческие культы). Эта телесная сторона любви также несет энергию, сравнимую по мощи с вышеописанной ее духовной стороной.

Возможность слияния любви «небесной» и «земной»

В *эстетическом* отношении к миру, мне кажется, возможно гармоническое слияние любви «небесной» и любви «земной» («Афродиты небесной» и «Афродиты простонародной»). Но здесь таится и опасность. Дело в том, что в своем «чистом» виде *эстетическое* отношение (как и «чистое искусство») *не несет* в себе *нравственный* вектор. Можно восхищаться разрушительными, несущими смерть и страдание силами природы, красотой зла, испытывать наслаждение от зрелища пыток и жертвоприношений, требовать, чтобы гладиаторы на арене умирали красиво, и т. п. Искусство может обладать вектором и демоническим, и нести экстаз (выхождение) без катарсиса (очищения).

Отвержение язычества

Возвращаясь к проблеме телесной, чувственной любви, я должен сказать (как и многие философы, поэты, писатели, историки), что, продолжая в течение веков признавать только Афродиту небесную и полностью отвергать Афродиту простонародную, историческая христианская церковь совершила громадную ошибку. Во время своего появления, выполняя свою историческую задачу обращения погрязшего в кровно-родственных и природно-телесных отношениях, энергиях и связях человечества к его собственно человеческой духовно-царственной миссии в мире, оно отвергло и осудило *всё язычество целиком* со всем, что было с ним связано. Это был «удар топором». И в то историческое время, вероятно, только так и можно было поступить.

Христианская церковь фанатично противостояла языческим ценностям

Но, утвердив свое господство, христианская церковь продолжала бороться по-прежнему со *всеми* проявлениями глубокой языческой культуры, не различая в ней положительных и отрицательных сторон, вызывая излишнюю остроту и фанатичность противодействия себе. Вместо выявления того, что, например, в античном искусстве несло на себе печать духа и могло быть «наполнено» христианским смыслом, как правило, уничтожалось почти всё подряд. Даже сама красота, пластичность, мощь или изящная гибкость и тонкость прекрасного человеческого тела (почитавшаяся у древних греков добродетелью) объявлялась порождением греха. Конечно, жестокость, человеческие жертвоприношения, совершаемые с особым искусством причинения наибольшего мучения жертвам, и многое другое в некоторых языческих культах не могли быть терпимы христианством как религией любви и милосердия. Но вместе с отвержением этих сторон язычества были утеряны свойственные языческому миру глубокие знания природы, чувства родства с ней, магия, навыки обращения с природными энергиями и умение жить в согласии с природой. (Что касается человекоубийства, то историческая христианская церковь с помощью религиозных войн, крестовых походов и инквизиции вскоре заполнила этот «пробел» в своем историческом бытии.)

Борьба христианской церкви с телесными формами бытия расколола основу христианства – любовь

Эта борьба исторической христианской церкви с телесными, «земными» формами бытия расколола и саму основу христианства – любовь. Вместо установления иерархической гармонии и «пропитывания» телесной, чувственной любви высшими эманациями духа (нужно сделать тело прозрачным для духа, считал Рудольф Штейнер) телесная любовь была объявлена грехом и допущена в основном в качестве средства био-

логического размножения. Это вызвало продолжающуюся столетиями полемику.

Непростительная ошибка церкви

Многие крупные мыслители считали это непростительной ошибкой церкви, за которую христианская цивилизация расплачивается до сих пор, и чем дальше, тем страшнее. Н.А. Бердяев писал: «Поразителен низкий уровень *всего* (выделено мною. – *А.А.*), что написано в литературе святоотеческой, у христианских теологов о браке и семье. <...> В сущности трактаты о поле и браке Бл. Августина и других суть трактаты по организации родовой жизни и очень напоминают трактаты по скотоводству» [1, с.251]. «Но этика, основанная на сознании достоинства личности и духа, должна признать безнравственным соединение мужчины и женщины, поставившее себе исключительной целью продолжение рода, деторождение. Это есть перенесение принципа скотоводства на человеческие отношения. Цель и смысл соединения мужчины и женщины лежит не в роде и не в обществе, а в личности, в ее стремлении к полноте и к цельности жизни, к вечности. Уже психологически должно быть признано несостоятельным учение, которое видит цель и смысл брачного полового союза в деторождении и продолжении рода» [1, с. 258–259].

Интерес к язычеству

В конце XIX – начале XX в. возникает глубокий интерес к язычеству. Многие русские философы стали усматривать в язычестве, во многих языческих высокоразвитых культурах, их сюжетах, идеях и мифах предварение христианства, а в древнейших дописьменных – их глубокую гармонию с жизнью природы. И опять этот интерес наиболее сильно проявился в русской культуре. Эта телесная, природная, свойственная язычеству сторона жизни и любви человека занимала значительное место и вызывала у многих представителей русской культуры острый, глубокий интерес, возможно, также связанный с максимализмом русского характера, его стихийной широтой страстей и неспособностью к компромиссам как в практической, так и в духовной жизни. Для русского человека отношение духа и плоти переживалось драматически и бескомпромиссно.

Однако официальная русская православная церковь не считала соответствующие идеи русских мыслителей ортодоксально-христианскими.

Таким образом, приходится признать, что, с одной стороны, историческая христианская церковь призывала Человека к любви как его духовному истоку, а с другой – способствовала его отчуждению от самого себя и Мира, растерзав, располюсовав любовь, сделав ее

нецелостной, неосуществимой, трагичной в мире наличного бытия.

Что касается сегодняшнего дня, то мир рыночной экономики, являясь принципиально антихристианским и античеловеческим, так же противостоит и человеческой любви, превращая ее в товар.

Размышления о смерти и личностное развитие

Переходя теперь к внутренне глубоко связанной с темой любви – теме смерти, я также, к сожалению, должен ограничиться лишь краткими замечаниями, ибо тема принадлежит гораздо более религии, чем философии. И вместе с тем не может быть исключена из темы развития личности, ибо является серьезнейшим завершающим этапом этого развития, связанным, может быть, с наиболее глубокой рефлексией, самопогружением к своему внутреннейшему началу: «Все мы движемся к началу своему» (А. Пушкин). Смерть также остается Тайной. Единственно, в чем я убежден, это то, что после смерти физического тела душа продолжает существовать. Имеется большое количество различной литературы о посмертном существовании души – от египетской и тибетской книг мертвых и оккультных сочинений до соответствующей христианской литературы и экспериментов и отчетов об общении живых с душами умерших и т. д. Можно было бы усмотреть и здесь некоторую конвергенцию представлений, но мне это пока представляется излишним.

Моменты глубокого размышления о собственной смерти, чувствования ее имеют для личностного развития громадное самовоспитательное, очищающее значение. Стоит нашему современнику глубоко задуматься о собственной смерти и не менее (как мне кажется) восьмидесяти процентов его забот, дел, тревог и помышлений предстанут перед ним как лишние, мелкие, не стоящие внимания и сил, как сор, замусоривающий его душу. И на первое место выйдут действительно глубокие вопросы его личностного бытия. Возможно, именно поэтому в христианстве есть молитва, просящая Бога дать молящемуся память смертную.

Терминальный переход между жизнью и смертью

Терминальный переход между жизнью и смертью часто сопровождается необычными явлениями. Например, некоторые психически тяжело больные люди, долгое время не говорившие и не узнававшие окружающих, в этот момент неожиданно испытывают возвращение нормального сознания; иногда умирающие оповещают о своей кончине близких людей, являясь им в виде теней и призраков, и т. п.

У многих народов для понимания прожитой человеком жизни и его собственной сущности считались очень

важными и многозначительными слова, произнесенные им непосредственно пред смертью. Историк Арон Яковлевич Гуревич сравнивал в этом отношении средневековых скандинавов и наших современников. Он обращал внимание на то, как пренебрежительно мало говорят о самом моменте смерти наши современники, а если и говорят, то чаще всего о дележе наследства. Это тоже один из характерных симптомов господства вещного отчуждения.

4. Практическое применение изложенной концепции личности

4.1. Полемика о творческом пути С.Л. Рубинштейна

Полемика о творческом пути С. Л. Рубинштейна

С. Л. Рубинштейн (1889–1960) – известный советский философ и психолог, творческая судьба которого становится понятной, если учесть, что с ним произошел рассмотренный выше «фазовый переход», радикально изменивший его мировоззрение и понимание им философии и психологии. Это было для меня очевидно с момента прочтения в 1974 году опубликованной (с купюрами) его работы «Человек и мир» [7, с. 136 – 149]. С этого времени и началась моя полемика с учениками С. Л. Рубинштейна, не желающими признавать и даже замечать этот переворот, несмотря на то что в многочисленных лекциях, докладах, выступлениях я пытался показать, что это единственное направление в нашей психологии, несущее надежду на выход из тупика, в котором она находится. В 1987 году я написал об этом статью, которая пролежала в редакции журнала «Вопросы философии» шесть лет и была опубликована лишь в 1993 году [8, с. 130–160].

Не получив на нее никаких откликов, я написал в 1997 году вторую статью под заглавием «Десять лет спустя. О творческой судьбе С.Л. Рубинштейна» [9]. Замечания на неё написали К. А. Абульханова-Славская и А. В. Брушлинский, считающие себя развивающими в нашей психологии «школу Рубинштейна». Мой ответ на эти «Замечания» был опубликован в журнале «Развитие личности» [10, с. 21–32].

Революция, совершенная С.Л. Рубинштейном в себе и в понимании оснований психологии

Скажу сразу, что считаю работу «Человек и мир» революционной не только в советской психологии, но в значительной степени и в философии. Эта работа, заключающая радикальное революционное переосмысление основ психологии (и философии), осталась почти незамеченной, и если изредка и цитировалась, то без пони-

мания того, что она фактически взрывает позиции психологов и философов, ее цитирующих.

Со времени моего знакомства в 1974 году с работой «Человек и мир» прошло почти пятнадцать лет. Успела в 1979 году, также посмертно, выйти в свет великолепная книга М. М. Бахтина «Эстетика словесного творчества», из которой я увидел, что с 20-х годов М. М. Бахтин глубоко и интересно работал в той же области целостного отношения Человека и Мира, в которую вышел и С. Л. Рубинштейн в «Человеке и мире». Книга М. М. Бахтина представляется мне наиболее глубоким исследованием из опубликованных советскими философами и психологами (и сделал это филолог!). Многие мысли этой книги оказываются близкими и даже совпадающими с идеями работы «Человек и мир». За эти годы изменилось, конечно, и мое понимание этой работы, но общая оценка ее, высказанная выше, остается прежней. Остается прежним ощущение глубины и мужества мысли, ломающей догмы, в борьбе с собой открывающей новые пути и возможности.

Попробую коротко рассказать, как я вижу революцию, совершенную С. Л. Рубинштейном в себе самом и в понимании оснований психологии.

О смене исходного теоретического основания у С.Л. Рубинштейна

В 1957 году публикуется книга С. Л. Рубинштейна «Бытие и сознание». По замыслу, это некоторый теоретический итог его размышлений над проблемами психологии и философии. Идет также работа над книгой «Принципы и пути развития психологии», о которой автор сообщает: «Главная цель этой книги – популяризация основных положений, к которым я пришел в результате предшествующих работ» [11, с. 4]. Таким образом, и эта книга – итог, завершение, придание результатам общедоступной формы. Между тем уже в 1955 году Сергей Леонидович работает над книгой «Человек и мир», которая начинается с тотальной критики *еще не опубликованной* работы «Бытие и сознание»: «Проблема бытия и сознания, обозначенная в заглавии книги, в целом не была там охвачена. Мало того: основной результат нашего исследования проблемы психического в «Бытии и сознании» показал, что сама постановка вопроса, заключенная в заглавии нашей книги, не может быть окончательной» [12, с. 253].

Почему автор не внес изменения в тексты подготавливаемых книг, хотя их недостатки были ему уже ясны, а предпочел их издать, чтобы затем в новой *(в то время уже писавшейся)* работе подвергнуть критике? Присмотримся к этой критике более внимательно. «Бытие и

сознание»: «Психическая деятельность является функцией мозга, потому что сама деятельность мозга есть деятельность рефлекторная, обусловленная воздействием внешнего мира»; «... психические явления определяются в самом своем возникновении воздействием вещей, отражением которых они в силу этого являются» [13, с. 5]. Это основное кредо автора в дальнейшем разрабатывается, многократно в разных формах воспроизводится, становится основанием критики различных психологических теорий. Ничего принципиально нового для научной психологии, на мой взгляд, здесь нет. Мы находимся в границах отношения «Субъект–Объект» в его абстрактно-материалистической модификации (первичность бытия – вторичность сознания).

Вопрос о месте человека в мире, в жизни

Вернемся к началу работы «Человек и мир»: «За проблемой бытия и сознания встает другая, как *исходная и более фундаментальная* (выделено мною. – *А.А.*) – о месте уже не психического, не сознания только как такового во взаимосвязи явлений материального мира, а о месте человека в мире, в жизни. Этой проблеме всех проблем и посвящена настоящая книга» [12, с. 253]. Этими словами заканчивается краткое обращение «От автора», помещенное в начале работы.

Выход за пределы

Итак, речь идет не о критике тех или других выводов книги «Бытие и сознание» (а она – итог всей предыдущей работы!), а о смене исходного теоретического основания на более глубокое и фундаментальное. И автор приходит к необходимости этой смены в то время, когда он завершает и обобщает то, что можно получить, исходя из старого основания. И это – нормальный ход диалектического развития мысли, где каждый существенно новый этап начинается с критического переосмысления предыдущего этапа в момент его завершения, готовности замкнуться в самостоятельное целое (но этот «нормальный ход» мало кому доступен, так как несовместим с самоутверждением – внутренним и внешним – посредством уже достигнутого. Не каждый может, особенно в наше время – время утери смысла жизни и стремления урвать в своем наличном бытии кусок пожирнее, так решительно переступить через то, что уже в жизни сделано. Тем более не каждый способен в конце жизни к переделке собственного мышления, к тому, чтобы начать все с начала). В этот момент обнаруживается абстрактность и односторонность старого основания, выход из которого состоит в пересмотре этого основания, трансцендировании за его пределы и погружении в основание более глубокое, по сравнению с кото-

рым предыдущее выглядит как одно из следствий, сторона, абстракция и частный случай. Так происходит движение от абстрактного к конкретному [14].

Соотношение человека и бытия является первичным

Отношение «Сознание–Бытие» (или «Субъект–Объект») в сравнении с более глубоким отношением «Человек–Мир», к которому пришел С. Л. Рубинштейн, оказывается вторичным, производным: «Само это соотношение (сознания и бытия. – *А.А.*) является не исходным, а вторичным. Исходным является соотношение человека и бытия» [12, с. 256].

Новое основание является фундаментом нового понимания (видения) изучаемой области (как правило, по существенным параметрам противоположного старому). В процессе его рациональной разработки порождается новый строй категорий и понятий, внутри которого переосмысляются, получают новое содержание категории старого строя как диалектически снятые, вторичные. Именно поэтому невозможно внести исправления в теоретическую работу, построенную на старом основании. Она замкнута в своей логике и как целое сохраняет свое ограниченное значение в ограниченной же области. И эта ее односторонность и ограниченность видны из нового основания совершенно определенно. Ее нельзя (и не нужно!) исправлять, а можно лишь подвергнуть диалектическому «снятию», оставить позади как пройденный этап, который займет место одного из следствий, одной из сторон нового основания.

Из отношения «Сознание – Бытие» нельзя понять человека

С. Л. Рубинштейн увидел, что из отношения «Сознание–Бытие» нельзя понять человека, ибо он не на стороне сознания (как его ранее помещали туда под названием «субъект») и не на стороне бытия (понятого как «объект»). Человек как субъект – абстракция, где он представлен лишь частично через свое сознание. И это сознание, даже облеченное в «плоть» обладающего деятельностью субъекта, не спасает положения. Тогда бытие, природа предстает как объект деятельности субъекта. Психика как целое, «Я», личность оказываются за бортом этого абстрактного отношения. Система субъект-объектных отношений как основание новоевропейского рационализма впервые четко была осмыслена Р. Декартом. Для целостного Человека, личности, личностного «Я», всего бесконечно многообразного психического мира в такой системе, и в частности в научной картине мира (научном мировоззрении), просто нет места. И С. Л. Рубинштейн это фиксирует совершенно точно: «Идущая от Декарта точка зрения также рассматривает бытие только как вещи, как объекты познания,

как «объективную реальность». Категория бытия сводится только к материальности. <...> В мире, «конституирующем», определяющем эти системы категорий, существуют только вещи и не существует людей. <...>

Из учения о бытии выпадает человек

Из учения о категориях, в том числе даже из учения о действительности, бытии, выпадает человек. Он, очевидно, идет только по ведомству исторического материализма – как носитель общественных отношений, как человек – он нигде, разве что в качестве субъекта он есть тот, для которого все есть объект и только объект... <...> ...бытие человека, способ его общественного бытия, история – деонтологизируются, выключаются из бытия в силу равенства: бытие = природа = материя» [12, с. 275–276]. Эта же мысль, и во многом в тех же словах, повторяется несколько раз. Например: «Если при рассмотрении состава сущего происходит сведение сущего к «объективной реальности», в бытии остаются только вещи и только объекты; категория бытия как субстанции сводится к материальности, бытие – к материи. При таком сведении происходит выключение из бытия «субъектов» – людей. <...> Бытие выступает при этом только как физическая природа, как движущаяся материя ("мир" Декарта)» [12, с. 273].

С.Л. Рубинштейн повторял идею о выключении из бытия «субъектов» – людей

Конечно, повторение этой мысли несколько раз, в тех же самых словах можно отнести за счет того, что работа не закончена и представляет собой лишь черновой набросок, но этим, скорее, можно объяснить именно одинаковость слов и формулировок, но не многократность повторения самой идеи. Я думаю (и, мне кажется, это ясно из контекста работы), что многократное возвращение к этой мысли, ее подчеркивание показывают ее важность и новизну для автора. Она явилась его личным открытием, то есть открытием не в том смысле, что до него это было неизвестно. В течение многих лет эта идея утверждалась крупнейшими представителями мировой культуры, как гуманитариями, так и естественниками. Просто у С. Л. Рубинштейна произошел переворот в *его собственном* сознании и он *увидел* ее истинность, она его захватила эмоционально.

Отношение «Человек – Мир» развивает новый строй мышления

С позиций нового основания – отношения «Человек – Мир» – должен быть развит новый строй мышления, где на первое место выходят не гносеологические (и, соответственно, не технологические) , а онтологические (бытийные) категории: «Характеристика человеческого бытия предполагает, что должна быть дана и новая характеристика всего бытия с того момента, как появляется человеческое бытие» [12, с. 325]. «Надо вве-

сти человека в сферу, в круг бытия и соответственно этому определить систему категорий» [12, с. 292].

Нельзя говорить о бытии, исключающем человека

И человек, в определенном смысле слова, оказывается эквивалентен (единосущ, причастен) всему бытию. Нельзя говорить о бытии, исключающем человека (как это делает наука). Наоборот, *Человек* есть то *Начало*, через понимание которого может быть понято *все бытие*: «Определение природы и других способов существования (например, мира) может быть понято только через человека» [12, с. 325]. «Соответственно со становлением человека как высшей формы (уровня) бытия в новых качествах выступают и все ниже лежащие уровни или слои...» [12, с. 327]. «Человек должен быть рассмотрен как объективно существующий, отношениями к которому определяются объективные свойства того, что с ним соотносится. <...> Поскольку есть человек, он становится не чем иным, как объективно существующей отправной точкой всей системы координат. <...> Вселенная с появлением человека – это осознанная, осмысленная Вселенная, которая изменяется действиями в ней человека. <...> Сама осознанная или осмысленная Вселенная, измененная или *могущая быть измененной действиями в ней человека, есть объективный факт*. <...> Таким образом, осознанность и деятельность выступают как новые способы существования в самой Вселенной, а не чуждая ей субъективность моего сознания (выделено мною. Отсюда следует упомянутая выше «центральность» положения Человека в Мире. – *А.А.*)» [12, с. 370].

Новая система детерминации

Итак, вся система детерминации переворачивается. Не Человек должен быть понят через Мир, но Мир через Человека. Соответственно меняются порядок и детерминация психологических понятий. Можно было бы привести множество примеров этого в работе «Человек и мир». Приведу лишь один: в научной психологии, в том числе практически во всей советской, человеческие потребности принято разделять на первичные, куда относятся, в частности, все физиологические, и вторичные, надстраивающиеся над первичными, например все духовные. В работе «Человек и мир» отношение обратное. Например: «*Любовь* к другому человеку выступает как *первейшая*, *острейшая* потребность человека» (выделено мною. – *А.А.*) [12, с. 370]. При этом любовь здесь понимается отнюдь не в физиологическом смысле и не как влечение полов: «Любовь есть утверждение существования другого и выявление его сущности» [12, с. 369].

Есть три, с моей точки зрения, наиболее важных момента, связанных с этим прорывом из отношения

«Субъект–Объект (сознание – бытие)» в область отношения «Человек–Мир». Это – бесконечность, непосредственность и проблема рационализации. Два из них попытаюсь кратко изложить.

Бесконечность, постигаемая созерцанием

«Человек выступает как часть бытия, сущего, осознающая все бытие. Это капитальный факт в структуре сущего (то есть не Человека только, но и Мира. – *А.А.*), в его общей характеристике: осознающий значит както *охватывающий все бытие, созерцанием* его постигающий, в него проникающий, *часть, охватывающая целое*» [13, с. 338–339]. «...приобщение человека к бытию через его познание и эстетическое переживание – *созерцание.* Бесконечность мира и причастность к нему человека, созерцание его мощи и красоты есть *непосредственно* данная *завершенность* в себе» (выделено мною. – *А.А.*) [13, с. 338–339].

Бесконечность и одновременно завершенность – характеристика актуальной бесконечности. Остается добавить, что созерцание в данном случае не может быть только эстетическим. Эстетическое отношение – лишь одна из сторон, которая может быть выделена из него. Оно содержит также и нравственное отношение, и отношение любви, и отношение сыновства, и отношение благоговения и преклонения. Все эти отношения объединены (вернее, не разделены) в религиозном отношении как созерцании Тайны.

Сущностное отношение к Миру формировало в онтогенезе самого человека

Такое отношение к Миру, по-видимому, было формирующим самого Человека и его психику в антропогенезе. Оно же *должно быть* (хотя сознание этого в значительной степени утрачено современным человеком, что влечет для него катастрофические последствия) ведущим и в онтогенезе, а потому составлять основу систем воспитания. О нем как формирующем личность говорили выдающиеся мыслители на протяжении всей известной нам истории. Можно было бы привести десятки широко известных имен наших современников, высказывавшихся в этом плане. Я приведу здесь Д. И. Блохинцева, взятые из его рукописи «Свет из Калуги»: «С юных лет ощущение и сознание того, что мы, люди, являемся частью Вселенной, частью ее Красоты и Тайны, – мировосприятие, которым я обязан К. Э. Циолковскому, не покидало меня»; «Но ощущение нашего родства со *всей* Вселенной, вера в ее *одухотворенность и благонамеренность* по отношению к человеку, преклонение перед ее гармонией и красотой всегда было и будет ничем не заменимым душевным богатством людей» (выделено мною. – *А. А.*) [15].

Аналогии с актуальной и потенциальной бесконечностью

С. Л. Рубинштейн не называл бесконечность человека актуальной бесконечностью, но многократно возвращался к ее описанию различными способами. Например: «Человек, как говорилось, есть часть бытия, конечное сущее, которое является зеркалом Вселенной, всего бытия; он – реальность, в которой представлено идеально то, что находится за пределами этой конечности» [12, с. 341–342]. Обратим внимание на то, что здесь человек предстает как существо противоречивое: бесконечное (в нем представлено все бытие, за пределами конечности) и одновременно конечное («конечное сущее»). Это противоречие может существовать, может быть реализовано в наличном бытии лишь в форме разворачивающегося во времени, трансцендирующего, переходящего свои границы особенного, то есть в форме потенциальной бесконечности.

Отрицается наличное бытие человека, его завершенность

И это трансцендирование также отмечено С. Л. Рубинштейном: «Своими действиями я непрерывно взрываю, изменяю ситуацию, в которой я нахожусь, а вместе с тем непрерывно выхожу за пределы самого себя. Этот выход за пределы самого себя не есть отрицание моей сущности, как думают экзистенциалисты (не все. – *А.А.*), это – ее становление и вместе с тем реализация... Отрицается только мое наличное бытие, моя завершенность, конечность» [12, с. 341–342].

Актуальная бесконечность человека реализуется в наличном бытии

Актуальная бесконечность человека реализуется в наличном бытии в форме трансцендирования, то есть потенциальной бесконечности (что делает наличное бытие раскрытым в будущее, полем творчества). Она имеет базой непосредственную связь человека (именно *индивида*!) с миром как целым (*бесконечным*!), что является основанием целостности самого индивида (как личности. В индивиде как частичном человеке она остается нереализованной или реализуется лишь частично, односторонне). Отсюда можно сделать предположение (оно подтверждается в непосредственном опыте) о существовании заключенной в индивиде бесконечной способности (энергии, силе и т. д.) трансцендирования, перехода всех конечных границ во внешнем мире и в себе. Причем чем глубже рефлексия, то есть сознание более глубоких слоев психики, внутреннего «Я» (вплоть до кантовского интеллигибельного «Я»), тем более расширенным оказывается трансцендирование, выход за границы наличного бытия, осознание своего единства с Миром как целым.

Основная проблема антропогенеза

Бесконечность, универсальность, потенциально заключенная в человеке, отличающая его от животного

(которое всегда видоспецифично), есть основная проблема антропогенеза и его Тайна. Бесконечность «просвечивает» (*должна просвечивать*! Иначе мы имеем дело с социальной или индивидуальной патологией) во всех формах отношения Человека к Миру, составляя внутреннее содержание личностного развития, трансцендирования. Например, христианство предписывало относиться к каждому человеку как к образу и подобию божьему, пусть искаженному, поруганному, но потенциально могущему быть проявленным, и мое отношение к нему должно способствовать этому проявлению.

Личностное развитие как реализация потенциальной универсальности

Личностное развитие может быть понято как реализация индивидом своей потенциальной универсальности, бесконечности, как становление Человека в индивиде. Можно было бы указать десятки крупнейших мыслителей, так понимавших личность. Например, при всем их различии сходятся в этом Л. Фейербах, К. Маркс, Н. Бердяев, М. Бахтин, К. Домбровский, К. Роджерс (и вся гуманистическая психология) и многие другие. В качестве примера сошлюсь здесь на теорию развития личности К. Домбровского, которую автор назвал «Теорией позитивной дезинтеграции». Смысл названия состоит в следующем. Вначале индивид интегрирует себя в исходных конечных определенностях: наследственных особенностях, особенностях индивидуального и социального окружения и т. п. Однако «человек приговорен к развитию», к преодолению этой конечности. Поэтому в процессе нормального личностного развития происходит дезинтеграция, разрушение этих определенностей. К. Домбровский анализирует этапы этой дезинтеграции и показывает, что она сопровождается острыми внутренними конфликтами, отрицанием своего эмпирического «Я», неврозами и т. п., но в целом является позитивной, определяющей развитие личности. На определенном этапе этого развития становится возможной «вторичная интеграция». Процесс в целом незавершим, бесконечен.

Личностное развитие как становление Человека в индивиде

Понимание личностного развития как становления Человека в индивиде, как универсализации его отношений к Миру означает также понимание того, что всеобщность, универсальность могут реализоваться в индивиде, но не в социуме. Социальные формы (государство, класс, партия, профессиональные и любые другие конечные формы общности) всегда носят групповой характер и противостоят всеобщему. Всеобщее может нести в себе либо индивид как личность (в актуальной форме), либо род как человечество в его бесконечном

развитии (в потенциальной форме). В эквивалентном отношении «Человек – Мир» Человек представлен личностью, а не социальностью. На этом, в частности, базируется теория социальных революций К. Маркса. Это ясно сознавалось многими людьми творческого плана, не только философами, но и поэтами, писателями, филологами и т. д. Вот отношение к тому же вопросу А.П. Чехова в изложении А.П. Чудакова: «Общие взгляды, общая доктрина, объединяющая группы людей, не несут в себе, по Чехову, зерна исторического прогресса. Такое зерно заключает в себе лишь отдельная личность, свободная от догм своего клана» [16, с. 265–266].

Приоритет коллектива над индивидом

Считающие себя марксистскими, советская педагогика и психология, утверждая приоритет коллектива над индивидом или пытаясь вывести личность и ее свойства (например, нравственность) из социальности, следует фактически не К. Марксу, а Г. Гегелю. (Правда, от такого следования сам Гегель в ужасе открестился бы.) И здесь также С.Л. Рубинштейн в работе «Человек и мир» оказывается за пределами этой плоской тупиковой концепции: «Отсюда выясняется значение понятия личной жизни человека. Личная жизнь человека в таком понимании – это самое богатое, самое конкретное, включающее в себя как единичное многообразие, так и иерархию все более абстрактных отношений (в том числе и отношение к человеку как носителю той или иной общественной функции или как природному существу и т.д.). В своей конкретности она содержательнее, чем каждая из тех абстракций, которую из нее можно извлечь» [12, с. 345]. «Не каждый человек есть средство для счастья общества, а деятельность общества является средством, целью которого является благо каждого индивида...» [12, с. 359–360]. Человек вообще не может быть средством для чего бы то ни было: «Основным нарушением этической, нравственной жизни применительно к человеку в условиях общества является использование его в качестве средства для достижения какой-либо цели» [12, с. 359–360]. Нужно ли здесь говорить, что практически все советские педагогические сочинения безнравственны? И, наконец, подводя итоги, в «Заключении» работы «Человек и мир»: «Разбирая в онтологическом плане проблему существования, мы пришли к определению преимущества индивида как, во-первых, единичного и потому реального, которое существует само по себе, и, во-вторых, неповторимого, и в этом состоит незаменимая ценность индивида» [12, с. 380].

Непосредственность

Отношение «Человек – Мир», будучи всеобщим, универсальным, захватывает *всего* человека. Человек участвует в нем как целостный. В него включено не только (и даже не столько, как говорилось выше) его рациональное мышление, но вся его психика как целое (и только здесь она выступает как целое, а потому только здесь можно понять, что она такое, что такое психическое), весь строй его эмоций (включая эстетические, нравственные, любовь к миру, жизни, людям, религиозное благоговение и т. д.), все глубочайшие «этажи» его «Я».

И вот там, в глубине, он ощущает (именно ощущает, *непосредственно* воспринимает как Тайну себя и Мира, а не рационально выводит) свою трансцендентность наличному бытию и свою сопричастность Миру как целому. Эта трансцендентность дана ему не в форме логического опосредования, вывода, а в форме непосредственного восприятия, минующего все внешне обусловленные конечные определенности (в том числе социальные). Именно так, через эту трансцендентность происходит собственно человеческое, нравственное личностное общение. Общаются не социальные маски, чины, звания, должности, знания и т. п., а именно личностные «Я» как таковые. Здесь можно напомнить М.М. Бахтина: «Исключительно острое ощущение другого человека как *другого* и своего *я* как голого *я* предполагает, что все те определения, которые облекают *я* и *другого* в социально-конкретную плоть, – семейные, сословные, классовые – и все разновидности этих определений утратили свою формообразующую силу. Человек как бы непосредственно ощущает себя в мире как целом, без всяких промежуточных инстанций, помимо всякого социального коллектива, к которому он принадлежал бы. И общение этого *я* с другим и другими происходит прямо на почве последних вопросов, минуя все промежуточные, ближайшие формы» [6, с. 186].

Роль непосредственных форм восприятия

Необходимо подчеркнуть громадную роль непосредственных (рационально не опосредованных) форм восприятия, чувственности, ощущения, созерцания своего бытия в Мире. «Воспринять – значит, по существу, онтологизироваться, включиться в процесс взаимодействия с существующей реальностью, стать причастным ей» [12, с. 281]. Эта непосредственность в значительной степени утрачена современным человеком, растекшемся в телесно-вещном, «горизонтальном» измерении Мира. В этом одна из глубоких причин патологического развития психики (от неспособности любить мир и людей до терроризма и наркомании). Эта непосредствен-

ность остается необходимой основой собственно человеческого бытия. С. Л. Рубинштейн много пишет об этом: «В составе познания логический анализ обнаруживает под покровом понятий «окна», открытые в чувственно данную реальность...» [12, с. 310–312]. «Приоритет чувственности перед мышлением – это и есть приоритет существования перед сущностью» [12, с. 310–312]. «В форме *непосредственного* всегда заключаются не только результаты опосредствованного познания, но и бесконечно выходящее за ее пределы (*трансцендентное*), данное *не эксплицитно, а только имплицитно*» (выделено мною. – *А.А.*) [12, с. 320].

Трансцендентное внутренне присуще человеку

Последнее высказывание особенно важно. Трансцендентное дано не явно, не внешним образом, а внутренне присуще человеку. Именно поэтому возможно существование внутри человека того, что «соотносится с чем-то внешним по отношению к ситуации». Поскольку в данном случае ситуация может быть любой, единственная ее характеристика – принадлежность конечному наличному бытию, выход за ее пределы есть выход в область, трансцендентную наличному бытию как таковому. Это, в свою очередь, означает, что эта область не может определяться наличным бытием и, следовательно, психика не может быть «отражением объективной действительности». Это значит, что объективная действительность лишь проявляет некий спектр конечных форм (например, набор тех или иных способностей в зависимости от культурно-исторических условий) из бесконечно-неопределенного потенциального запаса индивида. Наличие этого запаса констатировалось мыслителями в течение тысячелетий. Источник его оставался и остается проблемой для научно-материалистического мышления крайне неудобной. В философии мы встречаем множество размышлений на эту тему. Здесь и врожденные идеи Платона, и третий вид познания Б. Спинозы, и априоризм И. Канта, и множество концепций интуитивного знания и др. Многие творцы нового, в том числе и в науке, сталкивались с этой способностью человека и размышляли над ней. Большинство примеров этого общеизвестно.

Непосредственное восприятие Человеком своего взаимоотношения с Миром

Непосредственное восприятие Человеком своего взаимоотношения с Миром является свойством индивида, индивидуального «Я», индивидуального сознания. Оно может обладать всеобщностью, безмерностью, способностью в любой момент выходить в область актуальной бесконечности, отбрасывая как несущественные все определенности наличного бытия (в том числе социаль-

ные, что особо следует подчеркнуть для советских психологов и педагогов).

Важность созерцания мощи и красоты Мира

Движение в этом направлении связано с рефлексией, с глубокой интроспекцией. Большая роль в этом принадлежит созерцанию. Внешняя деятельность непосредственно связана с трансцендированием и есть в той или другой степени проявление потенциальной бесконечности человека. Степень эта зависит от того, насколько в процесс вовлечена и осознана актуальная бесконечность. В противном случае деятельность обречена на вырождение в технологию, становится «дурной бесконечностью», обрекающей человека на экстенсивное растекание «по горизонтали» (в плоскости вещного измерения Мира и Человека), на разрушение себя и окружающей природы. В этом случае она не может нести в себе «вертикаль» (интенсивно-духовное измерение Мира и Человека).

Опасность утрирования роли деятельности

Важность созерцания в этом смысле подчеркивается многократно в работе «Человек и мир»: «...должна быть указана опасность утрирования роли деятельности, которое свойственно бихевиоризму и прагматизму (и всей современной научной психологии. – *А.А.*)» А вот еще: «Такому прагматическому изничтожению действительности (имеется в виду вышеуказанное утрирование деятельности – «деятельностный подход». – *А.А.*) нужно противопоставить другое соотношение человека и бытия – приобщение человека к бытию через его познание и эстетическое переживание – созерцание. Бесконечность мира и причастность к нему человека, созерцание его мощи и красоты есть непосредственно данная завершенность в себе. Совершенство явления, увековеченное в своем непосредственном чувственном бытии, – это и есть эстетическое как первичный пласт души. Прекрасное в природе как выступающее по отношению к человеку и чувство к нему как некая предпосылка затем формирующегося эстетического – таково содержание человеческого созерцательного отношения к миру» [12, с. 338–340]. Отметим, что, по С. Л. Рубинштейну, *созерцание – первичный пласт души*. Далее говорится об активности созерцания: «Величие человека, его активность проявляются не только в деянии, но и в созерцании, в умении постичь и правильно отнестись ко Вселенной, к миру, к бытию. Природа – не только объект созерцания, но она и не только продукт истории человечества, не только материал или полуфабрикат производственной деятельности людей» [12, с. 338–340]. Я прошу читателя обратить внимание на язык этой цитаты.

Созерцание – первичный пласт души

Вот еще более яркие примеры: «Внутреннее содержание человека включает все его богатство отношений к миру в его бесконечности – познавательное, эстетическое, отношение к жизни и смерти, к страданиям, к опасности, радости» [12, с. 344].

Как уже говорилось, в онтологии человека наличие не только действенного, но и познавательного, созерцательного отношения к миру составляет важнейшую характеристику человека. «При рассмотрении отношения человека к человеку должна быть сохранена эта сторона его отношения к миру, которая и дает возможность понять и другую сторону отношения человека к человеку как к части – одухотворенной части – природы, как к красоте, к существу определенной архитектоники, гаммы чувств, пластики и музыки, позы и движений, мимики и пантомимики, взора, тембра голоса и мелодии речи и т. д.»; «Эти связи с природой должны жить как *«подоплека» всего остального в его чувствах, его сознании, в его отношении ко всему на свете»* (выделено мною. – *А.А.* Я также прошу читателя заметить, что отношение к миру дает возможность понять отношение к человеку.). «Природа как стихийная сила, гроза, рокот моря, буря, природа как распускающиеся почки, цветение жизни, весна, нежность и тепло жизни, дети, связи родства, любовь к ребенку, женщине, к семье, к своим близким, любовь к ближнему в ее исходных формах – так по-разному выступает природа для человека» [12, с. 344].

В красоте происходит обратное отражение

«В красоте, в очаровании человека красотой – красотой природы, красотой человека, красотой женщины – происходит обратное отражение и просвечивание в непосредственно данном, чувственном всего того важнейшего, что человек может выявить в мире и в другом человеке, *выходя мыслью за его пределы»;* «Человек, отчужденный от природы, от жизни Вселенной, от игры ее стихийных сил, не способный соотнести себя с ними, не способный перед лицом этих сил найти свое место и утвердить свое человеческое достоинство, – это маленький человек» (выделено мною. – *А.А.*) [12, с. 374].

Смысл человеческой жизни

И последние строки работы: «Смысл человеческой жизни – быть источником света и тепла для других людей. Быть сознанием Вселенной и совестью человечества. Быть центром превращения стихийных сил в силы сознательные. Быть преобразователем жизни, выкорчевывать из нее всякую скверну и непрерывно совершенствовать жизнь» [12, с. 381].

Отношение «Человек–Мир» захватывает всю психику в целом

Я привел эти обширные цитаты, чтобы показать, что их язык, тон, внутренняя энергия утверждения выходят далеко за пределы строго научного, рассудочно-категориального стиля изложения. Здесь включаются эстетические и нравственные чувства автора. Язык становится образным, нагруженным глубоким (*безмерным!*) внутренним смыслом, для выражения которого понятийно-логические средства явно недостаточны. И происходит это потому, что отношение «Человек – Мир» целостно. Оно захватывает всю психику в целом, а не только мышление. Человек поражен созерцанием бесконечности в Мире и в себе, чувство причастности к ней воспринимается им как самое глубокое, интимное, как своя собственная трансцендентная сущность и одновременно сущность и основа всего. Представление об этом может дать выражение: «Бог во мне глубже, чем я сам». Это чувство свободы, радости, любви, благоговения (трудно перечислить все его «параметры» и оттенки, тем более что в нем они не разделены) представляется мне основанием антропогенеза и истоком религии. Оно же должно быть основой («подоплекой», как выражался С. Л. Рубинштейн) всего в онтогенезе, в личностном развитии индивида.

Это непосредственное целостное отношение трудно выразить в рациональных понятиях, но его наличие есть свидетельство выхода индивида, его чувств и мыслей в безмерность отношения «Человек – Мир», в область трансцендентную «всего того важнейшего, что человек может выявить в мире и в другом человеке, выходя мыслью за его пределы» (правда, мне кажется, здесь нужно снять слово «мыслью», так как выход осуществляется не только мыслью, но всем существом). А это «важнейшее» есть противостоящее вещному «духовное измерение» мира. И именно оно становится критерием оценки собственной жизни индивида, его отношений и поступков. Тогда и происходит личностное развитие в собственном смысле слова.

Переживание актуальной бесконечности

Переживание актуальной бесконечности отражается в особой эмоциональной приподнятости речи. И потому язык С. Л. Рубинштейна, когда он говорил об этом, для меня есть еще одно свидетельство, что он действительно вышел в безмерность отношения «Человек – Мир», что всеобщность и непосредственная целостность этого отношения захватили его сознание и чувства, изменили его восприятие и видение Мира. И он сам прекрасно понимал, что это – Основание и Начало, рациональная разработка которого – последующий этап.

Отсюда настаивание на восприятии, чувственности, непосредственной трансцендетности как основе. С таким же пафосом говорил об этом Л. Фейербах, да практически и все мыслители, которым довелось это испытать (при всем индивидуальном разнообразии форм этого восприятия: от интеллектуальной интуиции Б. Спинозы до мистического видения М. Экхарта и Я. Бёме. Сюда же можно отнести переживания «космического сознания», феномены современной ЛСД-терапии, трансцендентальной медитации и т. д.).

Судьба и творчество С.Л. Рубинштейна

Ирония судьбы С. Л. Рубинштейна такова, что приходится защищать его образ, личностный смысл его судьбы и значение его творчества от его собственных учеников, с которыми меня связывают товарищеские отношения и благодарность за подготовку и публикацию рукописи «Человек и мир».

Ученики С.Л. Рубинштейна представляют его не «нового», а «старого»

Дело в том, что, полемизируя от имени «школы Рубинштейна» со «школой Выготского и Леонтьева», они представляют Рубинштейна не «нового», а «старого» – Рубинштейна до написания «Человека и мира», до «границы» его творческой судьбы, представляют его позицию, от которой он в «Человеке и мире» столь решительно и *бесповоротно* отказался. Что касается самой работы «Человек и мир», то с помощью соответствующей селекции и экзегезы они пытаются представить ее как простое продолжение его прежней позиции, что облегчается противоречивостью самой работы.

Мы застаем С. Л. Рубинштейна в момент in statu nascendi

Обращая внимание на противоречивость работы С. Л. Рубинштейна, в своей статье (1987) я объяснял ее тем, что мы застаем Сергея Леонидовича в момент перехода (in statu nascendi), когда новое основание обретено, но все следствия из него еще не осознаны и потому еще смешаны в тексте со следствиями основания старого. Поэтому в работе присутствует множество исключающих друг друга утверждений (часть из которых была в указанной статье приведена), что, на мой взгляд, составляет особую ценность и интерес работы, так как можно непосредственно сравнивать продуктивные возможности старого и нового оснований.

Употребляю здесь слово *бесповоротно,* потому что от нового *бесконечного* основания невозможно вернуться к *конечному* старому, как для бабочки, начавшей покидать куколку, вернуться в нее и вновь окуклиться. Начавшаяся метаморфоза необратима. Поэтому С. Л. Рубинштейн (вопреки утверждениям некоторых психологов, что он неявно критикует себя) не критикует себя «старого», а просто «снимает» прежнюю «фазу»

как *целое*. Работа «Человек и мир» еще сохраняет в себе остатки старого, как бабочка, появляясь из куколки, иногда сохраняет некоторое время на конце брюшка засохшую голову гусеницы.

Отказ С.Л. Рубинштейна от деятельностного подхода

Ученики Рубинштейна не желали замечать эту противоречивость, предпочитая наводить макияж на голову гусеницы, чтобы доказать, что С. Л. Рубинштейн до конца жизни не изменился, «причесывая» его под материалиста, а иногда и под марксиста-ленинца в стиле советских учебников. Не буду приводить для доказательства этого утверждения многочисленные цитаты, тем более что за 24 года их накопилось на целую книгу. Для примера укажу лишь на некоторые. Так, по-прежнему Рубинштейну приписывается «принцип детерминизма», согласно которому в человеке внешние причины действуют через внутренние условия. «Макияж» в данном случае состоит в том, что, оказывается, «условия» (!) составляют «основание развития» [17, с. 26]. А в том, что в «Человеке и мире» С. Л. Рубинштейн утверждал обратное отношение, не говорится. Или, например: «Рубинштейн с 1917–1922 гг. и до конца жизни разрабатывал субъектно-деятельностный подход...» [17, с. 26]. Это – в многолетней полемике, кто первый изобрел пресловутый «деятельностный подход» – Л. С. Выготский или С. Л. Рубинштейн. В действительности, его «изобрела» новоевропейская цивилизация, так как в рамках господства субъект-объектного отношения другой подход к Миру и Человеку «не предусмотрен». Поэтому также бессмысленно спорить, кто автор деятельностного подхода – С. Л. Рубинштейн, Л. С. Выготский или А. Н. Леонтьев, ибо несомненно первенство С. Л. Рубинштейна в том, что он первым от этого подхода отказался.

Ученики С.Л. Рубинштейна занялись чистой тавтологией

Ученики С. Л. Рубинштейна, превращая «деятельностный подход» в «субъектно-деятельностный» и полагая это достижением «школы Рубинштейна», во-первых, занимаются чистой тавтологией, поскольку деятельность в рамках субъект-объектного отношения уже предполагает своего субъекта, «бессубъектной» деятельности в этих рамках не существует; во-вторых, не выходят из области вещного отчуждения, где разговор о личности просто невозможен. Между тем А. В. Брушлинский писал: «Таким образом, субъектный (в частности, субъектно-деятельностный) подход направляет исследование на изучение целостности человека» [17, с. 100]. На самом деле, «субъектный подход» может направлять на изучение лишь

частичного, «привязанного» конечно-определенным отношением к объекту индивида, то есть именно на субъекта, но ни в коем случае не на Человека как бесконечно-конечного, как личность.

4.2. О возможности развития личности в современной России

Россия – страна, чуждая как Востоку, так и Западу

Россия остается единственной страной, в определенном – и достаточно существенном – смысле «чуждой» как Востоку, так и Западу. Не относится она и к «третьему миру». Она не приняла, несмотря на татаро-монгольские нашествия, восточных форм жизни, хотя они наложили на нее печать «азиатчины». Не принимает она, в общем, и формы, являющиеся основой новоевропейской жизни, несмотря на многочисленные в ее истории попытки внедрения их в русскую жизнь [18].

Последняя из них (если исключить нынешнюю «перестройку») была в феврале 1917-го. Она также оказалась неудачной, так как почти немедленно за нею последовал Октябрь, обернувшийся невиданным террором, который поставил страну в антагонистическое отношение к Западу и на новой основе фактически возродил крепостное право.

Противодействие западных форм жизни духовному развитию личности

Русская литература и русская философия достаточно убедительно показали противодействие современных западных форм жизни внутреннему духовному развитию личности, ведущее постепенно к ее деградации. (Я не останавливаюсь в данном случае на самокритике Запада, также широко представленной от Ж.-Ж. Руссо до О. Шпенглера и А. Дж. Тойнби. Мне кажется, что русские мыслители, благодаря тому что, осваивая западную культуру, внутренне не самоотождествлялись с ней, оставаясь в позиции вненаходимости, сумели в критике западных форм жизни проникнуть более глубоко. Этому способствовало и понимание ими религиозных основ жизни, где также большинство из них выходило за пределы официальной церковной религиозности.)

Материал, касающийся отношения русских мыслителей к христианскому Западу, столь, однако, велик, что даже простое перечисление работ потребовало бы места, превышающего объем настоящего очерка. Остановлюсь поэтому кратко лишь на том, как выглядит западная демократия (ныне – образец для многих наших реформаторов) с точки зрения изложенного выше представления об органических системах.

Харизматическое лидерство

Включая рассмотренную выше «вертикаль» Актуальной Бесконечности – АБ (духовное измерение Мира),

органическая система всегда имеет иерархическую структуру, которая «растет» своей вершиной, определяющей подъем всех нижележащих «этажей». Именно поэтому элитарна культура. Поэтому же нормальным, органическим следует считать в обществе лидерство харизматическое (от «харизма» – благодать), то есть такое, которое получает (благодаря своей причастности к «вертикали») право и мудрость руководить «свыше» и перед этим «свыше» чувствует и несет ответственность за свои действия. Авторитет харизматического лидера не определяется его социальным положением. Наоборот, его социальная значимость определяется его духовным авторитетом, верой населения в его особую, дарованную свыше миссию, объединяющую народ в единое органическое целое.

Рождение псевдоорганических систем

Однако в истории можно проследить, как общества, первоначально харизматически объединенные в органическое целое, постепенно теряли эту органичность, вырождались. В ходе этого процесса социальные структуры из средства, обслуживающего харизматическое лидерство, постепенно превращались в самодовлеющие механизмы, становились самоцелью. Общественное устройство, сохраняя внешнюю видимость органической иерархии, на самом деле превращалось в пустую оболочку, уже не несущую в себе духовное содержание и связь с областью АБ.

В результате стали возникать и такие, как правило предельно секуляризованные, социальные системы, где связь общественного устройства с духовной «вертикалью» (и харизматическим лидерством) с самого начала, в сущности, устранялась. Она, эта связь, начинала выноситься во внесоциальную сферу и называться тогда «свободой совести». Это – *псевдоорганические* системы, где *«вертикаль»* не связана с Актуальной Бесконечностью, а построена *из элементов «горизонтали»* Потенциальной Бесконечности (ПБ).

Система западной демократии

Псевдоорганическая система не может расти в духовной области, она отчуждена от АБ и лишь экспансивно распластывается по «горизонтали».

Это и есть система *западной демократии,* где «псевдовертикаль» конструируется с помощью механизма всеобщей избирательной системы, из «горизонтали» – из «людей массы» (употребляю этот термин в смысле, приданном ему Х. Ортега-и-Гассетом, – смысле, на мой взгляд, очень емком и глубоком). Эта «псевдовертикаль» может в какой-то степени обеспечить формально-юридическое равенство, но не духовную иерархию. Выс-

шей ценностью, обеспечивающей власть, становятся деньги – концентрированная форма вещности. Они-то и определяют положение индивидов на «псевдовертикали». Демократия приводит к господству бездуховной посредственности во всех сферах жизни, к снижению уровня духовного творчества, культуры, отмиранию целого глубокого пласта душевно-духовной жизни личности, так как «распластывание» по горизонтали – это всегда господство вещности над личностью.

Восток, Запад и Россия

Возвращаясь к общей ситуации современности, можно сказать, что перед нами специализировавшийся в своей застойности Восток, подрываемый экспансией Запада, и Запад, специализировавшийся в ускоренной неорганической вещной деятельности, съедающей весь Мир и себя. На Востоке личность не развилась, в христианской культуре Запада она, не успев пройти далеко по пути своего развития, вырождается под влиянием господствующего технологически-вещного отношения к Миру.

И странная, не поддающаяся рациональному анализу, аморфная и одновременно амбивалентная Россия, то пугающая мир тупой жестокостью, то удивляющая его необыкновенными взлетами культурного творчества, по своему содержанию выходящего далеко за национальные пределы, приобретающего глобальный масштаб и смысл.

Попытки определенных социальных преобразований наталкивались на внутреннее, большей частью рационально не объяснимое сопротивление души, находящейся как бы в ожидании чего-то, ей самой неизвестного и неопределенного.

Загадочная русская душа и историческая роль России

О загадочной русской душе и особой в связи с этим исторической роли России написано немало. Сама для себя эта душа оставалась загадкой. В ней находили противоположные, максимально располюсованные свойства, остававшиеся в этой располюсованности почти неизменными на протяжении веков: рабское сознание и любовь к свободе, жестокость и милосердие, подлость и честность, эгоизм и готовность к самопожертвованию, тупость и глубокая метафизическая настроенность ума, святость и демонизм, лень и способность к интенсивной творческой работе (различные сравнительные исследования творческого потенциала показывали, что выше других он оказывался у русских) и т.д. И, пожалуй, именно этот *максимализм* русской души, ее *располюсованность* и являются самой сутью дела и свидетельством потаенных, большей частью нераскрытых глубин

– той самой безмерности, которая не может быть до конца выражена рационально и даже вербально (остается «несказанной»). Она же является и «бедой», так как почти исключает положительную конечную определенность, например способность к устойчивой социальной обустроенности.

Россия и постнеолитическое будущее

Все эти странности русской нации становятся понятными, если принять гипотезу о ее недовоплощенности из области метаистории в план наличного эмпирического бытия, тем самым предназначенности к «постнеолитическому» будущему. Она не специализирована ни по западному, ни по восточному образцу и сохраняет состояние своеобразного «квазихаоса», несущего в себе возможность свободы и универсальности, а тем самым и личностного развития.

Если пытаться делать прогнозы об общественной форме выхода из современного глобального кризиса (и если, как я надеюсь, он еще возможен), то я склонен без всякой иронии сказать: «Коммунизм – светлое будущее человечества» и единственный, на мой взгляд, радикальный путь преодоления этого кризиса. Я имею в виду не различного рода социальные прожекты и конструкции, в течение последних столетий предлагавшиеся и критиковавшиеся под названием коммунистических, как формы будущего общества, а наиболее глубокие идеи, к которым конвергируют первохристианство, коммунизм, анархизм, общинность, хомяковская соборность, бердяевская коммюнотарность и «народная монархия» И.Л. Солоневича. Все они предполагают устранение отчуждения Человека от себя самого и Мира, а следовательно, устранение капитализма, частной собственности и рыночной экономики как основы общественной жизни, то есть устранение господства вещности – наиболее глубокой тотальной формы отчуждения человека, когда он перестает быть самим собой.

Коммунизм не может быть построен. Он не строится. Он должен органически незавершимо (как и личность) расти, и корни этого роста в нравственном личностном самосознании, а отнюдь не в производстве материальных благ, рыночной экономике и соответствующей «демократии», неизбежно ведущих к вещному вырождению Человека, его деградации как личности.

Радикальное преображение самосознания

По-видимому, именно с радикального преображения самосознания должна начаться постнеолитическая фаза антропогенеза, чтобы стать фазой органического саморазвития самого Человека (напоминая этим начало Палеолита) вместо развития его неорганического тела –

машинной цивилизации. Без этого современный глобальный кризис непреодолим.

Большевизм был подменой, люди тоже были жертвой подмены

Большевизм, рядившийся в тогу коммунизма, также, конечно, был подменой. Ныне людей, носящих портреты Ленина и Сталина и большевистские лозунги, обвиняют в желании вернуть ленинские и сталинские репрессии. В действительности эти люди также жертвы подмены. Так они выражают глубокую подсознательную потребность в харизматическом лидере как центре, обеспечивающем внутреннее чувство духовного родства и целостности, своего рода «соборность». Одновременно это подсознательный протест против «сборности» западной демократии. И это одна из основных характеристик русской нации. Эти люди правы, выступая против наших «демократов», стремящихся «интегрировать Россию в семью цивилизованных народов», а для мира в целом уничтожение единственной еще оставшейся на Земле нации, сохраняющей потенции к возможному духовному возрождению Человека.

Недовоплощенность русского народа может помочь ему сопротивляться западной цивилизации

Впрочем, мне кажется, что здесь именно недовоплощенность русского народа может помочь ему (глубоко под- или сверхсознательно) сопротивляться внедрению в Россию западной цивилизации. Вещному отчуждению, имеющему основание во «*внешней* целесообразности», не так просто добраться до *внутренней* недовоплощенной вовне духовной основы Человека как Личности.

Поэтому возможно, что Запад ранее истребит духовную сущность Человека в себе, чем ему удастся это сделать в России, несмотря на помощь русских «властей предержащих».

---

1. *Бердяев Н.А.* О назначении человека. – М., 1993.

2. *Блохинцев Д.И.* Очерки по материалистической философии (рукопись).

3. *Арсеньев А.С.* Наука и человек (философский аспект) // Сб. статей: Наука и нравственность. – М., 1971. – С. 114–158.

4. *A. Arsenyev.* The relationship between science and morality // Science and Morality. – Progress publishers. – M., 1975. – P. 130–187.

5. *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. – 2-е изд. – М., 1976.

6. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. – М., 1979.

7. *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир // Вопросы философии. – 1969. – № 8. – С. 136–149.

8. *Арсеньев А.С.* Размышление о работе С. Л. Рубинштейна «Человек и мир» // Вопросы философии. – 1993. – № 5. – С. 130–160.

9. *Арсеньев А.С.* Десять лет спустя. О творческой судьбе С. Л. Рубинштейна // Вопросы философии. – 1998 – № 11. – С. 43–68.

10. *Арсеньев А.С.* О замечаниях К. А. Абульхановой-Славской и А. В. Брушлинского в связи с моей статьей «Десять лет спустя. О творческой судьбе С. Л. Рубинштейна» // Развитие личности. – 1999. – № 4. – С. 21–32.

11. *Рубинштейн С.Л.* Принципы и пути развития психологии. – М., 1959.

12. *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир // Проблемы общей психологии. – 2-е изд. – М., 1976. – С. 253–381.

13. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. – М., 1957.

14. *Арсеньев А.С., Библер В.С., Кедров Б.М.* Анализ развивающегося понятия. – М., 1967.

15. *Блохинцев Д.И.* Свет из Калуги (рукопись).

16. *Чудаков А.П.* Поэтика Чехова. – М., 1971.

17. *Брушлинский А.В.* Проблемы психологии субъекта. – М., 1994.

18. *Арсеньев А.С.* Глобальный кризис современности и Россия // Континент. – 1992. – № 3 (73). – С. 132–161.

Анатолий Арсеньев

ЛОГИКА ОРГАНИЧЕСКИХ СИСТЕМ И ПСИХОЛОГИЯ:
Философские тезисы с психологическим комментарием

Аннотация. *Рассматриваются: метод и предмет научной психологии; диалектическая логика как открытая система, связанная с понятиями: рефлексия, трансцендирование, развитие, эволюция; различия между органическими и неорганическими системами; логика причины и логика цели. Показано, что научная картина мира и неорганическая логика научного мышления препятствуют исследованию человека.*

Ключевые слова: *органическая система; неорганическая система; диалектическая логика; личность; рефлексия; трансцендирование; развитие; эволюция; «психокосмос»; метасистема.*

Abstract. *Method and subject of scientific psychology are considered. Dialectical logic as an open system associated with such notions as reflection, transcendence, development and evolution are examined. Differences between organic and inorganic systems are defined. The logic of reason and the logic of goal are described. World's scientific picture and inorganic logic are shown to prevent man's study.*

Keywords: *organic system; inorganic system; dialectical logic; personality; reflection; transcendence; development; evolution; "psychocosmos"; metasystem.*

1. Философские тезисы

В 1967 году в Алма-Ате состоялось Всесоюзное совещание по диалектической логике. Я получил предложение выступить с докладом и написать тезисы. Доклад состоялся, и тезисы «Диалектическая логика как открытая система» были опубликованы [1]. В 1977 году в Алма-Ате было второе совещание по диалектической логике. Я получил такое же предложение и написал тезисы «Диалектическая логика как логика органических систем». Однако к началу конференции я уже был "persona non grata" и допущен на нее не был. По просьбе моих друзей и коллег я дополнил тезисы психологическим комментарием, и получился нижеследующий текст, на который я много лет ссылался и цитировал его в курсах лекций, статьях и книге [2], но который до сих пор опубликован не был.

Диалектическая логика сущностно соединена с понятиями рефлексии, трансцендирования, развития.

Представление диалектической логики как открытой системы связано с понятием рефлексии, трансцендирования, развития [1]. Логическое движение в этом случае состоит в том, что в процессе рефлексии критически разлагается достигнутый этап понимания, происходит «снятие» его как одностороннего и ограниченного, что служит базой для выхода за его пределы – трансцендирования – в область более глубокого знания. Как было показано автором в книге «Анализ развивающегося понятия» [3, ч. III], это углубление связано с расширением знания, переходом его на более общий и одновременно более конкретный и глубокий уровень, то есть, в конечном счете, конвергенцией знания в особенной форме на пути его движения к всеобщему. Достигнутый новый уровень знания (он же – логический уровень в содержательной диалектической логике) становится базой понимания и логического объяснения низшего уровня как целого, поскольку между ними необходимо возникает определенное логическое отношение, ограниченно односторонне зафиксированное в работах физиков в так называемом «принципе соответствия» [3, с. 230–276].

Диалектическая логика как органическая, развивающаяся система

Логическое отношение рефлексия–трансцендирование воспроизводит в схематической (в смысле И. Канта) форме процесс развития так называемых органических систем. При этом сама диалектическая логика должна быть понята как органическая, развивающаяся система, в отличие от таковых же систем, представленных в чувственно-физической форме, непрерывно осознающая себя как потенциальную форму всеобщности, снимающую все особенные формы посредством выхода в «безмерное».

В неорганических системах господствует детерминация целого частями

Попробуем кратко и схематически описать различие между органическими и неорганическими системами (последние И. Кант, в отличие от первых, назвал механическими агрегатами). В неорганических системах господствует детерминация целого своими частями, части существуют прежде целого, целое конструируется из частей как некая структура. Структура системы предшествует ее функции и эту функцию определяет. Настоящее состояние системы определяется ее предшествующим состоянием, таким образом, прошлое детерминирует собой настоящее (господствует причинная детерминация). Типичным примером неорганической системы может служить машина, прибор, сделанный человеком (например, радиоприемник).

В органических системах преобладает детерминация частей целым

В системах органических преобладает детерминация частей целым, целое существует прежде частей, части возникают как саморасчленение целого в процессе развития. Структурному расчленению целого предшествует дифференциация его функций, для выполнения которых и создаются соответствующие органы как структурные образования. Настоящее состояние системы определяется не только и не столько ее прошлым, сколько ее будущим (господствует целевая детерминация). Типичный пример органической системы – любая форма жизни, включая как отдельную особь, так и биогеосферу в целом.

Органическая система как целое определяется системой более высокого порядка

Начало органической системы определяется в ней как простое, и потому она некритична, нечувствительна к этому началу, это начало пластично и все возможные структуры содержит в потенции как свое собственное будущее. Поскольку в ней господствует детерминация от целого к частям, то, определяя, гармонизируя свои части (и в этом смысле являясь автономной целостностью), она как целое определяется системой более высокого порядка, ибо по отношению к системе более высокого порядка она выступает как ее нерасчлененная часть. Поэтому развертывание ее простого начала в конкретную полноту детерминировано не только ее собственными внутренними факторами, но и системами более высоких порядков, вплоть до систем общекосмических, космической «иерархии» всеобщих законов развития и порядка космоса. Эти законы «задают» ее как целое, что для нее выступает как детерминированность своим собственным будущим. Органическая система, таким образом, система «открытая», то есть включенная в бесконечную иерархию систем высших порядков.

В каждой органической системе одновременно идут два противоположных процесса

Возникает возможность объяснения упорядоченности космических систем, включая целесообразность живой природы (через подчинение каждой живой системы гармонизирующему, связывающему в единое целое, вернее, «держащему» в единой гармонической целостности всю иерархию природных систем, принципу эволюции). В каждой органической системе одновременно идут два противоположных процесса: *дифференциация* и *дивергенция* ее частей (как разворачивание ее возможностей в конкретную актуальную полноту), в том числе проход всех причинных цепей, и *интеграция, конвергенция,* становление ее сложной целостностью. Существование органической системы как целого обеспечивается преобладанием процесса второ-

го типа, что и означает господство детерминации от целого к частям, от будущего к настоящему над детерминацией механического типа (от частей к целому, от прошлого к настоящему).

Логика причины и логика цели

Целостность теоретического представления органической системы означает подчинение в теоретическом воспроизведении системы логического движения «от частей к целому, от прошлого к настоящему» (то есть «механической», «вещной» логики причины) движению «от целого к частям, от будущего к настоящему» (то есть логике цели). Эта «иерархия логик» предусмотрена диалектикой, понятой, как логика органических трансцендирующих систем.

Научное мышление рассматривает мир как неорганическую систему

Представление об органических системах и системах неорганических – философская абстракция, имеющая серьезное теоретическое значение. Научное мышление (образцом и целью которого служит мышление в точных науках) исторически возникло таким образом, что рассматривает мир как неорганическую систему, как мир вещей и вещных отношений, как структуру элементов, из которой должны быть объяснены системы высших порядков, в частности жизнь и разум как вторичные [4; 5]. Поэтому стандартный способ теоретического научного объяснения целого есть сведение, редукция этого целого к частям, играющим роль первичных элементов. Соответственно, готовая научная теория должна быть построена в логике механической системы («вещной» логике), что является в науке (и в позитивистской философии) идеалом (впрочем, до конца недостижимым).

В философии развивалась идея мира как органической целостности

В философии (если оставить в стороне позитивистские направления, фактически не являющиеся философией, но лишь формой рассудочной рефлексии «точного» научного мышления), напротив, развивалась идея мира как органической целостности, порождающей и гармонизирующей свои части в процессе развития в конкретную тотальность.

«Вещная» логика современной науки может давать практически значимые результаты в области неживой природы

В области так называемой неживой природы, в ограниченных пределах неизменности качественного состояния «вещная» логика современной науки может давать практически значимые результаты, несмотря на неизбежное сведение, редукцию целого к частям и процесса к структуре. Но в области, где органический процесс, трансцендирование оказываются самой «сутью дела», она неизбежно должна показать свое бессилие. Поэтому можно априори сказать, что ни современная генетика, ни молекулярная биология не смогут понять,

что такое жизнь, ибо редукция целого к частям (к молекулярным или любым другим частичным структурам и процессам) принципиально закрывает дорогу к теоретическому воспроизведению целого, поскольку органическая система не аддитивна (не складывается из частей), а подчинена детерминации противоположного типа, где начало есть целое.

Более плодотворными представляются концепции А. Бергсона, Тейяра де Шардена, В.И. Вернадского и им подобные, предполагающие организацию жизни как обусловленную иерархической зависимостью от систем более высоких порядков, что позволяет теоретически воспроизвести органические системы как целостные, развивающиеся, то есть адекватно их природе.

Необходимо понять жизнь как органическое целое

Необходимость понять жизнь как органическое целое приводит в биологии к идее картины мира не как «физического» космоса, но как «биологического» [6]. Точнее, биологи не исходят из идеи органической целостности, но сам биологический материал и теоретическая ситуация, сложившаяся в современной биологии, заставляют предположить иерархизованную от высшего к низшему детерминацию живых систем, без чего оказывается невозможным понять ни биологическую эволюцию в целом, ни быстро растущее число экспериментальных фактов, указывающих на наличие такой детерминации. Например, в работе А.С. Пресмана приведены аналогичные мнения некоторых крупных современных биологов и выдвинута гипотеза об электромагнитной природе полей, обеспечивающих связь живых систем [7].

Человек как разумное существо есть природа, осознающая себя

Человек как разумное существо является всеобщей рефлексией природы и в этом смысле эквивалентен природе как целому. Он есть природа, осознающая себя. В этом отношении человек может быть понят как целое, в своей потенциальной всеобщности эквивалентное всей бесконечной природе. Осуществление этой бесконечности есть процесс эволюции, в том числе исторический процесс (который может быть понят как непрерывное разрешение и вновь порождение противоречия между актуальной ограниченностью человека в каждый данный момент и его потенциальной универсальностью, бесконечностью).

Процесс эволюции в форме рефлексии – трансцендирования есть развитие человека как личности

Процесс эволюции осуществляется в форме трансцендирования (выхода за пределы любой, в том числе своей собственной, ограниченности в наличном бытии), составляющего диалектическое единство с рефлексией. Одновременно это есть развитие человека как личности,

протекающее как эволюция отношения «индивид–род» в двух диалектически связанных формах: в форме индивидуальной (онтогенез личности как история жизни индивида) и в форме родовой (филогенез личности как история человечества). Таким образом, сущность человека предстоит ему как его собственное бесконечное будущее в качестве универсального существа, всеобщей рефлексии природы.

Это означает, что человек есть в буквальном смысле слова «микрокосм»: в нем в сознательной форме выражены всеобщие законы космической эволюции, в потенции он есть «высший этаж» «космической иерархии», детерминирующий все остальные «этажи», включая жизнь и так называемую неорганическую природу.

Мир как органическая система

Если диалектическое понимание органической системы предполагает детерминацию (соответственно в теории – логическое движение) от целого к частям, то в теоретической картине мира, создаваемой человеком, он должен *начать с себя*, ибо в нем как в разумном существе, как в развивающейся личности бесконечная природа представлена как органическое целое. Тем самым мы приходим к картине мира как органической системы. Это диалектическое представление противоположно картине, построенной в точном естествознании, пытающемся пройти обратным путем (от неорганической природы к органической и затем к разумной).

Картина мира должна быть «психокосмосом»

Человеческая картина мира должна быть не «биокосмосом», но «психокосмосом», ибо «биокосмос» для своего теоретического (то есть построенного в определенной логике) рассмотрения требует некой вненаходящейся логической «метасистемы», она, в свою очередь, «метаметасистемы» и т. д., и эта иерархия метасистем становится ненужной лишь в случае, если находится логическая система, обращенная на себя, могущая тем самым стать предметом для себя, то есть рефлексирующая (а тем самым и трансцендирующая, бесконечно выходящая за свои собственные пределы). Эта рефлексия осуществляется в человеке как разумном существе, в своей универсальности и всеобщности эквивалентном всему бытию, всей природе. Логически ей соответствует диалектическая логика.

Возможность «интегрального управления» жизнью

Предположения – об относительной самостоятельности, автономности любой органической системы, об управлении ею как целым со стороны иерархии систем высших порядков, о человеке как всеобщей рефлексии природы – приводят к идее возможности «интегрального управления» жизнью (а может быть, и не только

жизнью) со стороны человека как разумного существа (чем, собственно, и занималась магия в соответствующих исторических культурах), а также к идее о существовании некоторой субстанции (ее можно было бы назвать «управляющей субстанцией-энергией»), бесконечной в интенсивном и экстенсивном аспектах, в пространстве и времени, обеспечивающей тотальную целостность универсума, связь и гармонию иерархии органических систем.

Необходим трансцензус в иную систему мышления

Из понимания диалектики как органической системы вытекает принципиальная невозможность перехода к диалектическому мышлению в науке путем включения и попыток использования отдельных категорий диалектики внутри современного научного мышления. Нужно совершить трансцензус в другую систему мышления, которая не может быть освоена по частям, но лишь принята как новое целое, разворачивающее и определяющее свои части. Как содержательный, переход этот предполагает изменение видения мира, другую, более богатую и конкретную (и в определенном смысле – противоположную современной научной) его картину, по отношению к которой представление о «физическом космосе», принятое в современном естествознании, есть ее «абстрактно-вещная» проекция.

2. Психологический комментарий

Значение диалектического понимания органических систем

Из содержания представленных кратких тезисов ясно большое значение диалектического понимания органических систем для познания человеком самого себя и своего положения в мире, своего происхождения и своей психики. Само это диалектическое понимание не может стать чем-то застывшим, это лишь момент познания, снимающий себя в дальнейшем трансцендировании. Тем не менее его разработка и выяснение его возможностей представляются необходимыми в настоящее время, и в частности потому, что, по-видимому, позволяет наметить пути анализа некоторых фундаментальный трудностей и проблем, возникающих и приобретающих все бóльшую остроту в современной научной психологии. Настоящий комментарий есть попытка очень бегло указать на некоторые из этих проблем.

2.1. Метод и предмет современной научной психологии

Психология отделилась от философии

Отделившись от философии в самостоятельную область знания, психология стала завоевывать статут положительной экспериментальной науки. Она посте-

пенно осваивала и внедряла методы количественного исследования, технологию и общую методику эксперимента современных точных наук в исследование психики. Осваивался и соответствующий метод мышления, т. е. психологи стали рассуждать и пытаться строить теории по образцу и логическому плану современных естественнонаучных (прежде всего, физико-математических) теорий. Психология стала, таким образом, мыслить о человеке в вещной, «механической» логике, исключающей рефлексию (в вещной логике отношение рефлексии неизбежно приводит к парадоксам) и, следовательно, трансцендирование.

Психология исследует человека как механическую систему

Психология исследует человека, психику как конечную механическую систему. Это означает, что исследование должно начинаться с отдельных элементов и функций, сколь возможно простых и изолированных в эксперименте друг от друга, а из полученных результатов должна быть создана впоследствии теория (хотя, в действительности, без основополагающего принципа, полученного неэмпирическим путем, теория не может быть построена). Поэтому психология распалась на множество различных областей: психология восприятия, психология мышления, психология эмоций, психология памяти и т.д. и т.п. Но, поскольку человек – система органическая и потому неаддитивная, из этих областей никаким образом не может возникнуть психология человека, то есть психология в собственном смысле этого слова (от греческого «психе»). Более того, так как значение каждой области и каждой исследуемой функции определяется целым, проводимая работа по частичным регистрациям, измерениям отдельных «психических» функций, «механизмов» и феноменов обессмысливается и психолог, большей частью, не может понять (т. е. поставить в связь с целым) то, что он делает.

Психология утеряла свой предмет

Произошла утеря психологией своего предмета – человека, его психики, личности как спонтанного «целого в себе». Попытки исходить из некоторого целого еще сохранялись в какой-то степени у фрейдистов и гештальтистов, но это не была целостность универсального, рефлектирующего и трансцендирующего существа, то есть здесь были утеряны всеобщность и бесконечность, составляющие главное в понимании человека как существа разумного.

Редукция психического к физиологическому и социальному

Первичность элементов по отношению к целому и структуры по отношению к функции в логике мышления психолога приводит к тому, что ему кажется естественным считать структуры мозга, с одной стороны, и

социальные структуры – с другой, определяющими психику и ее функции. Таким образом, происходит редукция психического к физиологическому и социальному и человек начинает рассматриваться как своего рода кентавр, составленный из двух половин. Такое мышление отказывается признать качественную самостоятельность и первичность «человеческого», ибо целое здесь всегда есть нечто вторичное по отношению к составляющим его частям, в качестве которых в данном случае выступают «биологическое» и «социальное».

Научная психология не признает существование психических энергий

Научная психология считает невозможным признать самостоятельное существование психических энергий, и исследование энергетической стороны работы психики сводится к измерению ее физических параметров. С точки зрения логики органической системы эти параметры суть вторичные, побочные эпифеномены этой работы как целого, так же как виды энергий, изучаемые физикой, являются отдельными, частичными проявлениями (вещными проекциями) некоторой всеобщей ее формы, предположенной в тезисах под названием «управляющей субстанции-энергии». В связи с этим интересно отметить, что область явлений, где психические энергии проявляют свои действия непосредственно и эмпирически наглядно, где психика прямо и недвусмысленно заявляет о своем спонтанном существовании, не признается областью научной психологии. Ее обычно относят к области парапсихологии («пара» – по латыни «около»). Отношение представителей научной психологии к этой области различное: от признания ее важности до полного отрицания самих феноменов и объявления шарлатанами и фокусниками всех, кто занимается этой областью или демонстрирует соответствующие явления. Большинство же психологов предпочитают этот круг явлений просто не замечать и спокойно продолжают измерять скорости реакций человека на раздражители, способность решать математические задачки, запоминать тексты и т. д., получая множество всяческих параметров, набирая статистику, придумывая различные схемы объяснения этих параметров и не замечая, что человек и психика оказываются трансцендентными их исследованиям.

По-видимому, было бы справедливо именно эту область назвать парапсихологией («околопсихологией»), а название «психология» в собственном смысле слова распространить на явления, ныне относимые к парапсихологическим.

Диалектическое мышление предполагает наличие парапсихических явлений

Для открытого диалектического мышления парапсихические явления не являются неожиданными. Наоборот, понимание человека как универсального существа заставляет предполагать бесконечный спектр еще не реализованных (или уже утерянных) им в себе возможностей, в том числе таких, которые мы не можем сейчас даже вообразить. Описанные в парапсихологической литературе явления есть частичная демонстрация некоторых из этих возможностей. Эта литература очень обширна, создавалась на протяжении нескольких тысяч лет, а в последнее время, в связи с быстро растущим к этой области интересом, приобретает особое значение.

Современная научная психология исследует человека неадекватным ей методом

Мы можем констатировать, что современная научная психология утеряла человека и его психику как свой предмет исследования, ибо пыталась его исследовать неадекватным ей методом. Этот метод в принципе не может работать там, где нужно теоретически охватить спонтанность и целостность, отношение рефлексии и трансцендирования. Мышление, следующее этому методу, при исследовании восприятия зрительного образа будет рассматривать структуру сетчатки и связи зрительного нерва с различными образованиями коры мозга, оно будет выяснять физико-химическую природу сигналов, идущих по этому нерву, их скорость, найдет частотный код передачи нервных импульсов и т. д. В результате останется за бортом собственно психологический вопрос: где же все-таки воспроизводится зрительный образ и кто его смотрит (воспринимает)? При изучении личности научное мышление начнет с классификаций «типов личности» или с выделения «качеств (параметров) личности», увяжет «качества» с «типами», установит влияние на них социальных и биогенетических факторов и, в конце концов, попытается сконструировать уже упомянутого кентавра, соединяющего в себе социального функционера и квазиживотное.

Психика – особая реальность, детерминирующая телесный мир

По-видимому, следует принять самостоятельное существование психики как особой реальности, детерминирующей телесный мир (включая в принципе весь «физический космос» с так называемыми законами природы, которые на самом деле есть законы науки), и психических сил и энергий, не редуцируемых к физико-химическим силам и энергиям, а включающих эти последние в себя «в снятом виде» как свои подчиненные моменты. То есть речь идет о признании неатрибутивности психики, ее субстанциональности, но не в декартовском смысле «мыслящей субстанции», отделенной и противопоставленной субстанции протяженной, но как

единой субстанции, качественно иерархизованной в органические системы. И сама эта иерархия должна быть понята не только в количественном смысле (пространственного соотношения систем различных порядков), но и в качественном смысле относительной автономности сфер или планов бытия, в том числе и пространственно не разделенных. Принятие такой позиции в психологии непосредственно вытекает из вышеизложенного в тезисах понимания диалектики органических систем, из представления о мире как целостной органической системе, в конечном счете – из философского утверждения единства мира.

2.1. Психология и история

Логика вещных отношений есть логика структуры

Логика вещных отношений есть логика структуры, но не процесса; отношения времени она не может воспроизводить адекватно их природе, но лишь «моделируя» их в отношениях конечных структур (с этим, в частности, связана тенденция современной науки к «геометризации» теорий). Поэтому исходным и фактически единственно определяющим мышление и теорию здесь оказывается план наличного бытия. В нем резюмировано прошлое, причинно его обусловившее, и само оно причинно обусловливает будущее. В такой схеме нет места детерминации будущим, а потому нет места для цели, нет свободы, нет, следовательно, и человека. Мир в целом предстает как механическая система (в указанном в тезисах смысле), и различные попытки трактовать эту картину вероятностно-статистически не меняют ее указанной общей характеристики.

Психология не может понять сущность человека как диалектически развивающегося субъекта истории

Ориентируя мышление на метод и «вещную» логику современных точных наук, психология не может понять сущность человека как диалектически развивающегося субъекта истории. Рассматривая мир как мир вещей и вещных отношений, точное естествознание не нуждается в историзме как способе мышления, ибо практическое овладение вещной стороной действительности возможно и в плане наличного бытия (поскольку бытие *вещей* есть, прежде всего, *ограниченно-пространственное* бытие).

Формирование целостной личности – исторический момент эволюции диалектического отношения «индивид–род»

Природа человека как предмета психологии совсем другая. Хотя человек и может выступать как вещь (например, как рабочая сила в политэкономии или как носитель социальных ролей в социологии), в этой функции он всегда «частичный человек» и его родовая сущность как разумного трансцендирующего существа от него отчуждена. Чтобы учесть это отчуждение или, как

его еще называет К. Маркс, «вещное ограничение индивида», теоретически преодолеть его и понять формирование человека как целостной личности, нужно само это ограничение во всех его формах понять как *исторический момент* эволюции диалектического отношения «индивид–род», «снимаемый» в ходе развития. В противном случае научная психология всегда будет принимать частичные, обусловленные теми или другими исторически преходящими ситуациями проявления человека за феномены человека как такового, преходящие второстепенные моменты за сущность, социального функционера за личность и т. д., то есть будет обречена оставаться «околопсихологией».

Психологу необходим историзм мышления

Психолог отнюдь не обязан осваивать профессию историка, но историзм мышления (которым, кстати, обладают далеко не все профессиональные историки) для него, по-видимому, необходим, то есть он должен стать культурно-историческим субъектом, для которого прошлое есть его собственное живущее в нем прошлое, а будущее – его собственное будущее, которое он формирует каждым своим поступком, словом и мыслью. Он сам эволюционирует через настоящее, будучи детерминирован прошлым и будущим, и таков же предмет его исследования. Само его исследование должно быть понято им как одна из форм общения, то есть рефлексии рода (род «человек» здесь понимается не биологически, а как человечество в его прошлом и будущем). Тогда он сможет понять сущность человека (и ее индивидуальное воплощение – личность) как разворачивающееся во времени становление универсального существа. Это – одна сторона вопроса об отношении психологии к истории.

Создавая культуру, индивид личностно развивается

Вторая сторона вопроса об отношении психологии к истории состоит в обращении к самому материалу истории культуры и к этнографическим материалам. Дело в том, что различные исторические формы культуры разворачивают и реализуют различные комплексы возможностей и способностей рода «человек». Каждый индивид, так или иначе участвуя в создании культуры, в ней же находит систему условий своего личностного развития. Поэтому в различных культурах мы находим индивидов, различающихся по психическим характеристикам. Они различаются по способу мышления, логике, восприятию мира, общению, пониманию этических ценностей и т. д. Некоторые человеческие способности, воспринимаемые в условиях одной культуры как всем известный, заурядный феномен, в условиях другой, не создающей условий для их раскрытия, спонтанно про-

являются лишь у отдельных редких индивидов и, противореча установившемуся способу мышления и понимания мира, могут рассматриваться как чудо, как обман или редчайший и непонятный природный дар, доставшийся почему-то данному индивиду. Никто не сочтет невероятным сообщение о феноменах телепатии или телекинеза в Индии, а житель Филиппин может удивиться, узнав, что в Европе при хирургических операциях применяется специальная техника, инструменты, анестезия и антисептика, ибо некоторые филиппинские врачи обходятся без этого.

Различия культурно-исторического развития на Востоке и на Западе

Для интроспективно направленного, глубоко рефлексивного мышления Востока знание о психических силах, исследование их, а также развитие и практическое их применение входило в состав традиционных, тысячелетиями развивавшихся форм культуры. На Западе, в других условиях культурно-исторического развития (они здесь не обсуждаются), эти знания заняли маргинальное положение и составили содержание различных эзотерических и оккультных школ. По-видимому, что-то было известно об этих силах практикующим магам и алхимикам. Без сомнения, не обходилось без шарлатанства и надувательства, но были и реальные знания.

Современное научное мышление преподносит как сенсацию то, что давно было известно

Массовый интерес к эзотерическим феноменам на Западе в настоящее время и увеличивающееся количество исследований приводят к тому, что как новое и сенсационное открывается то, что давно было известно. Например, описание в современной научной литературе переживаний людей в состоянии клинической смерти совпадает с тем, что было в течение тысяч лет хорошо известно в йоге, буддизме, суфизме, в оккультных школах и направлениях и т. д. Эти и многие другие, современной научной психологии неизвестные, состояния психики были исследованы, разработаны различные методы их произвольного достижения и практического использования. Были разработаны соответствующие философские и психологические системы, а также системы воспитания, в том числе, например, развития так называемого сверхчувственного восприятия.

Психология должна осваивать богатейший материал истории культуры

Многое из того, о чем современная научная психология начинает догадываться или пытается строить гипотезы, было областью непосредственно наблюдаемой и практически используемой эмпирии. Например, наблюдались и изучались различные поля и излучения, связанные с человеком, были известны многие каналы связи и общения людей, помимо тех, которые знает и

исследует научная психология. Если психология действительно хочет быть реальным знанием о психике, она не имеет права игнорировать этот богатейший материал истории культуры.

Центральный вопрос – отношения человека с миром

В теоретическом плане понимания человека в его взаимоотношении с миром (что, согласно логике органической системы, должно служить общетеоретическим фундаментом любого более частного психологического исследования) нужно учесть, что для человека как разумного, рефлексирующего существа этот вопрос всегда был важнейшим, центральным вопросом, самим фундаментом его разумности. Различные системы мифологии, религии, философии были попытками человека ответить на этот вопрос в материале соответствующей культуры с ее образом мышления: в родоплеменных легендах, мифах, религиозных притчах и образах, рационально-философских рассуждениях.

К пониманию человеком самого себя можно подходить с разных сторон, но следует остерегаться опасностей

Можно образно представить себе понимание человеком самого себя как некую бесконечную проблему, а различные формы и направления мифологии, религии, философии – как множество в конечных формах построенных «ворот», с разных сторон ведущих к этой проблеме, к ее пониманию. Можно воспользоваться любыми из них, но при этом следует остерегаться двух возможных опасностей. Первая состоит в том, что, найдя одни «ворота», исследователь может забыть о существовании других или считать свои «ворота» единственно правильными, а все остальные ложными. Вторая заключается в том, что вместо того, чтобы воспользоваться «воротами» как воротами, то есть пройти сквозь них, он может «застрять» внутри них, и тогда они становятся догматическими и замкнутыми, а исследователь теряет способность трансцендировать, а следовательно, и возможность понимания человека как целостного. В обоих случаях теряется понимание истины как многообразной и противоречивой, как процесса.

Существует тенденция придавать характер всеобщности всякому ограниченному знанию

Потенциальная универсальность, всеобщность человека при отсутствии широкого историко-культурного взгляда на действительность создает психологический «механизм», который может загнать человека в тупиковую ситуацию. Дело в том, что одно из проявлений универсальности человека как разумного существа состоит в логичности его мышления. Это означает, что понять что-либо теоретически он может лишь при условии включения познаваемого в сферу логически всеобщего, то есть при возведении открытых отношений в ранг всеобщих принципов. Сама эта всеобщность не

выводится, как известно в философии, из эмпирии, но создает тенденцию придавать характер всеобщности всякому ограниченному знанию. Поэтому чем меньше знаешь, тем легче быть (и слыть) теоретиком (что заметил еще Б. Спиноза), поскольку чем ограниченнее знание, тем меньше многообразия и противоречий оно в себе несет, тем легче подчинить его некоторой всеобще-абстрактной схеме. Получив же статут всеобщности, оно исключает все, что не согласуется с ним, а потому чем ограниченнее и некультурнее теоретик, тем более он склонен утверждать «этого не может быть, потому что не может быть никогда» относительно всего, что не согласуется с его узкими (чаще всего традиционными и потому имеющими силу предрассудка) взглядами, тем непогрешимее, несомненнее кажется ему его собственная позиция, ибо, чтобы сомневаться, надо иметь в виду возможность другого, быть внутренне диалогичным.

«Абстрактно-вещная проекция» мира была принята за его единственно истинную картину

В ловушку всеобщности попалось «точное» научное мышление. Став в Европе в конце XVII века господствующим в теоретическом представлении о мире, рассматривая мир как мир вещей, оно возвело открытые им некоторые инварианты вещных отношений в ранг «всеобщих законов природы», после чего всё, что не согласуется с ними, стало считаться не имеющим реального объективного существования. «Абстрактно-вещная проекция» мира была принята за его единственно истинную картину, и объявлены шарлатанами и фокусниками все, кто сообщал о феноменах, не укладывающихся в эту «проекцию», или указывал на подобные факты. В частности, вся религия представлялась сплошным вымыслом, включая все психические явления, связанные с некоторыми религиозно-мистическими переживаниями, либо же эти переживания считались продуктами воображения больной психики.

Антиисторизм научного мышления

Неорганичность, антиисторизм научного мышления проявляется в том, что оно само себя считает абсолютной вершиной и эталоном всех предшествующих эпох. Возникает идея исторического прогресса как накопления определенных элементов знания и культуры, приведшего к этой вершине, и по наличию этих «прогрессивных» элементов судят о той или иной культуре, том или другом исследователе. Эти элементы, отобранные по принципу похожести на современные представления, считаются истинными и обеспечивающими вышеназванный прогресс, а всё, что им противоречит, это – ошибки и заблуждения, его тормозящие. (Эти ограниченные взгляды, характеризующие «научное

сообщество», не относятся, однако, к крупнейшим творцам самой науки.)

Несостоятельность идеи «линейного» исторического прогресса

С точки зрения логики органических систем каждая культура есть относительно автономное целое, и эта целостность определяет положение и роль тех или других ее элементов. Если к тому же учесть качественное своеобразие каждой культуры, то становится ясной несостоятельность идеи «линейного» исторического прогресса. Например, современному ученому кажется несомненным превосходство его способа объяснения явлений через причину (ответ на вопрос «почему?») или структуру (где «почему?» снято в «как?») перед средневековым объяснением через цель (ответ на вопрос «для чего?»). Однако если причинно-структурное объяснение «работает» в области вещных отношений и в современных условиях машинной цивилизации, где эти отношения господствуют, кажется естественным, выражающим всеобщую природу универсума и мышления, то в области изучения человека, его психики и деятельности оно обнаруживает свою ограниченность и неспособность выразить суть дела, поскольку ведущим здесь оказывается отношение цели (и, следовательно, «для чего?» детерминирует собой «почему?»). И ответ на вопрос, какой из этих способов мышления «прогрессивнее», становится сложным, требующим обсуждения всеобщих критериев человеческого развития, а в рамках просветительского прогрессизма обессмысливается и сам вопрос.

Антиисторическое мышление неспособно понять мир других культур

Антиисторизм мышления связан с неспособностью понять историческую ограниченность самого себя как целого (и соответствующего мировоззрения) и (что является обратной стороной той же медали) такой же неспособностью признать истинное (хотя тоже исторически ограниченное) содержание в отличающихся от него или противоположных ему формах мысли и понимания мира других культур.

Для исторического мышления история есть форма разворачивания, проявления сущности человека

Для исторического мышления история есть форма разворачивания, проявления сущности человека и потому сама «историческая работа» тех или других форм культуры есть свидетельство их истинности, их участия в генезисе истины как незавершающегося бесконечного процесса, выявляющего себя во всем многообразии исторических конечных форм.

Поэтому, во-первых, человечество никогда не занималось в течение исторических периодов времени чепухой, чем-то, не имеющим отношения к объективной практической действительности своего бытия. Напри-

мер, тот факт, что христианство в средневековой Европе в течение более полутора тысячелетий было определяющей культурной силой, свидетельствует о его истинности в указанном выше диалектическом смысле. Во-вторых, поскольку каждая из этих исторических форм есть особенная реализация единой всеобщей родовой сущности человека, теоретико-философский их анализ (который есть выявление всеобщего), «снимая» их особенность, должен обнаружить их конвергенцию в области всеобщего и сам быть формой этой конвергенции. В содержательной диалектической логике такая конвергенция, по-видимому, может служить одним из критериев истинности, направляющим по принципу обратной связи сам ход философского рассуждения. Само же рассуждение в этом случае будет прохождением упомянутых выше «ворот», ведущих к пониманию сущности человека как целостного разумного существа. Такое понимание, в свою очередь, может служить отправной общетеоретической базой психологической работы.

Мышление психолога должно быть трансцендирующим

Историзм мышления также необходим психологу, чтобы критически проанализировать тот способ мышления, который служит ему инструментом исследования человека, его психического мира. Если человек – существо трансцендирующее, то трансцендирующим (причем в осознанной теоретической форме) должно быть и мышление психолога, иначе средство исследования будет неадекватно его предмету. Это трансцендирование возможно при осмыслении своего способа мышления как определенной, подлежащей снятию формы в ряду других исторических форм. Только в этом случае можно избежать возведения собственной ограниченности в единственно истинный, непогрешимый образец, заставляющий отвергать априори всё, что не согласуется с его канонами, в том числе эмпирический и теоретический материал исторического опыта тысячелетий. Не вредно и помнить, что утверждение невозможности реального существования тех или иных феноменов, априори исходящее из некоторой теоретической позиции (свойственное, в частности, некоторым «материалистам» и «атеистам»), приводит к тому, что простая демонстрация соответствующего феномена должна рассматриваться как опровержение этой позиции (по простой логике: «Из Вашей позиции вытекает, что данного феномена быть не может. Но он есть. Значит, Ваша позиция неверна»).

2.3. Психология и картина мира

Разумность должна быть признана всеобщей сущностной характеристикой природы

Изложенные в тезисах соображения о логике органических систем приводят к невозможности мыслить Вселенную, природу как внешне предстоящую человеку, только как объект. Разумность должна быть признана всеобщей сущностной характеристикой природы. Именно поэтому самосознание разумных существ, и в частности человека, есть форма, в которой природа существует не только «в себе», но и «для себя» (то есть тем самым и для воплощающего в себе её всеобщность человека), воспроизводит себя в своей всеобщности и целостности, и существование подобных форм на разных ступенях «космической иерархии», по-видимому, необходимо для существования самой «иерархии» как гармонической целостности. Для себя самих, в своей относительной автономности эти центры всеобщей рефлексии выступают как личностные «я». Углубление в себя, рефлексия сопровождаются выходом вовне за пределы конечных ситуаций наличного бытия, трансцендированием, а самопознание личностного «я» как целого есть познание Вселенной со стороны ее всеобщих характеристик. Можно сказать: «Сумей вглядеться в себя и увидишь Вселенную», что советовали уже философы античности.

Связь между познанием человека и космоса

Теснейшая связь познания человека и космоса была известна в течение тысячелетий, были известны психические состояния, когда эта связь непосредственно эмпирически переживалась, и различные методы практического достижения подобных состояний. В религиозных и философских системах, в системах воспитания разрабатывались соответствующие представления о космосе и психологические учения (например, из этого исходят глубоко разработанные психологические представления буддизма). Невозможность мыслить о человеке как о целом вне определенной картины мира была ясна для многих философов и ученых, в том числе психологов [8]. Человек как целое, как «микрокосм» может быть понят только в соотношении с миром как целым, как «макрокосмом».

Психология должна исходить из картины мира как целого

Если психология хочет исходить из человека, личности, психики как некоторого целого (а с точки зрения логики органической системы иного пути здесь нет), она должна необходимо исходить также из некоторой картины мира как целого. Картина физического космоса для этого не пригодна в силу ее неорганичности, нецелостности. Представление о космосе биологическом

также не может быть использовано, поскольку «биологическое», обладая относительной автономностью и целостностью «в себе», по отношению к «человеческому» есть лишь часть, сторона этого последнего. Принять за исходное «биокосмос» значит принять редукцию «психического» к «биологическому» и «физиологическому», т. е. вернуться в тот самый тупик, из которого психология пытается выйти. Единственной возможностью, адекватной поставленной задаче, является, таким образом, принятие «психокосмоса».

К идее «психокосмоса» человек обращался с момента своего возникновения как рефлектирующего существа

К идее «психокосмоса» человек обращался, по-видимому, с момента своего возникновения как сознательного, то есть рефлектирующего существа. Характерно, что все известные в истории, достаточно разработанные представления подобного рода в своих существенных всеобщих моментах сходны, то есть обнаруживают упомянутую выше конвергенцию и «некритичность к началу», то есть относительную независимость от исторических, культурных и других конечных особенностей «ворот», которые были использованы как средство выхода к всеобщему. В данном рассуждении в качестве таких «ворот» используются некоторые идеи диалектики, относящиеся к пониманию органических систем.

Субстанция разума как всеобщая основа космоса

Следует предположить существование субстанции (в тезисах она была названа «управляющей субстанцией-энергией», ибо энергия и субстанция не могут быть здесь разделены), обладающей разумностью, или субстанции разума как всеобщей (в смысле чистой потенциальности, способности стать чем угодно, принять любую определенность) основы космоса. В своей экстенсивной форме она заполняет все пространство (а может быть, есть само пространство). Ее интенсивность и выявленность (проявляющаяся, в частности, в организованности, гармонии) тем выше, чем выше порядок органической системы. Эволюция как целое (если не следовать креационизму, что само по себе является сложным философским вопросом) идет в направлении повышения этого порядка, то есть возрастания разумности.

Субстанция-энергия обладает личностным самосознанием

Предполагая иерархию космических систем бесконечной, приходится принять существование «области» (или «точки»; и то и другое в кавычках, так как здесь невозможно предположить ни пространственную, ни временну́ю ограниченность), где эта субстанция-энергия, достигая бесконечной интенсивности, оказывается несущей в себе весь бесконечный мир и тем самым обращенной на себя, то есть обладающей личностным самосознанием. Повышение ее интенсив-

ности в отдельных ограниченных областях пространства приводит к развитию живых систем – форпостов организованности и эволюции. Когда ее интенсивность в живом существе достигает определенного предела, начинается ее сворачивание в точку, бесконечный «коллапс» (нечто подобное предполагает современная астрономия относительно поведения вещества и энергии в областях, называемых «черными дырами»). Это и есть *вспышка рефлексии во всеобщей форме,* начало самосознания, начало эволюции разумного существа как личности. Рефлексия необходимо сопровождается трансцендированием – выходом за пределы любых ограниченных форм, в том числе и своих собственных. Процесс, в принципе, ничем не ограничен, и личностное «я» оказывается потенциально бесконечным и интенсивно и экстенсивно вступающим в эквивалентное отношение с миром.

Человек как личность становится центром разумной эволюции

Человек как разворачивающаяся (в связанных между собой родовой и индивидуальной формах) личность становится центром разумной эволюции, расширяющейся области природы и одновременно бесконечной мощности трансформатором «управляющей субстанции-энергии». Его физическое тело оказывается инструментом его действия в физическом мире, а психика, обладая центром в «я», создает «поля», как пространственноопределенные, так и безграничные, протягивая свои «щупальца» на всю космическую иерархию органических систем.

Отсюда ясно, что физиологический механизм зрения (с изображением на сетчатке, импульсами, проходящими по зрительному нерву, и т. д.) есть всего лишь вспомогательный механизм, созданный зрением как таковым, как психической функцией для выполнения какой-то частной, специфической задачи. То же самое можно сказать о слухе. И также свет как таковой, свет вообще, не сводится к электромагнитным колебаниям, изучаемым физикой, а звук – к упругим волнам в физической среде. В своей сущности свет и звук есть частичные проявления субстанции-энергии, а свет и звук физики – их проекции в план «физического» космоса. Поэтому в принципе возможно, например, зрение без помощи упомянутого физиологического механизма и вне пределов, предписываемых геометрической оптикой. Это было известно в течение тысяч лет из многочисленных источников. В статье Г. Путхоффа и Р. Тарга описываются современные эксперименты по восприятию объектов, находящихся на расстоянии до четырех

тысяч километров от перципиента. Авторы приходят к выводу, важному для понимания человека как универсального существа: «Собранные нами данные, таким образом, говорят о том, что способность человека к дистанционной перцепции может быть доведена до уровня передачи полезной информации, причем это касается не только специально отобранных лиц, но и всех людей вообще» [9, с. 35].

В человеке есть что-то, что выводит его за пределы ограниченной ситуации его наличного бытия

То, что человек находит внутри своей психики нечто, что выводит его за пределы ограниченной ситуации его наличного бытия, отмечалось в философии и психологии. Вот как, например, пишет об этом С. Л. Рубинштейн: «Значит, в человеке, включенном в ситуацию, есть что-то, что выводит его за пределы ситуации, в которую он включен. Ситуация – это лишь один из компонентов, детерминирующих его действия. Всякая ситуация по самому существу своему проблемна. Отсюда – постоянный выход человека за пределы ситуации, и сама ситуация есть становление. Становление или становящееся соотнесено с тем внутренним в человеке, что, в свою очередь, соотносится с чем-то внешним по отношению к ситуации, выходящим и выводящим за ее пределы; это внешнее по отношению к ситуации связано с внутренним по отношению к человеку» [8, с. 338].

«Я» индивида организует свое психическое «пространство»

С точки зрения иерархии органических систем «я» индивида, обладая относительной самостоятельностью, организует свое психическое «пространство». Это выражается в субстанционально-энергетических полях и силах, выражающих его психические состояния, пространственно выходящих за пределы его физического тела и взаимодействующих с индивидуальными и общими полями других индивидов и органических систем различных порядков. Собственные поля индивида образуют вокруг него нечто вроде оболочек, видимых некоторыми людьми и получивших название «ауры». В зависимости от психического развития индивида, его эмоционального и ментального состояния его аура может быть «настроена» в резонанс с определенными видами и формами притекающей извне энергии и информации и быть «непрозрачной» для других. Также и излучать энергию она может избирательно. Следовательно, «я» может в принципе управлять психическим полем вокруг себя (если обладает соответствующим опытом и знанием).

Органическая система может выполнять приказ системы более высокого порядка

Упомянутое в тезисах «интегральное управление» состоит в том, что, будучи относительно автономной, органическая система может выполнять приказ систе-

мы более высокого порядка таким образом, что в содержание приказа может не входить указание способа его осуществления внутри системы, его выполняющей. Например, желая идти, человек не обязан думать о том, какие связки и мышцы, с какой силой и последовательностью должны работать. Система ходьбы автономна, и потому достаточно общего приказа в форме сознательного волевого усилия, бессознательного побуждения и т. п. Но то же самое человек может делать по отношению к системам, находящимся вне его тела и доступности для непосредственного физического воздействия. Психика, будучи «одноприродной» с управляющей субстанцией-энергией, может в той или другой степени участвовать в управлении.

Можно управлять психическими полями с помощью определенного эмоционального настроя и направленности мыслей

«Я» может управлять психическими полями и силами с помощью определенного эмоционального настроя психики и направленности мыслей. Эти силы могут складываться, могут друг другу мешать и т. д. Можно представить себе, что каждая эмоция и каждая мысль создают в соответствующих полях образования, которые могут существовать самостоятельно. Вспомнить мысль – значит «настроить» свою психику на созданное ранее подобное образование. Некоторые люди спонтанно, а другие после специальной подготовки и тренировки могут «настраиваться» не только на образования, созданные ими самими, но также и созданные другими людьми. Это – телепатия. Человек в сильнейшем психическом стрессе идет в храм, молится, получает облегчение. Очевидно, молитва есть один из способов настройки психики на гармонизующую и управляющую энергию (она же субстанция). Иногда его ощущения настолько сильны, что он непосредственно ощущает это воздействие как льющийся на него поток покоя, мира и радости и говорит, что на него «снизошла благодать».

Сильная и продолжительная мысль может создавать во внешнем психическом поле образование такой энергии, что она, вступая в положительную обратную связь с источником мысли, может приводить к возникновению устойчивого комплекса, который трудно разрушить и который может стать причиной психических расстройств (навязчивые мысли и идеи). Впрочем, все это давно известно, было изучено и практически использовалось.

Психические феномены, выходящие за объяснительные рамки научного мышления, не должны игнорироваться психологией

Громадный исторический, этнографический, эмпирический и другой материал, описывающий психические феномены, весьма интересен хотя бы потому, что, по-видимому, позволит (если использовать некоторые теоретико-философские предпосылки) выявить некото-

рые характеризующие человека и мир инварианты, по отношению к которым открываемые наукой «законы природы» (которые на самом деле есть инварианты «вещной проекции» природы) будут частным, предельным случаем и в то же время исходящим из противоположных оснований. Этот материал не может игнорироваться психологией.

Психическую атмосферу создают не только индивиды, но также коллективы, общества и культурно-исторические эпохи

Определенную психическую атмосферу создают не только индивиды, но также коллективы, общества и культурно-исторические эпохи. Например, в европейском средневековье настроенность психики, связанная с направленностью мышления и эмоций на потусторонний, сверхфизический мир, ожидание чуда создавали духовно-психическую атмосферу, благоприятную для восприятия соответствующих психоэнергетических влияний и проявления ожидаемых «чудес». И это было *объективной* характеристикой мира средневековья. Поэтому можно предположить, что многие явления и события из тех, которые описываются в средневековой литературе и считаются «трезвым рассудком» нашей эпохи созданиями невежественной фантазии и ложно направленного воображения, происходили объективно, а ложная направленность ума скорее характеризует «трезвый рассудок» нашего времени, погрязший в вещном отчуждении. Ощущение психической связи человека с миром и людей друг с другом было гораздо более сильным, чем сейчас, в условиях глубокого вещного отчуждения.

Научная картина мира и неорганическая логика научного мышления мешают исследовать человека

Современная научно-техническая цивилизация с ее вещным отчуждением индивидов друг от друга, от своей родовой сущности, с мышлением, направленным на мир вещей, сводящим «высшее» к «низшему», объективно создает психическую атмосферу, неблагоприятную для проявления высших психических сил и энергий, что является одной из причин объективных и субъективных трудностей исследования этой области. И здесь историческое мышление и соответствующая логика (логика органических систем), по-видимому, могут помочь исследователю не только в отрицательном смысле – преодоления узости и ограничений собственного мышления, но и в положительном, предлагая некоторые возможные формы мышления о мире и человеке.

Все это приводит к представлению о мире, коренным образом отличающемуся от принятого до сих пор в науке. Ситуация в настоящее время, по-видимому, такова, что связанность (осознанная или неосознанная) между существующей научной картиной мира и соот-

ветствующей неорганической логикой научного мышления мешает исследовательской работе в областях знания, где нельзя пренебречь органическим характером связей и трансцендированием.

Представлеиие о мире как органической системе связаио с изменением миогих традиционных представлений

Представление о мире как органической системе связано с изменением многих существующих представлений, в том числе таких, как представления о пространстве и времени, мышлении, развитии, эволюции, истории и т. п. Поскольку подавляющее число работ по истории культуры, например по истории философии, и все соответствующие курсы и учебники, составляющие основу современного европейского образования, написаны в течение последних 300–400 лет, то есть в эпоху, когда «вещное» сознание и его систематизированная форма – научное мышление – были господствующими, эти работы неизбежно несут на себе его особенности и ограниченность, в том числе и в отборе материала, включенного в «культурный обиход». За пределами этого «обихода» остаются имеющие большое значение для понимания человека знания, сведения и способности, отброшенные (а затем и во многом забытые и даже физиологически и психически утерянные) по причине их несоответствия канонам господствующего «вещного» мышления. Так же точно можно думать, что под тысячелетними наслоениями средневековой европейской культуры погребены знания, не соответствовавшие идеологии христианской церкви. Эпоха Возрождения возродила только ту их часть, которая могла войти в понимание мира, идущее на смену средневековому, но также исторически ограниченное.

Представления о мире как оргаиической системе были развиты в некоторых культурах древности

Некоторые, если можно так сказать, «параметры» представления о мире как органической системе, изложенные в данной статье, не представляют собой чего-то совершенно нового. Подобные взгляды с включением соответствующих понятий о пространстве, времени, бесконечности и так далее были развиты уже в некоторых культурах древности (например, в некоторых направлениях древнеиндийской философии). Относительно новым здесь является только использование, как уже говорилось выше, в качестве «ворот» понимания диалектики эволюции органических систем. Это создает определенный аспект видения действительности. По-новому выглядят некоторые проблемы, в других открываются какие-то новые стороны.

Переход к органическому мышлеиию и производству

С представленной в статье позиции выход можно, по-видимому, искать в переходе к органическому мышлению и производству (если таковое в принципе воз-

можно и нужно). Как это может выглядеть? Потребует ли это развития человеком утраченных им «парапсихических» способностей? Эти и множество других вопросов остаются открытыми. По-видимому, коренным образом должно измениться, прежде всего, самосознание, а затем и бытие людей, включая их сознание и психику в целом как существенные *объективные моменты самого бытия*. Нравственность и такие, например, ее категории, как «добро» и «зло», будут поняты как объективные силы, в значительной степени определяющие характер бытия и влияющие на ход эволюции.

Всеобщность и безмерность цели – понять человека как целое

Предложенный в статье ход размышления является лишь одним из возможных, различных по исходным основаниям, но конвергирующих в своем развитии к всеобщему. Различными основания могут быть потому, что различным может быть видение действительности, общность же направления задана общностью цели – понять человека как целое, всеобщностью и безмерностью этой цели. Картина мира, которая должна будет складываться на этом пути, конечно, столь же мало будет абсолютной и окончательной, хотя и более глубокой и конкретной, чем существующая до сих пор в науке. Она, видимо, должна быть в каких-то общих чертах близкой картинам, создававшимся в условиях некоторых культур, не испытавших в развитой форме вещного отчуждения человека и сохранивших непосредственное восприятие органичности бытия и человека как несущего эту органичность в себе.

Предложенный здесь способ понимания человека и мира включает в себя и понимание ограниченности этого способа и получающейся картины мира, а потому предусматривает их снятие в результате критической рефлексии, трансцендирование за их пределы. Осознание необходимости построения этой картины мира и ее ограниченности уже в момент ее возникновения создает открытость мышления, готовность принимать новое и изменяться самому, непривязанность мышления к конечным формам.

Июнь, 1977 г.

---

1. *Арсеньев А.С.* Диалектическая логика как открытая система // Сб. статей: Проблемы диалектической логики. – Алма-Ата. – 1968. – С. 131–136.

2. *Арсеньев А.С.* Философские основания понимания личности. – М., 2001.

3. *Арсеньев А.С., Библер В.С., Кедров Б.М.* Анализ развивающегося понятия. – М., 1967.

4. *Арсеньев А.С.* Наука и человек (философский аспект) // Сб. статей: Наука и нравственность. – М., 1971. – С. 114–158.

5. *A. Arsenyev.* The relationship between science and morality // Science and Morality. – Progress publishers. – M., 1975. – P. 130–187.

6. *Шрейдер Ю.А.* Системные исследования. – М., 1975.

7. *Пресман А.С.* Идеи В.И. Вернадского в современной биологии. – М., 1976.

8. *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир // Проблемы общей психологии. – 2-е изд. – М., 1976. – С. 253–381.

9. *Путхофф Г., Тарг Р.* Перцептивный канал передачи информации на дальние расстояния. История вопроса и последние исследования // ТИИЭР. – 1976. – Т. 64. – № 3. – С. 25–37.





Личность в контексте культуры

Анатолий Арсеньев

ПОДРОСТОК ГЛАЗАМИ ФИЛОСОФА ФИЛОСОФСКИЙ ОЧЕРК

Аннотация. Описываются философские представления о природе взросления, о трудностях и опасностях, через которые проходит подросток в своем личностном развитии. Рассматриваются основные этапы отрочества и юности, их характерные новообразования. Предлагается ряд художественных образов, которые отражают мирочувствие подростка.

***Ключевые слова:** личность, подросток, обособление, подростковая рефлексия, рассудочная логика, разумная рефлексия, метафизическая интоксикация, подфаза юности, отношения «Я–Ты», «Человек–Мир», социализация.*

***Abstract**. Philosophical notions about the nature of growing up, hardships and dangers through which adolescent passes in his personal development are described. Main stages of adolescence and youth their specific newformations are examined. A number of artistic images reflecting world feeling of adolescent are proposed.*

***Keywords:** personality, adolescent, isolation, adolescent reflection, rational logic, reasonable reflection, metaphysical intoxication, stage of youth, "Me–You" relationships, "Man–World" relationships, socialization.*

Введенне

В условиях современной цивилизации развитие личности стало сложной проблемой, поскольку основные параметры этой цивилизации (включая социальные отношения), определяющие ее так называемый «прогресс», носят обостренно антиличностный характер. Ничего особенно нового в этом нет: личность всегда находилась и должна находиться в сложных, большей

частью антагонистических отношениях с социальностью. Для философии это – прописная истина. Это признает и современная гуманистическая психология. Просто эта цивилизация приобретает все более формально-вещный характер, что является одной из причин ее кризиса и приближения к концу, а личность противостоит вещности как ее противоположность. «Два предела мысли и практики (поступка) или два типа отношения (вещь и личность)... Процесс овеществления и процесс персонализации» [1, с. 370].

Наука исследует частичного человека

В силу того что наука представляет собой форму знания именно о вещной стороне Мира, Человек как *Целое, как Личность* находится за пределами понимания и возможностей исследования науки (в том числе и научной психологии). Во власти научной психологии лишь *частичное исследование частичного человека*. Мои попытки привлечь внимание психологов к этой ситуации, в частности в докладе «Историзм и психология», в работе «Мышление психолога и проблема личности» [2, с. 193–210]., а также в других работах, пока не увенчались успехом.

Занятия научной психологией и личность психолога

Между тем ситуация такова, что занятия научной психологией губительно сказываются на психике самих психологов. Обеспокоенность этим обстоятельством, мне кажется, хорошо выражена в статье А. Айламазьян и В. Розина: «...психология познает... абстрагируясь от эмоций, отвлекаясь от человека... Само психологическое знание, сама психологическая деятельность, все наши рассуждения и размышления в этой области не нейтральны для нашего собственного бытия, сознания. Мы разрушаем себя. Я наблюдаю за эволюцией студентов с первого по пятый курс... что же они узнают: оказывается, нет просто человека с его проблемами, нет души и ее переживаний; зато есть интроспекция, апперцепция, интериоризация, мотивация и прочие психологические структуры и процессы. Оказывается, нет вечных вопросов человечества, но есть ценности, установки, личностные смыслы... И вообще живых людей нигде нет, проблем, которые волнуют каждого человека, нет, зато есть психические структуры, субъекты, объекты, реципиенты и т. д. <...> Зачем вникать в сущность и тайну каждого человека, зачем постигать его личность, историю и переживания – ведь можно разложить его на отдельные структуры и моменты, научно познать их, ну а затем всему найти свое место... Кажется все здорово, но со стороны видно, что подобное психологическое образование и наука способствуют формированию в

самом психологе странной личности – амбивалентной, невротической, с искаженным пониманием обыденных проблем человека» [3, с. 15–21].

Неспособность научной психологии понять личность

Неспособность научной психологии понять личность особенно пагубна, когда дело касается подросткового возраста. Во-первых, потому, что это возраст активного качественного перехода от детского состояния к взрослому, со сложнейшими противоречивыми внутренними процессами преобразования всей личности (от физиологии до высших форм самоосознания себя и своих взаимоотношений с Миром). Во-вторых, в этом возрасте наиболее остро проявляется указанный выше антагонизм личности и социальности. Возникающие молодежные группы, организации, движения самых разнообразных направлений, преследующие различные цели и с различной мотивацией в основе, как правило, настолько не соответствуют принятым в том или другом современном социуме порядкам, вызывают такую тревогу у добропорядочных обывателей и даже структур власти, что получили название «молодежная контркультура».

Традиционная цель – социализировать подростка

Естественно, это привлекает пристальное внимание психологов, социологов, педагогов. Возникла и продолжает быстро пополняться соответствующая литература. При всем разнообразии предлагаемых в этой литературе подходов, способов взаимодействия с подростковыми группами, методов семейного, школьного и общественного воспитания подростков все эти подходы, способы и методы в подавляющем большинстве ставят одну и ту же цель – «социализировать» подростка, включить его в «нормальный» мир взрослых, сделать исправно функционирующим членом социума, «полезным членом общества». «Научная» психология по мере сил старается внести свой вклад в решение этой задачи, проводя эксперименты обследования, наблюдения, разрабатывая соответствующие методики и предлагая свои рекомендации воспитателям.

Между тем именно эта общая тенденция «социализации» подростка как формы его включения в общественную жизнь кажется мне разрушительной для его личности. Причем именно «научность» современной психологии приводит ее к поддержке этой вредной тенденции (о вредности ее будет сказано ниже). Я думаю, что основанием психологии, занимающейся личностью, вообще не могут быть наука и научное мышление. Не могут именно в силу их ориентации на вещную сторону мира и соответствующую логику. Таким основанием может быть фило-

софия. Причем философия, не порывающая со своим собственным основанием, а таковым я считаю первичное религиозное отношение «Человек–Мир».

Личиость бескоиечио шире иаличиой социальиой и культурной действительиости

Нельзя понять личность исходя из рассмотрения наличного эмпирического социокультурного бытия современной западной цивилизации, ибо личность бесконечно шире этой наличной социальной и культурной действительности. Наоборот, сама эта действительность должна быть рассмотрена как определенная переходящая фаза филогенеза личности, определенным образом связанная с ее онтогенезом, где ведущим оказывается в конечном счете онтогенез. Пытаясь исследовать личность в рамках наличного бытия, внеисторически, психология фактически имеет дело не с личностью, а с членом того или другого социума, культуры, этноса и т.п., то есть не с самостоятельным «целым в себе», а с частью чего-то другого.

Между тем *личность как высшая ценность, представление о которой сложилось в христианстве как об индивиде, обладающем бесконечной внутренней свободой и такой же бесконечной взятой на себя нравственной ответственностью,* не может быть частью чего бы то ни было, но лишь бесконечным универсальным Целым, эквивалентным Миру как таковому. Исторический подход к вопросу позволяет увидеть исторические истоки этого представления в христианстве, но и он ограничен, ибо не может справиться с парадоксальностью как самого христианства, так и личности. Кроме того, он остается в рамках конечных исторических феноменов и сам по себе не выходит в область бесконечного.

Идеи о предназначении Человека

В последнее время, в связи с глобальным кризисом западной цивилизации, многие умы обратились к восточной философской мысли и под ее влиянием стали возникать различные идеи космической роли, судьбы и предназначения Человека. Например, в современной космологии это различные варианты так называемого «антропного принципа». Стали популярными представления о человеке как «микрокосмосе», вспомнили ионийскую философию, стоиков и т.п. Записывают в «космисты» многих мыслителей прошлого. Однако здесь, мне кажется, выхода к личности нет. Во-первых, потому что Человек не только «микрокосмос», но еще и «микротеос», а во-вторых, потому, что мышление тех, кто об этом говорит, остается в рамках науки и соответствующей материалистической логики вещных отношений.

1. Психология и философия сегодня

Отделение психологии от философии

Как известно, более 100 лет назад происходило отделение психологии от философии и ее становление как самостоятельной экспериментальной науки, образцом которой служило и, к сожалению большинства психологов, продолжает служить «точное естествознание». В этом процессе психология приобрела возможность исследовать отдельные стороны психики, ставить соответствующие эксперименты, вводить количественные оценки, математическую обработку результатов, набирать статистический материал и т.п.

Раздробление предмета психологии

Но этот же аналитический подход привел к раздроблению самого предмета психологии. Появилось множество различных «психологий»: психология восприятия, психология мышления, психология эмоций, психология обучения, инженерная психология и т.д. Была утеряна целостность. Уже невозможно стало говорить о психике человека как целого, и, хотя в список психологий включалась «психология личности», было утрачено само понимание того, что такое личность, что является предметом или областью исследования этой пресловутой «психологии личности». Появилось множество различных определений личности и громадное число методик ее исследования. Предпринимались и попытки «целостного» исследования. Однако при этом сама логика научного мышления вела к анализу целого, его расчленению на возможные элементы или «единицы анализа», из коих потом предполагалось теоретически воссоздать целое. Та же логика требовала предположения о некоторых структурах, ответственных за те или другие психические функции, и о механизмах их действия. Появился соответствующий термин «психологические механизмы». Это направление психологии, в конце концов, вынуждено искать свое основание в психофизиологии, затем физиологии, затем, естественно, в биохимических науках и т. д., теряя предмет собственно психологии как таковой.

Другое направление ограничивается установлением отношений и корреляций между внешними, эмпирически регистрируемыми проявлениями психической деятельности в поведении, зачастую сводя их к отношению «стимул–реакция» и на этом внешнем уровне также пытаясь установить своего рода «механизмы».

Личность не конструируется из частей

Поскольку личность проявляет себя во всем многообразии жизни, возникает идея, что проблема личности – комплексная проблема, и вот, когда психология, фило-

софия, история, социология каждая исследует «свою» сторону или «кусок» личности, тогда наконец можно будет приступить к синтезу этих кусков, результатом которого и явится долгожданная теория личности.

Но в любой развивающейся органической системе началом является целое, и потому она неаддитивна, не складывается, не конструируется из частей. И поэтому, глядя на этих психологов, хочется сказать «вчуже труждаются люди сии». И хотя нельзя отрицать достижений «научной» психологии, касающихся собирания большой массы фактического материала и отдельных разработок, облегчающих индивиду усвоение знаний и адаптацию к нечеловеческим условиям современной цивилизации, методы этой адаптации зачастую направлены против его личностного развития и адаптация покупается дорогой ценой.

Главная потеря психологии

Но, пожалуй, главное, что утеряла психология, отделившись от философии, это, во-первых, понимание человека как парадоксального, противоречивого, бесконечно-конечного существа; во-вторых, понимание органической универсальной связи Человека с Миром как целым.

Парадоксальность, бесконечно-конечность есть необходимое условие, источник энергии формирования Человека на протяжении всего антропогенеза, включая филогенез и онтогенез личности. А без связи с Миром как целым не может развиваться личностное «Я». Коротко говоря, психология утратила самое главное, что необходимо для понимания психики, то, что должно быть положено как начало любого размышления о Человеке, служить исходным пунктом – бесконечность отношения «Человек–Мир».

Понимание Человека и Личности не может быть получено без обращения к философии

Интеллектуальная «игра» с бесконечностью во всех ее формах и проявлениях – область философии. Основание целостности Человека и Личности, да и само понимание, что такое Человек (в пределах, доступных человеческому разуму), лежит именно в этой области. Поэтому естественный фундамент психологии находится в философии. Между тем, большинство современных психологов (за исключением небольшого числа таких, например, как С.Л. Рубинштейн, Э. Фромм или В. Франкл) знают о философии понаслышке или по примитивным учебникам и курсам, которые годны лишь для того, чтобы сдать соответствующие экзамены, продемонстрировав никому не нужные знания. Это приводит часто к тому, что для теоретической респектабельности психолог хочет, чтобы философия подвела «тео-

ретическую базу» под то, что он уже открыл и обозначил в своих «научно-психологических» понятиях. Он готов принять такую философию, которая скрепит авторитетом философских имен, теорий и категорий его наукообразные построения, а иногда даже он, чувствуя свою теоретическую беспомощность, испытывает нужду в таком «философском оправдании» и «подкреплении» задним числом того, к чему он пришел до и независимо от всякой философии.

Но поскольку в органической системе началом является целое, а в случае человека парадоксальное бесконечное целое, которое не может быть получено или выведено из чего-то положительно определенного, конечного, человек как личность остается за пределами современной научной психологии (и за пределами научного мышления как такового). Поэтому же современная психология очень мало заслуживает названия «научной», она скорее наукообразна, то есть стремится без особого успеха подражать точным наукам, теряя при этом свой предмет.

Таким образом, понимание Человека и Личности как бесконечно-конечного парадоксального существа, которое должно быть основанием психологии и в соответствии с которым только и могут строиться все психологические интерпретации и теории, само не может быть получено в психологии без обращения к философии.

Кризис современной философии и психологии

По моему (и не только моему) представлению, современная философия, как и психология (впрочем, как и вся современная цивилизация), переживает глубокий кризис. Она в значительной степени перестала быть любовью к мудрости и вырождается в своеобразную технологию мышления и конструирования понятий, понятийных систем и даже языковых конструкций. Ей тоже хочется быть научной, и даже, когда и не хочется, она все же в большинстве случаев остается в рамках логики новоевропейского рационализма и науки, в основании которой лежит субъект-объектное отношение, то есть вырожденная форма отношения «Человек–Мир».

Так же как психология оторвалась от философии как своего основания, философия оторвалась от своего основания – первичного религиозного отношения «Человек–Мир» (в первичной непосредственной форме представленного как «Я» – бесконечное божественное «Ты»). И произошло это в процессе секуляризации и десакрализации новоевропейского сознания и жизни.

2. О философии

Что означает заголовок философского очерка

После вышеизложенного «обнадеживающего» размышления о психологии и философии читатель вправе спросить, что означает заголовок очерка и что за «глаза» я имел в виду, когда писал «Подросток глазами философа». Должен признаться, что в краткой форме ответить на такой вопрос очень нелегко, и я заранее прошу у читателя извинения за возможную неполноту ответа. Попробую начать с истории появления этого заголовка.

В 1964–1968 гг. мне довелось пережить переворот в моем отношении к Миру, который был связан, в частности, с новым для меня пониманием философии, ее предмета, цели, ее роли в самоопределении Человека в Мире (коротко переворот этот описан мной в статье «Размышления о работе С. Л. Рубинштейна «Человек и мир») [4]. В центре внимания оказалось переосмысление представлений об антропогенезе, истории, онто- и филогенезе личности и т. д.

В 1989 году на съезде Общества психологов я выступил с докладом «Подросток глазами философа». Основные идеи доклада с дополнениями и разъяснениями составляют содержание настоящего текста. Нужно сказать, что большинство присутствующих на докладе психологов отнеслось к нему, мягко говоря, отрицательно, чего и следовало ожидать, поскольку собирало обильный урожай с идеи социализации подростка, против которой и был направлен доклад.

Кратко остановлюсь на некоторых основных философских идеях, лежащих в основе доклада, что позволит понять, почему в заголовке представленного очерка речь идет о «глазах философа».

Начало антропогенеза

Началом антропогенеза является вспышка *рефлексии – трансцендирования* во всеобщей форме, возникшая в сознании нашего животного предка и приведшая к возникновению *отношения «Я–Ты»*, а при следующем шаге рефлексии к *отношению «Человек–Мир»* как двух бесконечных целых. Это и определило всю дальнейшую, уже не биологическую эволюцию человека, включая его морфологию. Эта эволюция проходила различные фазы в зависимости от доминирования рефлексии или трансцендирования. В бесконечно многообразных взаимодействиях Человека и Мира возникали ритмы различной частоты: фазы различного характера и длительности интерферировали, создавая картину практически бесконечной сложности. Однако всегда

существовала иерархическая упорядоченность, не позволяющая процессу рассыпаться в хаос.

Два поля бесконечности

При этом все развитие оказывалось определенным двумя полюсами бесконечности: *бесконечностью потенциальной*, разворачивающейся как процесс «снятия» во времени каждой предыдущей конечной воплощенной формы формой последующей (представляющей, в определенном отношении, противоположную фазу развития); и *бесконечностью актуальной*, в области которой все, что в будущем может быть достигнуто в мире воплощения, уже существует, в том числе «проекты» форм, могущих воплотиться. Таким образом, настоящее оказывается результатом взаимодействия прошлого, наследием которого являются наличные готовые формы бытия, и будущего, несущего вышеупомянутые «проекты». Здесь возникает сложнейшая проблема свободы и «предназначения» Человека в Мире.

Для того чтобы быть личностью, человеку необходима связь с актуальной бесконечностью

Не касаясь проблемы свободы и «предназначения», отмечу лишь, что актуальная бесконечность – это «область» (если бесконечность можно назвать областью) вне времени и пространства, связь с которой необходима Человеку для того, чтобы быть самим собой, то есть в конечном счете личностью, которая именно в этом случае может быть представлена как индивид, обладающий бесконечной свободой и бесконечной индивидуальной, ни с кем не разделенной (нравственной) ответственностью. Когда непосредственность этой связи начинает разрушаться (с начала Неолита), возникает необходимость в специальных средствах, обеспечивающих эту связь, появляются различные исторические формы религий.

Вырождение отношения «Человек–Мир» в отношение «Субъект–Объект»

Наше время – конец фазы Неолита – характеризуется практически закончившимся вырождением отношения «Человек–Мир» в отношение «Субъект–Объект». Последнее находит свое завершение в господстве вещности, выражающейся, в частности, в технологическом отношении Человека к Миру и к самому себе.

Все это характеризует в основном западную цивилизацию с ее основой в рыночной экономике, с научным производством, демократией и всеми формами жизни, связанными с господством потенциальной бесконечности. О Востоке, существующем под эгидой актуальной бесконечности, я здесь не говорю. Во-первых, потому, что понимание личности как высшей ценности родилось в христианстве и отсутствует в традициях Востока; во-вторых, потому, что глобальная ситуация (в том числе и в России) определяется в настоящее время в

основном разрушительной экспансией западных форм жизни и массовой культуры.

Не имея возможности более останавливаться здесь на этих вопросах, отсылаю читателя к своей статье «Глобальный кризис современности и Россия (заметки философа)» [5], где об этом сказано несколько больше.

Философия новоевропейского рационализма уходит в прошлое

Я думаю, что философия (как она себя понимала до сих пор, особенно в новоевропейском рационализме) более невозможна и не нужна. Вместе с другими формами жизни и культуры, созданными после неолитической революции, она уходит в прошлое. Но в ней есть, наряду с конечными отжившими формами, такое знание о Человеке и Мире, которое сохраняет свое значение для настоящего и будущего. Поэтому она должна быть не отброшена, но в гегелевском смысле «снята» (aufheben – отменять, устранять, сохранять, кончать, превосходить, прекращать, прятать...). Возникает задача, по-видимому незавершимая, отделения в философии временного от вечного. Я думаю, что в этом может помочь усмотрение конвергенции наиболее глубоких идей о Человеке и Мире, независимо от времени и места их возникновения в философии, мифологии, религии, оккультных учениях, литературе, поэзии и т.д.

Философия будущего как глубоко личностная форма рефлексии

Что касается философии будущего (я называю ее «постнеолитической»), то предметом ее размышлений и ее основанием должно стать первичное непосредственное отношение «Я–Ты», которое может быть понято как рефлексия бытия первого порядка, в тот момент, когда оно в процессе рефлексии начинает переходить в объективированное «Человек–Мир» – результат рефлексии второго порядка, сохраняя одновременно как основание и «свое другое» форму «Я–Ты».

При этом философия выступает как глубоко личностная форма рефлексии, размышления о Человеке и Мире как бесконечных всеобщих нераздельных и противоположных полюсах. Это размышление не может самоотождествляться ни с какой конечной определенностью, будь то та или другая философская система, школа, логика и т. п. Философ должен находиться в позиции «вненаходимости» (М. М. Бахтин) по отношению ко всем этим построениям и говорить не от имени той или другой объективированной философской позиции, системы или школы, но только от самого себя. Это и означают в заголовке слова «глазами философа», то есть я говорю не от имени той или другой философии, направления, системы, но высказываю свои личные представления, не претендуя на их обязательность для

кого-то, а следовательно, не пытаясь их «доказать», понимая их ограниченность, односторонность и гипотетичность, а также невозможность доказательства в области оснований и принципов.

Я назвал этот текст философским очерком, а не статьей, так как мне не хотелось бы, чтобы его читали как статью, тем более научную, строго ограниченную темой, сухостью и соответствующей логикой изложения, с научным аппаратом и источниками, помещенными в конце. Задачам, которые я в данном случае ставлю, более соответствует стиль очерка с отступлениями, примерами, повторениями, сравнениями и воспоминаниями.

3. О главнейшем новообразовании в психике подростка

Переломные моменты подросткового возраста

О психических новообразованиях подросткового возраста и их роли в душевной жизни и поведении подростка написано очень много. Факторы, которые при этом обычно исследуются, связаны с двумя переломными моментами этого возраста: психофизиологическим – половое созревание и все, что с ним связано, и социальным – конец детства, вступление в мир взрослых.

Первый из этих моментов связан с внутренними гормональными и физиологическими изменениями, влекущими за собой изменения телесные, а также эмоционально-чувственные. Последние разворачиваются в подсознании и приводят в смятение сферу сознательную. Этот вихрь новых, сталкивающихся между собой и с сознательными установками чувств, желаний, мотивов и т.д. и связанная с ними неустойчивость, зачастую неожиданность для самого подростка, спонтанность его переживаний и поступков хорошо описаны в литературе – как психологической, так и художественной. В данном очерке эта проблема не рассматривается, но должна иметься в виду как мощная энергетическая основа и фон, на котором разыгрывается то, что происходит в сознании. Основой же собственно человеческого, личностного развития становится духовная, сознательная сфера, вступающая в конфликт с телесно-эмоциональной.

Второй момент – окончание детства и переход в мир взрослых – оказывается гораздо более сложным, чем представляется современным психологам и педагогам. Он связан, как я считаю, с *развитием в сознании подростка критического рефлексирующего мышления в рассудочной форме. Это и есть определяющее новообразование в его психике.* Оно и создает основное ведущее противоречие в жизни подростка.

Две сферы реальности: «как надо говорить» и «как есть на самом деле»

Хорошо известно, что в младших классах школы большинство детей умеют отличать то, «как надо говорить», от того, «что есть на самом деле». И в зависимости от ситуации ребенок, разговаривая, допустим, с учителем и отвечая на вопросы, будет говорить так, как надо говорить, хорошо при этом зная, что «на самом деле» все обстоит по-другому. И это вовсе не значит, что он лжет. Просто эти две сферы реальности – «как надо говорить» и «как есть на самом деле» – лежат, если можно так выразиться, в его сознании «на разных полочках», не мешая друг другу. Его сознание еще в значительной степени продолжает жить по законам игры, когда любой предмет может, оставаясь самим собой, в то же время быть превращенным во что угодно. Перевернутый стул, оставаясь стулом, превращается в самолет, на котором он отправляется в путешествие. И для таких превращений вовсе не обязательна внешняя похожесть превращаемого предмета на предмет, требующийся по ходу игры. Наоборот, чем меньше эта похожесть, тем больше простора для фантазии и воображения. Мир игры существует по своим собственным законам, созданным фантазией играющего, и не входит в противоречие с убогим миром взрослых, где за каждым предметом закреплено его утилитарное значение. Так же как ребенок не лжет, называя стул самолетом и зная, что «на самом деле» это стул, так же он не лжет, когда говорит «как надо говорить», зная, что «на самом деле» это не так.

Форма, в которой рефлексирует его сознание, еще не приобрела способности (и необходимости!) критического сравнения этих разных «полочек».

Подростковая рефлексия характеризуется критичностью

Новая форма, новая фаза рефлексии, возникающая у подростка, характеризуется, наоборот, критичностью и непримиримым протестом против обнаруживаемых им противоречий. Он задает себе и окружающим вопросы: «Почему мне говорят одно, а я вижу совсем другое?». И если он заметит, что вы ему лжете, ваш авторитет воспитателя упадет до нуля, даже если он будет продолжать еще вас любить. Вы можете поставить его в ситуацию, когда в его душе одновременно будут и любовь к вам, и презрение за вашу ложь. И только вступив в юность как новую ступень личностного развития (если ему это удастся, и он не будет преждевременно «социализирован»), он сможет вас простить.

Наступает время ниспровержения авторитетов. Если в доподростковом возрасте взрослый (особенно «значимый взрослый») обладал для ребенка авторите-

том просто в силу своей взрослости, то теперь он требует доказательств тех или иных утверждений. И многие «истины», привычные в мире взрослых, он готов поставить под сомнение, пока они не будут проверены его собственным критическим мышлением, его логикой.

Рассудочная логика подростка – господствующая сила в его сознании

Рассудочная, то есть формальная, жесткая, силлогистическая логика овладевает умом подростка. Именно так: *не подросток овладевает этой логикой, но она возникает в его сознании как некая объективная принудительная сила*. Она требует на любой вопрос однозначного ответа и оценки: «истина» или «ложь», «да» или «нет». И это создает в сознании подростка определенную тенденцию к максимализму, заставляет его жертвовать дружбой, вступать в антагонистические отношения с близкими людьми, поскольку многообразие и противоречивость реальности и человеческих отношений не укладывается в рамки рассудочной логики, а он готов отвергнуть все, что не соответствует этой логике, так как именно она господствующая сила в его сознании, критерий его суждений и оценок.

По логике мышления подросток равен взрослому

Но ведь рассудочная, то есть формальная, логика господствует в окружающем современного подростка мире взрослых: в математике, науке (а ему их преподавали в школе) и вообще во всех вещных отношениях, включая и отношения социальные. Она и есть логика мира вещных отношений, господствующих в современной западной цивилизации. Таким образом, по логике мышления подросток равен взрослому. И это одно из главных оснований его требования, чтобы к нему относились как к взрослому, и его критики мира взрослых. Он видит, что взрослые бесконечно нарушают эту логику, совершают нелогичные поступки, лгут. Мир взрослых представляется ему чудовищно лживым, фальшивым и лицемерным (и здесь он прав, но совершенно в другом смысле, чем ему кажется). Это подростковое восприятие мира взрослых хорошо показано в романе Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи». Подросток в определенном смысле «панлогист»: мир должен соответствовать его логике.

По содержанию сознания подросток остается ребенком

Будучи по типу логики мышления равным взрослому, по жизненному опыту и содержанию сознания подросток остается еще ребенком. Протестуя против лжи, лицемерия и господства над ним мира взрослых, он в то же время нуждается в душевной теплоте, ласке, понимании, одобрении и прощении взрослых.

Отвергая авторитеты, он одновременно нуждается в авторитете, в таком взрослом, которому он мог бы пол-

ностью доверять. И он может найти такого взрослого (или взрослый найдет его), который скажет ему: «Ты же умный, ты же видишь, что тебе лгут, тебя обманывают твои учителя, воспитатели и все, кто тебя окружает. А я тебе скажу правду и научу, как надо жить». И этот взрослый может оказаться членом мафии, вором в законе или еще кем-то в этом роде. Не буду останавливаться на всех возможных здесь коллизиях, они достаточно подробно описаны в соответствующей литературе.

Хаотичный внутренний мир подростка

Рассудочная рефлексия, приобретаемая подростком, разрушает его внутренний уютный мир детства, но также отталкивает (хотя одновременно и притягивает) его и от внешнего мира взрослых, который не выдерживает предъявляемых ему сознанием подростка критериев. У подростка создается свой внутренний мир, крайне противоречивый и запутанный, в определенной степени хаотичный. Не забудем упомянутый выше «фон», связанный с половым созреванием, проявляющийся в энергетически мощных импульсах чувств, желаний, эмоций, которые в принципе не могут быть уложены в схемы рассудочной логики. Соответствующие рецепты взрослых (чаще всего рецепты адаптации к миру взрослых) ничем здесь помочь не могут.

Возникает тенденция обособиться от мира взрослых и создать свой мир сверстников

Появляется тенденция к обособлению и от мира детства, и от мира взрослых, к созданию своего собственного мира сверстников, внутренне синтонных друг другу. Возникает молодежная контркультура. Разнообразие ее направлений, мотивов и проявлений соответствует сложности и противоречивости души подростка. Каждое из этих направлений можно рассматривать как акцентуацию одной из сторон этой души, определяемую реакцией на индивидуальные условия жизни и индивидуальные же априорные задатки и качества.

Главное противоречие подросткового возраста

Итак, исходя из всего вышеизложенного, *главным противоречием подросткового возраста можно считать противоречие между рассудочной формой возникшей в сознании подростка рефлексии, ставшей для него ведущей формой сознательного отношения к миру, и наличным миром взрослых, не укладывающимся в рамки рассудочности и в то же время провозглашающим рассудочность («сознательность») основанием своего бытия.*

Это противоречие присуще и современной цивилизации в целом с ее господством вещности, экономики, науки, как выше было сказано. Но мир взрослых адаптировался, смирился, пожертвовал своим личностным началом – отмиранием целого измерения души, связан-

ного с актуальной бесконечностью, продал свое духовное первородство за возможность стать потребителем вещей. Он создал для самооправдания соответствующую идеологию и мораль, скрывающие это противоречие. У подростка же противоречие проявляется как первозданное, in statu nascendi (в момент образования), не сглаженное, не завуалированное чечевичной похлебкой вещности, а потому во всей своей непримиримой остроте и обнаженности.

Современный мир взрослых компромиссный

Современный мир взрослых компромиссный: при господстве технологически-вещного отношения в социальной сфере на индивидуальном уровне почти каждый пытается создать нишу квазиличностного существования, маскирующего в той или другой степени господство вещности, создающего иллюзию человеческих отношений, хотя технологичность и вещность проникают и сюда, и только индивидам с высоким личностным потенциалом удается им противостоять.

Максимализм подростка не принимает этого компромисса, и возникают протестные формы подростковой контркультуры.

Таким образом, подросток, чувствуя себя по строю мышления равным взрослому, хочет войти в мир взрослых, «социализироваться» и в то же время он не может принять этот мир с его лживостью и лицемерием.

4. Что делать?

Ответы советской психологии и педагогики

Рассмотрим два принципиально противоположных ответа на поставленный вопрос.

Ответ «научной» психологии и педагогики*: нужно «социализировать» подростка, преодолеть его стремление к отчуждению от социума, найти методы и средства воспитания, которые помогли бы включить его в нормальные социальные отношения как «полноправного» и «полезного» члена общества.

Особенно настырно эту идею проповедовала советская психология и педагогика, поскольку было принято считать, что интересы индивида всегда должны быть подчинены интересам общества. При этом ссылались на К. Маркса, который в действительности занимал противоположную позицию и даже упоминал, что реальные интересы – это всегда интересы индивидов, а под име-

---

* Я пишу слово «научной», потому что есть и ненаучная, например клерикальная, антропософская и другая психология и педагогика. А в кавычки я беру это слово по мотивам, изложенным выше.

нем общественных интересов скрываются тоже интересы индивидов, но только составляющих правящую верхушку общества.

Общественно полезный труд как средство социализации

Главным средством социализации провозглашается общественно полезный труд. В течение десятков лет наши идеологи, психологи и педагоги обманывали нашу молодежь, уверяя, будто однообразный конвейерный труд есть труд творческий, поскольку он совершается ради общества, является общественно полезным, хотя никакая полезность, естественно, не может ни изменить характер такого труда, ни устранить его разрушающее влияние на личность работника.

Само отношение полезности является не личностным, но чисто вещным. В социальном коллективе, где члены его рассматриваются как полезные коллективу, любой может быть заменен любым другим, лишь бы этот другой был бы не менее полезен. Вещное отношение К. Маркс, в частности, характеризует как «... всеобщее отношение полезности и годности для употребления» [6, с. 106].

Задачи воспитания в психолого-педагогической литературе

Практически вся наша психолого-педагогическая литература похожа на заклинание «социальной сущностью человека», «деятельностным подходом», «общественно полезной деятельностью», «коллективистической и индивидуалистической направленностью личности» как панацеей от проблем, связанных с трудностями воспитания.

Я позволю себе привести лишь несколько цитат разных авторов без ссылок, потому что это настолько общие и бесконечно, из страницы в страницу, повторяющиеся места, что указание имени автора просто неуместно: «...научно-доказательные и установленные исторической практикой положения о социальной сущности человека как личности»; «Все высшие психические функции суть интериоризованные отношения социального порядка, основа социальной структуры личности. Их состав, генетическая структура, способ действия – одним словом вся их природа, социальны»; «Невозможно противопоставлять личность порождающей ее деятельности»; «Дело педагогики – помочь личности выполнить программу самореализации, будь то вариант коллективистической или иной направленности, получая при этом представление, что есть хорошо и что есть плохо с точки зрения социума в целом».

И вообще не личность – высшая ценность, а общество: «И если данному обществу требуется формирование у детей нового круга способностей и потребностей,

то для этого необходимо преобразование системы воспитания...», а главное в этой системе – общественно полезная деятельность: «воспитание детей в коллективе, основу которого составляет система общественно полезной деятельности, – это не один из ряда важных воспитательных принципов, а особый, качественно своеобразный подход к формированию растущего человека как личности».

Этот набор дежурных идей и понятий повторяется в нашей психологии и педагогике в течение десятков лет. И лишь один С.Л. Рубинштейн в работе «Человек и мир» сумел вырваться за его пределы [4].

Переходный возраст с точки зрения зарубежной психологии

Освещая взгляд зарубежной психологии на переходный возраст, я сошлюсь здесь на книгу Мишель Кле «Психология подростка», изданную в Бельгии в 1986 г., а издательством «Педагогика» на русском языке – в 1991 году [7]. Аннотация рекомендует ее как «обобщающее историко-культурное исследование, раскрывающее социальные и психологические вопросы жизни ребенка в обществе». И, что касается «обобщения», это действительно так. Прилагаемый список использованной литературы включает более двухсот источников, среди которых и работы крупных исследователей – психологов, культурологов, этнографов. Автор рассматривает историю вопроса, а также особенности перехода от детства к взрослости не только в европейской культуре, но также и в примитивных культурах, где этот переход связан с обрядами инициации.

Общий вывод, к которому пришел автор, состоит в том, что «представление об отрочестве* как о времени страстей, потрясений и конфликтов, составляет часть иллюзорных, взрослых стереотипных представлений» [7, с. 52], «подростковый кризис – понятие без достаточных оснований» [7, с. 56]. Происходит «постепенное вхождение в группу сверстников, становящуюся каналом социализации» [7, с. 47].

В нашей литературе такая точка зрения также встречается. Например: «Утверждение о кризисности подросткового возраста является данью педологическим положениям о принципиальных отличиях детства от любого другого периода жизни, в связи с чем переход от детства к взрослости мистифицируется. Никакой принципиальной кризисности в подростковом возрасте нет» [8, с. 23].

---

* «Отрочество» – термин, которым автор обозначает возраст 11–20 лет; он предлагает заменить им термины «подросток» и «юноша», считая, что между ними нет какого-либо качественного различия. – *А.А.*

Условие перехода к взрослости по Ж. Пиаже

Рассматривая позицию Ж. Пиаже, Мишель Кле показала, что одним из важнейших условий перехода к взрослости является, согласно Ж. Пиаже, развитие формального мышления, способность к формальным операциям: «Пиаже считает, что развитие мышления до стадии формальных операций не только является основным когнитивным новообразованием данного возраста, но и лежит в основе всей эволюции психической жизни в отрочестве, большинство современных работ по изучению когнитивного развития исходят из идей Пиаже. <...> Стадия формальных операций представляет собой, таким образом, последний этап в развитии интеллекта» [7, с. 86].

Этическое развитие по М. Кле

Этическое развитие Мишель Кле рассматривает в разделе «Развитие моральных суждений в отрочестве» [7, с. 99], посвящая этому вопросу четыре страницы и приходя к выводу, что «теорию морального развития в отрочестве еще предстоит создать, и можно привести три принципа, которые, согласно Гоффману (Hoffman, 1980), могли бы составить ее основу. Во-первых, подобная теория должна обобщить многочисленные данные о последовательной интериоризации моральных норм в детском возрасте, связывающей переживание чувства вины и подавление социально не одобряемых вариантов поведения. Гоффман добавляет к этому два принципа, сформулированных Пиаже и развитых Колбергом: развитие способности к принятию роли – то, что Гоффман называет способностью к эмпатии, и нарушение когнитивного равновесия, являющегося шагом к более высокому уровню равновесия, без иллюзий о существовании иерархии универсальных и заранее установленных моральных категорий» [7, с. 102–103]. Этими словами заканчивается раздел «Развитие моральных суждений в отрочестве», к чему и сводится вся проблема развития этического сознания. Можно только удивляться поразительному невежеству автора.

Автор считает, что весь рассматриваемый период взросления (отрочество) характеризуется стремлением к социализации, к взрослому статусу. «С этой точки зрения наше общество создало систему отторжения и ограничения подростков, фактически изгнанных со сцены социальной жизни, тем самым лишив себя свежести подросткового видения жизни» [7, с. 162]. Этими словами заканчивается книга. Итак, здесь тоже главная задача развития подростка – социализация.

Сопротивление социализации

Однако отечественные психологи и педагоги считают, что значительная часть подростков сопротивля-

ется социализации и нужны специальные средства (вроде общественно полезного труда), чтобы преодолеть это сопротивление. М. Кле, опираясь на обширный материал западных исследований (в частности, на исследования Ж. Пиаже), полагает, что подросток жаждет социализироваться, но общество взрослых этому препятствует, средство же социализации – развитие формального мышления. Мне кажется, достаточно познакомиться с различными проявлениями молодежной контркультуры, чтобы убедиться, что почти все молодежные объединения активно противопоставляют себя современной социальности, что это – одно из проявлений глубокого кризиса нашей эпохи.

Обособление – необходимая ступень личностного развития

Ответ на поставленный в заголовке раздела вопрос «Что делать?», к которому я пришел, исходя из философских представлений о человеке, личности и логике развития органических систем, прямо противоположен описанному выше. Нужно помочь подростку «оторваться» от социума, от социальных отношений, от господствующих форм коллективности (К. Маркс называл их «мнимой коллективностью»). Это, выражаясь философским языком, «обособление», уход от внешних отношений и внешнего функционирования, самоуглубление, противопоставление себя коллективу – необходимая ступень (фаза) его личностного развития.

Примат индивидуальности над обществом

Представление о необходимости обособления в процессе личностного развития исходит из идеи примата индивидуальности над обществом, из того, что ведущими исторический процесс всегда являются индивиды; общество как таковое всегда консервативно и не обладает творческими потенциями. Это также достаточно общее место в философии, особенно в немецкой, включая К. Маркса.

Общество – средство, индивид – цель

А вот как об этом писал С. Л. Рубинштейн: «Не каждый человек есть средство для счастья общества, а деятельность общества является средством, целью которого является благо каждого индивида, его развитие, реализация им своих способностей – в этом полнота жизни человека как личности» [9, с. 359].

«Разбирая в онтологическом плане проблему существования, мы пришли к определению преимущества индивида как, во-первых, единичного и потому реального, которое существует само по себе, и, во-вторых, неповторимого, и в этом состоит незаменимая ценность индивида» [9, с. 380].

А. Швейцер: «Поглощение современного человека обществом, поистине единственное в своем роде, это,

пожалуй, наиболее характерная черта его сущности. Общество располагает им по своему усмотрению. От него человек получает как готовый товар убеждения – национальные, политические, религиозные или атеистические – которыми затем живет [10, с. 53]. «Ясно одно: когда общество воздействует на индивида сильнее, чем индивид на общество, начинается деградация культуры, ибо в этом случае с необходимостью умаляется решающая величина – духовные и нравственные задатки человека. Происходит деморализация общества, и оно становится неспособным понимать и решать возникающие перед ним проблемы. В итоге рано или поздно наступает катастрофа» [10, с. 69]. «Ни на одно мгновение не должно оставлять нас недоверие к идеалам, создаваемым обществом, и убеждениям, господствующим в нем» [10, с. 228].

А. де Сент-Экзюпери: «Вместо того, чтобы утверждать права Человека личности, мы заговорили о правах Коллектива. Незаметно у нас появилась мораль Коллектива, которая пренебрегает Человеком» («незаменимых людей нет». – *А. А.*) [11, с. 332].

Можно было бы умножать подобные ссылки, подключив сюда всю русскую философию и практически всю русскую литературу, начиная с Л.Н. Толстого. Я позволю себе еще лишь одну ссылку на К.Г. Юнга: «Против унифицирующего воздействия любых коллективных мер есть только одно средство: выделение и повышение ценности индивида. Требуется перемена образа мыслей, то есть реальное признание целостного человека. Это может быть только делом отдельного человека и, чтобы стать реальным, должно начинаться с индивида» [12, с. 100–101]. Так же думал, например, и Л.Н. Толстой.

Обособление подростка необходимо для перевода рассудочной рефлексии в рефлексию разумную

Обособление в подростковом возрасте необходимо для того, чтобы перевести рассудочную форму рефлексии, господствующую в сознании подростка, в рефлексию разумную, где жесткость и однозначность понятий размывается и рационализм выходит за пределы самого себя. Этим переходом можно обозначить и переход от подросткового возраста к юношескому. Эта подфаза развития завершает собой фазу рефлексии, начинающуюся с возникновения рефлексии рассудочной, и вместе с тем делает возможным переход к фазе, где преобладает трансцендирование.

Возвращение из обособления

Говоря о нормальном переходе к взрослости, под «нормальным» понимается то, что юноша, полностью прошедший обе подфазы рефлексии, включающие в себя подростковую и юношескую (качественно различ-

ные: в юношеской «снимается» и превращается в «свое другое» подростковая), готов из обособления вернуться в общество, но не просто как член той или другой коллективности, готовый в ней раствориться, не как конформист, но как самостоятельное «целое в себе», как личность. Его личностное «Я» способно вступать в общение с другим «Я» на уровне непосредственно отношения «Я–Ты» – личностном уровне, исключающем, оставляющем «внизу» или «вовне» социальные, культурные, семейные и прочие конечно определенные формы. «Исключительно острое ощущение другого человека как *другого* (здесь и далее выделено автором. – *А. А.*) и своего *я* как голого *я* предполагает, что все те определения, которые облекают *я* и *другого* в социально-конкретную плоть, – семейные, сословные, классовые – и все разновидности этих определений утратили свою авторитетность и свою формообразующую силу. Человек как бы непосредственно ощущает себя в мире как целом, без всяких промежуточных инстанций, помимо всякого социального коллектива, к которому он принадлежал бы. И общение этого *я* с *другим* и с *другими* происходит прямо на почве последних вопросов, минуя все промежуточные, ближайшие формы» [1, с. 186]. Под «последними вопросами» здесь имеются в виду вопросы героев Ф. М. Достоевского о смысле жизни и смерти, о Боге и Мире, о добре и зле, о свободе и т.п., то есть вопросы, затрагивающие области религии и философии.

Позиция вненаходимости

Таким образом, возвращение в общество, в коллективность происходит так, что личностное «Я» не растворяется в коллективности, не самоотождествляется с какой-либо деятельностью, но, участвуя в деятельности, сохраняет свою самостоятельную целостность, находясь одновременно в позиции вненаходимости. «Не слияние с другим, а сохранение своей позиции вненаходимости...» [1, с. 324]. Можно было бы охарактеризовать такое общение как парадоксальное состояние неслиянности-нераздельности с другими «Я», входящими в ту или другую коллективность, при вненаходимости по отношению к безличностной социальной стороне коллективности.

Если попытаться схематически изобразить социальное общение (результат социализации) с личностным, то, вероятно, это можно было бы сделать примерно так, как показано на рис. 1.

Переход в фазу трансцендирования

К личностному общению с «захватом» всей бесконечности Мира как целого подросток способен лишь после прохождения подфазы юности, подфазы рефлек-

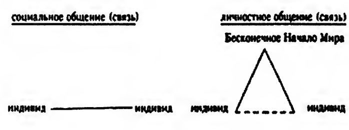


Рис. 1*

сии разумной, так как только она может перейти в противоположную ей фазу трансцендирования, выходя за пределы самой себя, открываясь в бесконечность, где возможно совпадение противоположностей, их перетекание друг в друга без саморазрушения.

Следует также отметить, что переход от подростка к юноше связан с существенным изменением этического сознания. Подросток готов признать необходимость норм морали (если ему ее докажут, что, в общем-то, не так сложно сделать, поскольку эти нормы могут быть обоснованы с помощью рассудочной логики) и требовать их проведения в жизнь, даже в тех случаях, когда голос совести (голос нравственности) протестует. Юноша уже способен рассматривать рассудочность и все конечные формы, определения и нормы с позиции «вненаходимости», видеть их ограниченность и условность. Он понимает и чувствует безусловность и бесконечность голоса совести, его приоритет над нормами морали и законами, и если не может в определенных ситуациях ему следовать, то принимает вину на себя.

От обособления в область актуальной бесконечности

Таким образом, «нормальное» развитие личности подростка требует не социализации, а противоположно направленного движения обособления и самоуглубления, в процессе которого осуществляется выход за пределы социальности и всех конечных форм вообще в область актуальной бесконечности, чем в онтогенезе личности и завершается очередная фаза рефлексии, включающая ступени (или лучше: качественно различные подфазы) «подросток»–«юноша», и открывается возможность трансцендирования, то есть возможность творчества во внешнем мире.

Я думаю, читателю ясно, что понимание терминов «подросток» и «юноша» я связываю не с возрастом (количество лет), а именно с теми фазовыми различиями, о

* Пунктирность социальной связи во втором случае означает ее вторичность.

которых здесь говорится. Многие индивиды (и число их катастрофически увеличивается) в наше время не проходят подфазу юности и оказываются духовными эмбрионами, или духовными калеками, в течение всей своей жизни. Некоторые не дотягивают и до подростка.

Философ должен начинать с общего

Такое схематическое изложение моего взгляда на развитие подростка предпринято ради сохранения целостности общей картины. Оно, конечно, требует пояснений. Эти пояснения, по необходимости, тоже должны быть краткими и потому могут породить у читателя множество недоуменных вопросов и возражений, поскольку я вынужден ограничиться только экспозицией готовых результатов философского размышления. Ведь философ для понимания любого частного случая должен начинать со всеобщего (поскольку оно полагается как Начало), а это вовлекает в размышления громадный материал, который должен быть сфокусирован на объясняемом, чтобы возникло его понимание (то есть была усмотрена его связь со всеобщим и Целым). Обрушить этот материал на голову читателя я не могу, а потому мне остается извиниться за обрывочность и возможную малопонятность объяснений. Я могу утешить читателя, сообщив, что я и сам многого не понимаю.

5. О подростке как фазе развития личности

Особенность развития органической системы

Я хочу здесь вернуться к одной из особенностей развития органической системы, имеющей непосредственное отношение к нашей теме. Всякая органическая система должна пройти фазу самоуглубления, сведя к минимуму взаимодействие с непосредственно окружающей ее средой. Эта фаза господства рефлексии над трансцендированием совершенно необходима для становления системы самостоятельным целым в себе, для того, чтобы внутренние связи системы энергетически превзошли и стали прочнее ее внешних связей со средой и возможных воздействий среды. В противном случае взаимодействие со средой грозит ей растворением в среде, она может стать частью среды и тем самым перестать быть самостоятельным «целым в себе», потерять свою «самость». В случае человека это означает утрату бесконечной внутренней свободы, а следовательно, и нравственной ответственности и превращение в морального социального функционера, «человека массы» Х. Ортега-и-Гассета или просто в люмпена, отчужденного не только от человеческой, но даже и от социальной общности.

Иерархическая структура органической системы

В процессе самоуглубления органическая система приобретает иерархическую структуру с управляющим центром и подчиненными ему периферическими частями. Центр связан с областью актуальной бесконечности, и чем глубже и «энергичнее» эта связь, тем разнообразнее, богаче и подвижнее периферия, тем выше ее способность быть пластичной и перераспределять функции между своими частями. Когда формирование внутреннего центра продвинулось достаточно, чтобы обеспечить устойчивость системы в данных условиях, начинается противоположная фаза – фаза преобладания трансцендирования, активного взаимодействия непосредственно с окружающей средой. Система продолжает развиваться, но теперь уже главным образом за счет совершенствования своих отношений со средой (с областью потенциальной бесконечности, разворачивающейся во времени как наличное бытие конечных форм). Нужно отметить, что это формирование центра есть одновременно проявление и реализация того, что в глубине было в непроявленной форме с самого начала (благодаря связи с актуальной бесконечностью). Поэтому самоуглубление – это встреча со своей собственной сущностью, «открытие себя», но также и открытие Мира как Целого, и соприкосновение с бесконечностью.

Здесь возникают отношения, приводящие к гегелевской триадности, и интересные возможности понимания диалектического противоречия и внутреннего смысла гегелевских «скачков» как связанных с вторжением образов и форм из области актуальной бесконечности и их взаимодействием с проявленными конечными формами. Но я ограничусь сказанным как достаточным для первоначального общего понимания темы очерка.

Отличие Человека от других органических форм

Человек отличается от всех других известных органических форм тем, что сразу, с момента рождения несет в себе в непроявленном виде такой Центр, который уже обладает бесконечностью и эквивалентен в этом смысле Началу Мира как Целого (Богу, Мировому Разуму, Абсолюту, Брахману, Парабраману и т.д. – термин зависит от мировоззрения). Поэтому ступени самоуглубления (рефлексии, созерцания, интроспекции) индивида есть ступени бесконечной лестницы реализации его личностного «Я» – Центра его личности, определяющего всю иерархическую структуру его психики и прежде всего иерархию его ценностей. При правильном выстраивании этой иерархии (человек выше любого дела, любой цели; нравственность выше морали и закона; личность выше социума, общества, так как она экви-

валентна всему Универсуму; любовь, покаяние и прощение выше ненависти и мести и т. д.) индивид может достичь такого уровня раскрытия своего «Я», когда оно способно общаться с Миром как Целым и с другим «Я» непосредственно, вне социальных и других конечных определений, на почве «последних вопросов». Это и есть личностное общение [1, с. 324].

Схема «рефлексия-трансцендирование»

В лекциях и статьях, пытаясь сделать наглядным возникающее здесь отношение, я использовал геометрический образ и операцию – «инверсию относительно круга на плоскости». Операция инверсии состоит в установлении взаимно-однозначного соответствия между точками круга и точками плоскости вне круга (рис. 2).

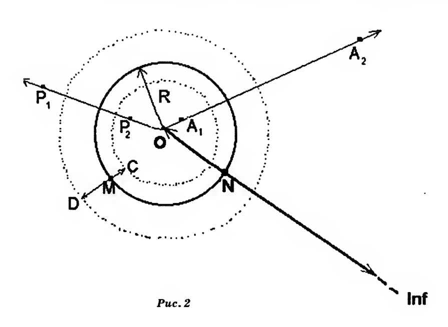


Рис. 2

На рисунке-схеме: O – центр круга, R – его радиус. Соответствующая точке A_1 точка A_2 находится путем проведения прямой OA_1 и отложения на ней отрезка OA_2, равного R^2/OA_1.

Пример 1 (для простоты R принимается равным 1): точка A_1 внутри круга, OA_1-1/2; OA_2-R^2/OA_1-1/0,5-2

Пример 2 (R-1): точка P_1 вне круга, OP_1-3; OP_2-R^2/OP_1-1/3.

Легко видеть, что парные точки совпадают на окружности и расходятся таким образом, что, если одна приближается к центру O, другая уходит в бесконечность. Предположим связь между точками пары в форме причастности, отражения друг в друге, идентичности и т. п.

Теперь представим себе, что круг – это Человек, бесконечная окружающая его плоскость – Мир.

Движение от окружности вовне – эмпирическое взаимодействие Человека с Миром, включающее внешнее восприятие, познание и деятельность (в том числе «использование»). Оно расширяется, но в каждый момент времени остается конечным. Соответствующее ему, следующее за ним отражение этого движения внутрь круга – это наши размышления об эмпирическом материале, наши гипотезы и теории.

Пространство преобладания деятельности над созерцанием

Наука и технология занимают расширяющееся, но в каждый момент остающееся конечным кольцеобразное пространство, включающее окружность (на схеме показано пунктиром). Это пространство есть также *пространство преобладания («первичности») внешней деятельности над созерцанием*, трансцендирования (ограниченного сферой указанного кольца) над рефлексией (в пределах внутренней, принадлежащей кругу конечной области того же кольца), потенциальной бесконечности (как возможности в будущем выхода за пределы данной конечной формы, движения во времени через ряд конечных, «снимающих» друг друга форм) над бесконечностью актуальной.

Вневременная область актуальной бесконечности

Движение от окружности к центру круга N–O – погружение в себя, созерцание, отрешение от конечных меняющихся форм наличного эмпирического бытия, *вхождение во вневременную область актуальной бесконечности*, где возможна *встреча со своим глубинным «интеллигибельным» «Я», в его сопричастности Миру как Целому* (на схеме – бесконечно удаленная точка Inf).

В современной западной цивилизации, поглощенной гонкой вещной соревновательности, эти состояния вневременности кажутся чем-то ненормальным: «Однако наша идентичность с сознанием современности столь велика, что мы забываем о «вневременном» основании психики. Все, что существовало издавна и будет существовать в дальнейшем, считается как бы алкоголем современных течений, почти что бредом, которого, по возможности, следует избегать. Но в результате надвигается огромная психическая опасность, угрожающая нам сегодня, а именно опасность оторванных от всех духовных корней интеллектуальных «измов» [12, с. 89].

Созерцательная рефлексия как соприкосновение с Тайной Мира и собственного «Я»

В этой созерцательной рефлексии глубочайшее внутреннее личностное «Я» на схеме инверсии занимает ближайшую окрестность Центра, исключая, однако, сам Центр («Бог во мне глубже, чем я сам»), находясь с ним в отношении неслиянности-нераздельности. Эта

неслиянность-нераздельность воспринимается как соприкосновение с Тайной Мира и собственного «Я», как причастность к этой Тайне, сопровождающаяся религиозным чувством благоговения и ощущения своей трансцендентной родины. Так в христианстве.

В восточных культурах, где отсутствует представление о личности как высшей ценности, господствует стремление, которое на нашей схеме выглядит как стремление объединиться с самим Центром, «утонуть» в нем, раствориться, перестать существовать как самостоятельное целое.

Итак, рефлексия – обращение на себя, «сворачивание внутрь». Например, теория познания есть процесс познания, предметом которого является он сам; психология – попытка человеческого «Я» постичь себя самого и т. д.

Тейяр де Шарден отличает человека от животного, в частности, тем, что «человек не только знает, но еще знает о том, что он знает».

Трансцендирование – выход вне себя, преодоление собственных границ, «разворачивание вовне». Например, любой процесс творчества может быть представлен как трансцендирование.

Рассудок и разум

Необходимо уточнить, в каком смысле употребляются термины «рассудок» и «разум». В истории философии эти термины наполнялись различным и глубоким смыслом. Воспользуемся здесь смыслом, который они получили в послекантовской философии и не во всей его глубине (он бесконечен), но лишь в пределах их общего значения, достаточного для понимания рассматриваемого вопроса.

Рассудок – способность человека познавать мир в его конечных формах, различать, разделять, классифицировать и обобщать эмпирический материал, создавать соответствующие понятия и строить теории.

Разум – способность критически рассматривать деятельность рассудка, начиная с критики самого себя, то есть это рефлексия по преимуществу, диалог (бесконечный!) с самим собой, бесконечное углубление в себя (к Центру на схеме), ведущее к бесконечному трансцендированию (к сопряженной с Центром бесконечно удаленной точке).

В представлении разума рефлексия и трансцендирование составляют бесконечные взаимоопределяющие друг друга противоположные полюса диалектического противоречия, в области актуальной бесконечности – совпадающие друг с другом, обеспечивая целостность

Единого, а в области потенциальной бесконечности – разворачивающиеся как фазы развития во времени с преимущественными проявлениями одного либо другого из этих противоположно направленных процессов.

Рассудочная рефлексия связана с отношением «Субъект–Объект»

Рассудочная рефлексия – критическое рассмотрение соответствия построений рассудка конечным объектам наличной действительности, а в самой рассудочной (она же формальная, демонстративная, вещная) логике – рассмотрение правильности выводов из посылок. Отношение рефлексии внутри самой этой логики не может быть рассмотрено, так как ведет к неразрешимым парадоксам и недопустимым в ней противоречиям. Рассудочная рефлексия, таким образом, не выходит за рамки конечно определенной области упомянутого кольца и гносеологического отношения «Субъект – Объект».

Разумная рефлексия связана с отношением Человек–Мир

Разумная рефлексия начинает с рассмотрения отношения «Человек–Мир» во всеобщей форме как двух эквивалентных друг другу бесконечных целых. Она диалектична и противоречие в ней предполагается как начало размышления, источник его энергии. Отношение «Субъект–Объект» выступает в ней как вырожденная форма, где Человек редуцирован в Субъект, а Мир – в Объект.

«Научная» психология, находясь в рамках логики субъект-объектного отношения и предлагая рассматривать отношение «Субъект–Субъект», ничего не достигает, так как Субъект и Объект взаимно определены друг через друга и устранение из отношения Объекта лишает смысла Субъект. Поэтому в так называемом субъект-субъектном отношении один из субъектов фактически должен выступать в роли объекта.

Рефлексирующий разум, чтобы отнестись к себе как к целому, должен трансцендировать за пределы себя самого, то есть за рамки рациональности как таковой, рассмотреть свое взаимоотношение с нерациональными сторонами отношения «Человек–Мир» (религиозной, нравственной, эстетической, эмоциональной, интуитивной и т. д.). Поэтому разумная рефлексия – это всегда прогулка по границе рациональности, соприкосновение с тем, что является непостижимым для ума, в конечном счете – с Тайной Человека и Мира в ее актуальной бесконечности.

Это «философское отступление» с введением наглядной аналогии (инверсии) мне казалось необходимым сделать для пояснения употребляемых мной в тексте терминов. Не следует придавать этой аналогии значение модели или теории. Это всего лишь намек на сложные глубокие отношения, попытка подключить к пониманию образное восприятие.

Возвращаемся к размышлениям о подростке.

Необходимость подростковой фазы самоформирования

В процессе онтогенеза личности индивид проходит различные ступени или фазы, среди которых подростковая отличается особенно острой необходимостью во внутренней работе самоформирования, в обособлении от социальной среды и любой формы коллективности как таковой. И эта фаза обособления должна быть пройдена им с наивозможной полнотой, иначе ему грозит личностная ущербность. Так же точно, как в случае, если ребенок по тем или иным причинам «не доиграл» в соответствующем периоде детства, у него уже во взрослом состоянии могут возникнуть определенные трудности в различных жизненных ситуациях, что хорошо известно в психотерапии. И поэтому следует не мешать подростку в «отрыве от коллектива», не пытаться его «социализировать», классифицируя этот отрыв как «индивидуалистическую направленность личности», требующую исправления в «направленность коллективистическую». Опасность такого «исправления» состоит в том, что если «негативизм» подростка окажется сильнее усилий педагогов, то, сопротивляясь, он может действительно развить в себе такую форму индивидуализма, как эгоцентризм, что крайне затруднит саморазвитие его личности, либо же усилия воспитателей окажутся сильнее и он превратится в «человека массы», социального функционера, играющего в социуме определенные роли. Сочетание обеих этих возможностей может привести к развитию раболепного и одновременно торжествующего хама.

Обособление – процесс становления Человека в индивиде

Надо понимать, что в случае обособления мы имеем дело не с отчуждением индивида от своей человеческой сущности. Отчуждение происходит в социальной среде и в развитии западной цивилизации завершается господством вещности (рыночной экономики и денег как всеобщего эквивалента вещных отношений) – полюса, противоположного личности, превращающего индивидов в духовных калек. Это угрожающее Человеку направление развития цивилизации было ясно большинству глубоких мыслителей – от Ж.-Ж. Руссо до О. Шпенглера, А. Тойнби, Э. Фромма и других, включая практически всю русскую философию.

Обособление же – противоположный процесс, процесс становления Человека в индивиде, что и есть личностное развитие.

Парадоксальная роль рассудочного мышления

Рассудочное мышление, овладевая сознанием подростка, играет сложную парадоксальную роль. С одной стороны, укрепляет претензии подростка на

взрослость (та же логика, по которой построен социальный мир взрослых), с другой стороны, будучи максималистским (поскольку это первое и пока единственное новообразование, аналогичное таковому же в сознании взрослого, и воспринимаемое им как объективное, независимое от его «Я», подросток наделяет его статусом всеобщности, своего рода «сверхценностью»), отталкивает его от социальности как насквозь фальшивой и лицемерной.

Отталкивание, отвержение социальности может принимать самые различные формы: коллективные и индивидуальные, активно-протестные (например, хулиганство и более серьезные правонарушения) и пассивно-защитные (лень, эмоциональная глухота, неучастие в жизни семьи, своеобразный аутизм, принимаемый зачастую за эгоизм, и т. п.). Я думаю, что эту тенденцию к обособлению, аналогичную детскому аутизму, окружающие должны понять и помочь преодолеть это тягостное для самого подростка состояние. Но ни в коем случае не применять пропагандируемые, например, телевидением американские рецепты: зарабатывание «очков» за то или другое действие с последующей выплатой деньгами и т. п. Это еще хуже, чем привлечение к «общественно полезной деятельности», так как ориентирует на прагматизм и вещность, затрудняя или делая невозможным переход к подфазе юности.

Подростковая метафизическая интоксикация – первая проба самоопределения себя в Мире

Непрочность, безопорность в мире наличного социального бытия создает в душе подростка квазихаос, неопределенность и пустоту, куда проникает воздействие со стороны его глубинного «интеллигибельного» «Я», упомянутого выше, обладающего всеобщностью бесконечного Центра. Это воздействие разлагает его эмпирическое «Я» на «Я» действительное и «Я» желаемое. Кроме того, воздействие это несет в себе некий заряд всеобщности и бесконечности, оно заражено этим качеством глубинного «Я» и заражает им отрицающее конечное наличное бытие сознание подростка. Эта «зараза» проявляется в склонности к философствованию, которая была отмечена многими психологами, социологами, психиатрами. А. Е. Личко называет ее «транзиторная подростковая метафизическая интоксикация» [13, с. 119].

«... еще в 1834 г. русский психиатр П. А. Бутковский сходные явления у юношей назвал «суемудрием» [13, с. 119]. <...> «Известный английский психиатр H. Maudsley (1870) писал, что юноша проходит через «приступ метафизики», как дитя переболевает корью

[13, с. 119]. <...> Метафизическая интоксикация – интеллектуальная активность, направленная на самостоятельное решение путем обдумывания «вечных проблем» (то есть в конечном счете упомянутых выше «последних вопросов». – *А.А.*) – о смысле жизни, о предназначении человечества, об искоренении войн и т. п., поиск философских истин, создание своих мировоззренческих систем, своих теоретических концепций перестройки общества, развития наук, своих эстетических и этических взглядов. Все это занимает важное место в жизни подростка, получает выраженную эмоциональную окраску, плохо поддается критической оценке, то есть приобретает характер сверхценных идей» [13, с. 119]. А. Е. Личко считает, что метафизическая интоксикация, хотя и накладывает свой отпечаток на некоторые психические заболевания, сама по себе большой опасности не представляет именно в силу своей транзиторности: «В послепубертатном периоде явления метафизической интоксикации постепенно блекнут и исчезают» [13, с. 119].

«Какого-либо отчетливого психогенного фактора, толкнувшего к метафизической интоксикации, обычно уловить не удается» [13, с. 119]. Это признание А. Е. Личко совершенно понятно, поскольку, как я полагаю, этот фактор порождается связью человека с областью актуальной бесконечности, не доступной мышлению современной научной психологии и психиатрии [14].

«Этот синдром характерен для среднего и старшего подросткового возраста и, как правило, встречается у юношей» [13, с. 119]. А. Е. Личко считает «метафизическую интоксикацию» легкой и обычно преходящей, но все же патологией. Мне же кажется, что здесь, конечно, возможны своего рода акцентуации, но более опасным синдромом представляется отсутствие всякой склонности к метафизическим проблемам и размышлениям, поскольку они представляют собой «первые пробы» самоопределения себя в Мире.

Переход из подфазы подросткового возраста в подфазу юности

Первая, если можно так выразиться, подфаза подросткового возраста начинается с развития рассудочного критического мышления, приводящего подростка к конфликтным отношениям с социальной средой и к потребности в обособлении от этой среды как условию сохранения и укрепления своего личностного «Я-центра», обеспечивающего целостность, способную противостоять разрушающим влияниям социальности, особенно в современных условиях технологической цивилизации, ведущей к господству вещности – антипода лично-

сти. Заканчивается эта подфаза метафизической интоксикацией, знаменующей начало перехода в подфазу юности. Эта последняя представляется мне настолько важной и настолько качественно отличной от первой, что, может быть, следовало бы назвать ее самостоятельной фазой, следующей за подростковой. Хотя, с другой стороны, она является развитием и завершением фазы рефлексии, начавшейся в подростковом возрасте.

6. О юности как особой подфазе, завершающей обособление подростка, и необходимой ступени личностного развития

Созерцание необходимо для личностного «Я»

Задачей воспитания подростка является не привязка его к общественно полезной деятельности и вообще не к деятельности и не к социальной коллективности, но помощь ему в уходе в мир созерцания, необходимого ему для укрепления целостности личностного «Я» путем восстановления на новом уровне изначальной непосредственной (не требующей ни доказательств, ни участия рациональности, данной не извне, а изнутри, спонтанно и априорно) связи этого «Я» с Целостностью Мира. Готовность подростка к этому шагу, его внутренняя предрасположенность находят свое проявление в «метафизической интоксикации». Подросток «духовной жаждою томим».

Отличие метафизической интоксикации от патологических увлечений

Сравнивая синдром метафизической интоксикации с увлечениями (хобби) подростка, которые также могут приобретать патологические черты («сверхценность», «одержимость» и т. п.), А. Е. Личко пишет: «Отличие синдрома патологических увлечений от синдрома метафизической интоксикации состоит в том, что при увлечениях деятельность, а не мечтания, фантазии и размышления выступает на первый план» [13, с. 121]. Поскольку патологию можно рассматривать как сверхакцентуацию одной из сторон или характеристик «нормы» (в кавычках потому, что остается неопределенным, можно ли «нормировать» психику и что значит в этом случае «норма»), даже если эта сторона или характеристика оставалась бы в «норме» скрытой, можно считать, что мы имеем дело с двумя противоположно направленными тенденциями, в крайних случаях проявляющимися как одержимость деятельностью и одержимость мыслью.

Сфера разума и внутренний диалог

В подростковом возрасте одержимость мыслью более предпочтительна. Во-первых, как уже было сказано, это – «проба» самоопределения в мире, а во-вторых, поддерживая и развивая эту тенденцию, можно переве-

сти мышление подростка из формальной области рассудка в диалектическую, открытую в бесконечность сферу разума, где становится возможным внутренний «незавершимый» диалог: «Нет ни первого, ни последнего слова и нет границ диалогическому контексту (он уходит в безграничное прошлое и безграничное будущее)» [1, с. 373].

От рассудка к спору

На базе рассудочной, формальной логики, принимающей либо фиксированное, неменяющееся «да», либо фиксированное «нет», диалог невозможен, возможен только спор, в том числе и внутренний спор с самим собой, истощающий и бесплодный. Во внутреннем споре подростка с самим собой чаще всего сталкиваются сфера рассудочной логики с эмоциональной сферой, обе воспринимаемые им как принудительные силы. При этом поступки, находящие логическое оправдание (в том числе в прививаемой ему социумом морали), он склонен оценивать как должные, как «добро», а нарушающие формальные рамки и нормы – как недолжные, как «зло». И если эмоции в его поступках одерживают верх, он казнит себя (и других, поступающих, по его мнению, неправильно). Но в то же время с помощью той же логики он может непримиримо отстаивать «правоту» своих суждений, жестокость и бездушность своего и чужого поведения.

Бесплодность, своего рода тупиковость «суемудрия» подростка не в последнюю очередь связана с господством формальной рассудочности в его рефлексии, ибо метафизические проблемы (в том числе «последние вопросы»), которые начинают его тревожить, в рамках рассудка не могут быть даже рационально представлены. Диалектическая сфера разума, где бесконечность выступает как эквивалентность противоположно направленных, располюсованных тенденций, размывает жесткие рамки рассудочных форм, «снимает» их, превосходит, превращая во вторичную, ограниченно применимую «технологию мысли».

Условия перехода в сферу разума

Диалог и рефлексия есть преимущественная сфера разума. И подросток внутренне готов к переходу в эту сферу уже хотя бы потому, что «на переходе» в юность подошел вплотную к «последним вопросам».

Что же может помочь подростку в реализации того, к чему он внутренне готов? Внутренняя тенденция к переходу формальных жестких границ рассудочности, жажда вырваться из этих границ уже есть, но будет ли она реализована путем углубления и движения к Центру, личностного развития, или выбросом вовне, в

область вещных отношений, в частности в область современной массовой культуры, в значительной степени зависит от прохождения подфазы юность.

В первом случае «последние вопросы» осознаются как коренные вопросы человеческой жизни и его собственной личной судьбы. Во втором случае они остаются за пределами его сознания и лишь иногда могут причинять некоторое неосознанное неудобство. Подфаза юности полноценно не проходится. Личность не реализуется.

Вступление в подфазу юности

Вступление в подфазу юности обусловлено многими факторами. Важнейший из них – созерцание в противоположность активной деятельности (в том числе и умственной – вспомним «метафизическую интоксикацию») подростка. Остановка деятельности, покой, романтическая мечтательность, пушкинская «праздность» как предпосылка «вдохновения». Непосредственное погружение в беспредельность бытия собственного «Я» и Мира (движение к Центру и одновременно к бесконечно удаленной точке на нашей схеме инверсии), в сферу актуальной бесконечности. Именно в эти моменты человек превосходит самого себя («Человеку для того, чтобы быть самим собой, надо быть бесконечно больше себя»), здесь формируется личность и максимализм всеобщих нравственных принципов (в отличие от укорененных в социальности групповых моральных норм).

Противоположность максимализма подросткового и юношеского

Следует подчеркнуть противоположность максимализма юношеского от вышеупомянутого подросткового. Максимализм подростка – это максимализм отрицания, непринятие всего, что не согласуется с его представлениями о логичности, правильности и справедливости, понятых в жестких рамках рассудочного рацио. Максимализм юности – максимализм положительного, безусловного, не опосредованного рассудком принятия мира как целого, максимальная распахнутость души в бесконечность, особая тяга к трансцендентному в себе и в Мире, что, в частности, выражается в юношеском романтизме.

О важности созерцания

О важности созерцания как собственно человеческого состояния, определяющего в онтогенезе духовный рост, формирующего личность и отношение к Миру, к людям, к жизни, о глубокой внутренней трансформации и соответствующих психических переживаниях полноты и целостности себя и мира, выходящих за пределы всякого рацио и даже вербальности, писали пророки, богословы, поэты и писатели, философы, мудре-

цы и мистики, а также крупнейшие ученые. Приведу лишь некоторые из этих высказываний.

А. де Сент-Экзюпери: «Но беспредельность нельзя найти. Она созидается в нас самих». «Внутренняя жизнь молящегося доминиканца насыщена до предела. Человеком в полной мере он становится именно тогда, когда, простершись ниц, неподвижно застывает в молитве» [11, с. 279].

«Тот, кто возвысился до созерцания, становится зерном. Тот, кому открывается некая истина, тащит другого за рукав, чтобы посвятить в эту истину и его... Мы слишком долго обманывались относительно роли интеллекта. Мы пренебрегали сущностью человека... Отныне я отказываюсь судить людей по доводам, оправдывающим их решения» [11, с. 321]. «Никакое словесное объяснение никогда не заменит созерцания. Единство Сущности нельзя передать словами» [11, с. 331]. «Веками моя духовная культура сквозь людей созерцала Бога» [11, с. 328].

Г. Торо о часах созерцания: «В такие часы я рос, как растет по ночам кукуруза, и они были полезнее любой физической работы. Эти часы нельзя вычесть из моей жизни, напротив, они были мне дарованы сверх отпущенного срока. Я понял, что разумеют на Востоке под созерцанием, ради которого оставляют работу» [15, с. 452].

С. Л. Рубинштейн: «Человек выступает как часть бытия сущего, осознающего в принципе все бытие. Это капитальный факт в структуре сущего, в его общей характеристике: осознающий – значит, как-то охватывающий все бытие, созерцанием его постигающий, в него проникающий, часть, охватывающая целое. В этом своеобразие человека и его место и роль во Вселенной, включающей человека» [9, с. 338]. С. Л. Рубинштейн в цитированной работе «Человек и Мир», критикуя «деятельностный подход», много раз возвращается к проблеме созерцания. Например: «Бесконечность мира и причастность к нему человека, созерцание его мощи и красоты есть непосредственно данная завершенность в себе... Величие человека, его активность проявляются не только в деянии, но и в созерцании, в умении постичь и правильно отнестись ко Вселенной, к миру, к бытию» [9, с. 339–340].

Можно было бы здесь цитировать и крупнейших ученых. Я процитирую только одного из них – Д. И. Блохинцева: «Ощущение своего родства с бесконечной Вселенной, вера в ее благонамеренность по отношению к человеку, преклонение перед ее гармонией и красотой

всегда были и будут ничем не заменимым душевным богатством людей. Только такое взаимоотношение с окружающим миром способно дать человеку ощущение своей значимости, выходящей за пределы бессмысленной и скучной поденщины» [16, с. 19].

Эстетическое созерцание

Преклонение перед гармонией и красотой рождается в эстетическом созерцании не предмета искусства в данном случае, а всей бесконечной Вселенной. Вера же в благонамеренность Вселенной – созерцание религиозное, выражение религиозного отношения Человека к Миру.

Тот же оттенок имеет и следующее размышление Д. И. Блохинцева: «Многие глубокие умы еще в далекой древности, да и в наше время, подсказали нам путь к счастливому (оптимистическому) восприятию мира.

Для этого следует поддержать в себе:

1. Постоянное ощущение себя частью всего (разрядка моя.– *А. А.*) мира. Надо помнить, что поверхность нашего тела – кожа – это еще не граница своего «Я».

2. Постоянное ощущение Красоты мира.

Благоговейное отношение к его Тайне.

Все это, конечно, не ново. Быть может, даже звучит несколько старомодно, поскольку никакие слова не способны передать всю глубину и значимость этих положений (так как мы находимся за пределами рациональности и даже вербальности – в области созерцания. – *А. А.*).

Но ни то, ни другое обстоятельство не делает этот Символ Веры менее значительным в наше время» [17].

Творчество как свобода от обыденщины

Примеры размышления на тему созерцания можно было бы бесконечно умножать, но я хочу закончить словами Н. А. Бердяева: «Творчество было для меня погружением в особый, иной мир, мир свободный от тяжести, от власти ненавистной обыденщины» [18, с. 223]. «В созерцании высшего–прекрасного–гармонического созерцающий переживает момент творческого экстаза» [18, с. 223]. «Но самые моменты созерцания не знают борьбы, конфликта и затруднения, эти состояния преодолеваются... И человек должен периодически приходить к моментам созерцания, испытывать благодатный отдых созерцания. Исключительный динамизм, непрерывный активизм или растерзывает человека, или превращает его в механизм. В этом ужас нашей эпохи» [18, с. 223].

Мирочувствие на пороге юности

Я привожу целый ряд цитат (и буду еще приводить впредь), чтобы дать, по возможности, почувствовать читателю «параметры» того мира, в который входит подросток на пороге юности, преодолевая рамки рассу-

дочного, формального, вещного мышления. Именно почувствовать, поскольку в рамки рациональной рассудочности, понятийности и даже вербальности он не вмещается. Это скорее мир символов, художественных образов, интуитивных озарений, эмоций любви, восторга, благоговения, охватывающих все существо человека и воспринимаемых как бесконечно превосходящие по своей ценности все конечные определенности наличного бытия. Это мир экстаза («выхождения») и катарсиса («очищения»), могущих принимать бесконечно разнообразные формы и даже соприкасаться, быть причастными плероме (плерома – бесконечная божественная полнота, совмещающая в неслиянности-нераздельности все противоположности, не угашая бесконечной уникальности каждой из них).

Например, в романтической литературе, в поэзии, мы часто встречаемся с подобными состояниями, выраженными художественными средствами. Таково вхождение в плеромическое состояние экстаза и катарсиса в стихотворении А. С. Пушкина «Желание»:

Медлительно влекутся дни мои,
И каждый миг в увядшем сердце множит
Все горести несчастливой любви
И все мечты безумия тревожит.

Но я молчу; не слышен ропот мой;
Я слезы лью; мне слезы утешенье;
Моя душа, плененная тоской,
В них горькое находит наслажденье.

О жизни час! лети, не жаль тебя,
Исчезни в тьме, пустое привиденье;
Мне дорого любви моей мученье –
Пускай умру, но пусть умру любя!

[А. С. Пушкин]

Вот он – выход в область актуальной бесконечности, где происходит совпадение противоположностей: «горькое наслаждение», «дорого мучение»; трансцендентный экстаз и катарсис – состояние, по сравнению с которым все наличное конечное бытие, вся обыденность и даже сама жизнь теряют свою ценность: «лети, не жаль тебя».

Бесконечна и гамма личностной и ситуативной окраски подобных переживаний: от тончайшей лирики до громоподобной эпичности, от полной пассивности и растворения в мире («океаническое чувство») до ощу-

щения бесконечной творческой мощи и даже соединения этих полюсов:

Я связь миров повсюду сущих;
Я крайняя степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна Божества.

Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я – царь, я – раб,
Я – червь, я – Бог.

[Г. Р. Державин]

Связь созерцания с творчеством

Обратим теперь внимание на то, что Н. А. Бердяев связывает моменты созерцания с творчеством. И снова можно приводить бесконечные примеры и высказывания на этот счет творцов, в какой бы области они ни творили. И простирающийся ниц неподвижно доминиканец творит в полном и, может быть, самом чистом смысле слова «творчество»: творит не внешний продукт, а самого себя как человека, как личность. А прослывший необыкновенным, фантастическим лентяем и бездельником Уолт Уитмен, лежа на берегу океана, рождает «Листья травы» – книгу уникальную, необыкновенную по безусловному всеохватному принятию всего, что есть в мире.

Переживание в созерцании таинственности Мира и причастности к нему

Второй момент, который хотелось бы здесь отметить, это переживание в созерцании таинственности Мира. Это переживание охватывает все существо человека, когда в созерцании он достигает такой глубины рефлексии (в движении к Центру на нашей схеме), что соответствующее трансцендирование выбрасывает его за пределы рациональности как таковой в область «непостижную уму». Оно сопровождается глубоким чувством внутренней причастности к Миру, родства с ним, восприятием бесконечности как своей трансцендентной благодатной и обетованной родины. Переживший такое состояние человек начинает воспринимать Мир и себя самого как Тайну и видеть отблеск этой Тайны на всей природе, на всем, что его окружает:

Случайно на ноже карманном
найди пылинку дальних стран,
И мир опять предстанет странным,
окутанным в цветной туман.

[А. Блок]

Рождение религиозного отношения к миру – начало антропогенеза

Религиозное отношение к миру (неконфессиональное, в котором слиты эстетическое, нравственное, благоговейно-любовное и разумное) напоминает то первоначальное религиозное отношение, которое, по моим представлениям, является началом антропогенеза. Тайна, о которой идет речь, – не секрет, который можно раскрыть, не загадка, которую можно разгадать. Она не закрыта и лежит перед человеком в своей прозрачной явленности и одновременно притягательной непостижимости.

Вот, например, слова А. Меня: «Природа, как бы мы ее глубоко ни познавали, всегда будет оставаться для нас тайной... и в переживании природы, музыки, прекрасного, в переживании любви, в переживании творчества нас касается божественная рука, но только касается. Мы можем чувствовать эту тайну подобно путнику, который идет по пустыне и чувствует близость леса или моря, когда через раскаленные слои воздуха до него доходит прохладный ветерок. Но это только приближение. Пока тайна сама не заговорит с нами (А. Мень имеет в виду Евангелие. – *А. А.*), она все равно останется тайной (и даже когда заговорит, останется Тайной. – *А. А.*). И она открывает нам величие человека и человечность Бога» [19, с. 87].

Ученые-творцы о Тайне мира

В романтизме Тайна была, может быть, основным стержнем и мотивом образов, символов и размышлений. Я приведу некоторые мысли об этом ученых – творцов современной науки – именно потому, что бытует мнение о принципиальной враждебности науки всему таинственному. Я уже приводил достаточно выразительное в этом отношении кредо Д. И. Блохинцева. Вот он же: «Современный научный работник настолько поглощен своей профессиональной деятельностью, связанной с исследованием того или иного круга вопросов, что зачастую уже не удивляется самой возможности познания мира, его непостижимой красоте и гармонии. Но без этой способности удивляться вся картина Вселенной приобретает характер самоочевидной и скучной тривиальности. Тайна мира становится в таком случае не более чем «тайной» еще не прочитанного учебника. Для классиков науки, однако, было характерно иное мировосприятие» [20, с. 53]. Для Д. И. Блохинцева (так же, как для П. Дирака и многих других творцов науки) было достойно величайшего удивления, что, «руководствуясь принципом красоты... человеческий разум оказывается способным предсказывать возможные закономерности внешнего мира во Вселенной... Не значит ли это,

что наш разум посвящен в тайны мира, но не помнит, когда и где произошло это посвящение?» – спрашивал он [20, с. 54]. Мне кажется, что оно произошло на той самой трансцендентной, лежащей в области актуальной бесконечности родине, связь с которой воспринимается при глубоком погружении в созерцание.

Самое глубокое переживание человека – ощущение таинственности

А. Эйнштейн полагал: «Самое прекрасное и глубокое переживание, выпадающее на долю человека, – это ощущение таинственности. Оно лежит в основе религии и всех наиболее глубоких тенденций в искусстве и науке. Тот, кто не испытывал этого ощущения, кажется мне, если не мертвецом, то, во всяком случае, слепым. Способность воспринимать то непостижимое для нашего разума, что скрыто под непосредственными переживаниями, чья красота и совершенство доходят до нас лишь в виде косвенного слабого отзвука, – это и есть религиозность. В этом смысле я религиозен. Я довольствуюсь тем, что с изумлением строю догадки об этих тайнах и смиренно пытаюсь мысленно создать далеко не полную картину совершенной структуры всего сущего» [21, с. 176]. При этом следует отметить, что космическое религиозное чувство А. Эйнштейна было «не ведающим ни догм, ни Бога, сотворенного по образу и подобию человека» [21, с. 127]. «Один из наших современников сказал, и не без основания, что в наш материалистический век серьезными учеными могут быть только глубоко религиозные люди» [21, с. 129]. «Человеческий разум не способен воспринимать четыре измерения. Как же он может постичь Бога, для которого тысяча лет и тысяча измерений предстают как одно?» [21, с. 144]. Не принимая антропоморфного Бога, А. Эйнштейн имел в виду христианство.

Христианство принимает теоморфность Человека

На самом деле здесь он в плену новоевропейского рационализма и науки. В действительности христианство принимает не антропоморфность Бога, но теоморфность Человека. С этим связаны проблемы, уходящие в глубину философии и теологии («богочеловечества» и «человекобожества», совести и нравственности, свободы и ответственности и т.д.), на которых невозможно останавливаться в данном тексте.

Макс Планк об умственных процессах, которые желающая быть научной психология пытается представить в качестве «психологических механизмов»: «Эти процессы – божественные тайны, которые или совсем не поддаются объяснению, или могут быть освещены лишь в известной степени; пытаться проникнуть в их сущность было бы неразумным и самонадеянным» [22, с. 183–184].

Благоговейное отношение к Тайне мира

О благоговейной (религиозном) отношении к Тайне Мира (и Человека – это та же Тайна) писали практически все, кто достаточно глубоко задумывался над этой проблемой. А. Горбовский, книги которого посвящены в основном явлениям, выходящим за пределы науки, и могут быть очень полезными для расширения сознания, особенно в подростковом и юношеском возрасте, свою книгу «Иные миры» заканчивает так: «...я невольно думаю о самом навязчивом стремлении человека непременно получить ответы на все вопросы, чтобы освободиться от малейшей неопределенности. <...> Думаю, что как ребенок, взрослея, перестает бояться темноты, так и человек, более зрелый духовно, научится существовать рядом с тайной, не оскорбляя ее своим любопытством. Я говорю о человеке, свободном от навязчивого стремления все понять, во всем разобраться, всему дать анализ. Только мартышка каждый предмет, оказавшийся в поле ее зрения, пытается раскусить, обнюхать или попробовать его на зуб» [23, с. 234].

А вот не ученый и не священник, а жена писателя, Валерия Дмитриевна Пришвина: «С раннего детства мне было присуще ощущение значимости, неслучайности всего происходящего. Вот говорят: страшна старость, болезни. А я одного страшусь: потерять ощущение жизни как тайны. Это самое дорогое, что у меня есть» [24, с. 33].

Жить в присутствии Тайны, радостно принимать свое родство с ней учит религия. К тому же своим путем должна приводить и философия, которая, к сожалению, до сих пор плохо выполняла эту задачу.

Я привожу эти размышления не для того, чтобы аргументировать отказ от исследования Человека (в том числе и научного). Но любое исследование должно достаточно хорошо осознавать свои границы и степень общности выводов. Это возможно, если не теряется связь с всеобщим Началом, с позиций которого видны границы любого частного исследования и становится возможным не просто знание, но и понимание места этого знания в составе всеобщего Начала как Целого. Поэтому философия должна быть основанием любого рационального познания Человека (и Мира).

Человек должен периодически приходить к моментам созерцания

Я хочу обратить внимание в высказываниях Н.А. Бердяева на то, что «человек должен периодически приходить к моментам созерцания, испытывать благодатный отдых созерцания. Исключительный динамизм, непрерывный активизм или растерзывает человека, или превращает его в механизм. В этом ужас нашей эпохи» [18, с. 223].

Без этого периодически происходящего прихода к моментам созерцания, соприкосновения с актуальной бесконечностью, погружения в нее индивид не реализуется как человек. И такие «прорывы» разной силы и длительности с ним обязательно случаются в эстетическом созерцании, религиозном благоговении, в любви, в моментах творческого вдохновения, ощущения своего родства со всей жизнью и т. п. У разных индивидов они могут происходить в бесконечно разнообразных индивидуальных формах, достигать различной глубины (вплоть до мистических прозрений и описанного Р. Бёкком космического сознания), возникать более или менее часто или редко.

Человек, проходящий через состояние космического сознания

Хочу привести одну из характеристик состояния космического сознания по Р. Бёкку, имеющую отношение к парадоксальному восприятию Мира как бесконечного и в то же время целостного: «Человек, который проходит через состояние космического сознания, узнает в течение нескольких минут или даже моментов, пока длится это состояние, гораздо больше, чем в месяцы или даже годы ревностного изучения; узнает бесконечно много нового, чему не научит и не может научить его никакое изучение. Особенно ясно он получает понятие о целом, о таком необъятном целом, которое превосходит все представления, понятия и воображение обычного самосознания и в сравнении с которым все прежние попытки человека умственно охватить вселенную и ее значение кажутся ему ничтожными и смешными» [25, с. 86]. Одним из людей, переживших состояние космического сознания, Р. Бёкк считал Г. Державина.

Подростковость – юность есть начало и завершение одной из фаз рефлексии в онтогенезе

Это – важнейшие моменты реализации личности. В детстве они происходят самопроизвольно, во взрослом состоянии они могут забиваться заботами и тяготами наличного бытия, особенно погружением в современный мир вещной социальности.

И хотя эти моменты сопровождают (по крайней мере, должны сопровождать) человека в течение всей его жизни, кроме того, есть определенный ритм смены фаз рефлексии (преобладания созерцания над внешней предметной деятельностью) и трансцендирования (преобладания внешней деятельности над созерцанием). Подростковость – юность как раз и есть начало и завершение одной из таких фаз рефлексии в онтогенезе.

Созерцание в подростково-юношеском возрасте

О романтизме юности, любви, мечтах, идеалах, состояниях восторженного удивления красотой и таинственностью Мира, состояниях такой полноты и гармонии, что они кажутся полностью завершенными и вызывают готовность умереть, в мировой литературе написано

столько и с такой степенью глубины и выразительности, что здесь достаточно лишь упоминания об этом. В данном тексте я могу лишь сухо коснуться некоторых (далеко не всех) отличий юности от подростковости, позволяющих (и вынуждающих) рассматривать юность как подфазу, или ступень, противоположную ступени подростка.

Для подростка нет Тайны, он уверен, что наука обладает возможностью в принципе познать всё, поскольку всё должно уложиться в логику, которой он овладел (которая им овладела!), а это и есть логика науки. Поэтому он похож на того самого научного работника, для которого «Тайна мира становится... не более чем «тайной» еще не прочитанного учебника». Хотя одновременно всякая загадочность и таинственность притягательны для него, но скорее как фактор, который нужно устранить с помощью всемогущего рационального познания. Этому и должны служить его метафизические упражнения. Отношение к Миру как миру объектов, подлежащих познанию и использованию, *опосредует* и в значительной степени глушит пробивающееся изнутри, а иногда и вырывающееся из-под власти рассудка более глубокое эстетическое и религиозное восприятие Мира.

Назначение юности – вывести за пределы конечной предметности к непосредственному восприятию Мира

Для юноши таинственность, уводящая в бесконечность «несказанность» Мира выступают как необыкновенная, восхищающая его (в том числе и в христианском смысле этого слова) ценность, захватывающая его воображение и преобразующая весь эмоциональный строй его души, размывающая все, что опосредует его восприятие Мира (в том числе и сферу анализирующего рассудка). В этом и состоит «работа» и назначение юности: вывести за пределы субъект-объектного отношения, всякой конечной предметности и соответствующей деятельности к непосредственному восприятию Мира как «Ты» («благонамеренного», родственного, любящего мое «Я»).

Это углубление рефлексии на нашей схеме инверсии может быть наглядно представлено таким вневременным и внепространственным движением к Центру и одновременно к Бесконечно Удаленной Точке, которое выводит сознание далеко за пределы межпунктирной области, в положение вненаходимости к наличному ситуативному бытию. При этом наступает конец однозначности, возникает понимание бесконечной глубины «Я» и Мира, «сверхценные» идеи и построения рассудка (включая соответствующую философию) теряют статус сверхценности.

Переживание единства с Миром в предельной полноте открывает возможность любви как свободного дара

Эмоциональная сфера также преобразуется. Переживание единства с Миром в предельной полноте, граничащей с желанием смерти (нежеланием возвращения

в область наличного частичного и конечного бытия), открывает возможность любви как свободного дара от своей бесконечной полноты. И тогда возможно безусловное принятие Мира во всей его целостности. Состояние это, мне кажется, хорошо выражено в таких поэтических строках [26]:

Приемли мир и ничего не требуй.
Нам дали больше, чем мы взять могли.
Я ничего не вижу кроме неба
Да облаков, дымящихся вдали...

[В. Сидоров]

И становится возможным переход за пределы конечных норм морали к бесконечным принципам нравственности, за пределы справедливости (или кармы Востока) к покаянию и прощению:

Благословенны будьте травы
И воды в зелени оправ!
Виновных нет, все люди правы.
Но больше всех простивший прав.

[И. Северянин]

И юноша уже может пожалеть, простить и принять социальный мир взрослых со всеми его ограничениями и рассматривать его как нуждающийся в его работе, его духовной помощи. И чем глубже в себя (и соответственно, дальше вовне) он уйдет от мира социума и вообще мира наличного бытия, тем с большим личностным творческим потенциалом, с большей энергией он может вернуться, тем большим катализатором он явится для развития личности в кругу своего общения, тем больше шансов для него, став взрослым и окунувшись в нечеловеческий мир рыночных отношений современной цивилизации, сохранить совесть и способность к личностному общению.

Переживание любви как свободного дара

Затронув тему свободы и любви, я, к сожалению, в данном тексте не могу ее ни развернуть, ни обсудить ввиду ее глубины и обширности, а также необозримости посвященной ей литературы. Отмечу только, что переживание любви как свободного дара позволяет преобразовать и подростковую «гиперсексуальность» (как ее иногда называют) в эротическую любовь, в своей личностной форме связанную с любовью каритативной и агапической. Хотелось бы здесь еще сказать, что любовь в ее «первозданной» форме выступает как внутренняя сущность человека, его ипостась, такая же, как свобода

или разумность. Поэтому, например, М.М. Бахтин отмечал «абсолютную нужду» человека в любви [1, с. 47], а С.Л. Рубинштейн считал, что «любовь выступает как утверждение бытия человека» [9, с. 369], «как первейшая острейшая потребность человека» [9, с. 370]. И наконец, пример поэтического выражения ипостасного характера любви [26]:

...И если без предубежденья
На тайну древнюю взглянуть,
Любовь твое предназначенье,
Твоя единственная суть.
Твоей основой и моею
Ей быть от века суждено.
И это все, что я имею,
И это все, что мне дано.
Ее владельцем и слугою
Себя я чувствую опять.
И лишь ее, ничто другое
Я власть имею даровать.

[Валентин Сидоров]

Если индивиду удается (что в наших условиях весьма затруднительно) перейти в фазу взрослости, сохранив принесенные с горних высот духовный потенциал и творческую энергию юности, для него открывается и возможность стать творцом (это и будет полноценное трансцендирование), что и удалось, например, процитированным выше творцам философии, поэзии, науки. Так формируется духовная элита общества (в противоположность социальной).

Опасности перехода от подростковости к юности

Но переход от подростковости к юности – своего рода прорыв, в условиях современной цивилизации чреватый опасностями и срывами, а в наше время все более затрудняющийся. Именно об этом – у Александра Блока [27, с. 100]:

Пройди опасные года.
Тебя подстерегают всюду.
Но если выйдешь цел – тогда
Ты, наконец, поверишь чуду.
. . . .
Что через край перелилась
Восторга творческого чаша
И всё уж не мое, а наше.
И с миром укрепилась связь.

[Александр Блок]

И среди опасностей этого перехода одна из главных – преждевременная «социализация» подростка.

Типы коллективности: социальный и личностный

Два слова об основных типах (полюсах) коллективности.

Коллектив социального типа, в котором господствует социальная связь между индивидами (см. вышеприведенную схему социальных и личностных связей), характеризуется чертами:

1) ценность члена коллектива в его похожести на других его членов; бóльшая похожесть – сплоченнее и сильнее коллектив;

2) незаменимых людей нет: каждый может быть заменен другим, приносящим коллективу такую же (а еще лучше – бóльшую) пользу; эта польза (вклад) во многих случаях может быть измерена, а потому возможно и «распределение по труду»;

3) интересы коллектива выше интересов индивида («коллективистическая направленность» нашей психологии личности); это моральная основа отношений в коллективе.

Феномен личностного коллектива

Противоположность социальному – личностный коллектив:

1) ценность каждого члена коллектива в его непохожести на других, уникальности;

2) вследствие этой уникальности каждый незаменим; вместе они создают благоприятное «поле» всестороннего личностного развития; не может быть измерен «вклад» индивида, так как он состоит в основном в бытии, присутствии индивида в коллективе;

3) не может существовать интересов коллектива вне интересов индивида; каждый индивид эквивалентен всему коллективу, и не только данному коллективу, но человечеству в целом – основной принцип нравственности.

Личностный коллектив, мне кажется, близко подходит к тому, что А. Хомяков назвал «соборностью». Тогда к коллективу социальному подошел бы термин «сборность» или упомянутый К. Марксом «мнимая коллективность». Личностный коллектив, в отличие от социальных страт и групп, не имеет жестких границ, так как потенциально объединяет всех индивидов через отношение к бесконечному Центру.

Я не говорю здесь о многообразных следствиях такого различения коллективов для психологии и педагогики, но все же нужно отметить, что реальные коллективы всегда представляют собой «смесь» коллективности того и другого типа. В частности, это относится к раз-

личным подростковым группировкам. Многие из них, противопоставляя себя миру взрослых, группируются по общим интересам или целям, но сами эти интересы в большинстве случаев позитивно или негативно связаны с областью социальности и потому выхода в беспредельность актуальной бесконечности не определяют.

В юности происходит распад подростковых группировок

В юности подростковые группировки («стаи», как их еще называют) должны «расплываться», терять жесткие границы, распадаться, так как оказываются несовместимыми с принятием мира как целого, связанным с личностным развитием составляющих их членов. Но они могут распадаться и по противоположной причине: в результате «социализации» их членов, превращения их в социальных функционеров.

Фаза подросткового возраста распадается на две подфазы: собственно подростковость и юность

В юности снимается прагматизм подростка, и в хаотичность его внутренней жизни вносится упорядочивающее начало иерархии ценностей с вершиной, направленной в бесконечность. Нравственные принципы, побуждения и мотивы занимают место выше моральных норм, юридических законов и правил. Появляется способность понимать и прощать. Благоговейное чувство приобщения к бесконечной Тайне Человека и Мира, Тайне единства актуальной и потенциальной бесконечностей преобразует весь внутренний мир, смиряя и облагораживая мысли, чувства, цели и намерения. Оно создает антиспециализированность, открытость миру, способность преодолеть ограниченность наличного бытия, его тяжесть, механическую инерцию вещного мира. Создается возможность для личностного развития в антиличностных условиях, которая, к сожалению, все труднее реализуется. Полноценное прохождение подфазы юности – панацея от срыва с «гребня» обособления в эгоцентризм и конформизм.

Итак, я полагаю:

1) подростковый возраст связан с преобладанием рассудочной рефлексии;

2) он может быть рассмотрен как фаза онтогенеза личности, требующая обособления для внутренней работы становления личности как «целого в себе»;

3) фаза подросткового возраста распадается на две подфазы: собственно подростковость и юность;

4) полноценное прохождение обеих фаз позволяет перейти к взрослости, не растворившись в социуме, а сохранив и укрепив личностное начало и творческий потенциал;

Потребность подростка в «метафизике» и переход к юности

В подфазе подростка педагогические усилия должны быть направлены на то, чтобы, используя его потребность в «метафизике», помочь ему внутренне выйти за

пределы не только социальности, но и наличного бытия в область «последних вопросов». Показать ему невозможность постановки этих вопросов в рамках рассудочности. Выход за эти рамки и есть переход к юности. В подфазе юности использовать философию, религию, музыку, поэзию, романтическую литературу и т. д. – все, в чем человечество накопило потенциал трансцендентности и Тайны, чтобы дать индивиду не только помыслить, но и глубоко почувствовать бесконечность Человека и Мира и в то же время конечность Человека в его наличном земном бытии. Это научит его принимать и любить себя и наличное бытие во всем их несовершенстве, прощать и «миловать».

После этого можно надеяться (хотя в наше время и не слишком), что, включившись в мир «взрослости», наш индивид сможет сохранить дары юности и продолжать развиваться как личность. Слишком много социальных факторов мешает сегодня такому благополучному исходу. Среди них не последнее место занимает, я считаю, резонанс между онто- и филогенезом личности.

7. Фаза подростка и резонанс онто- и филогенеза личности в современной западной цивилизации

Новое основание для периодизации онтогенеза

Я уделил подфазе юности такое значительное место в очерке, во-первых, потому, что считаю ее одной из определяющих в личностном развитии, а во-вторых, потому, что именно важнейшее духовно-душевное содержание этой фазы, ее «предназначенность» для приобщения индивида к непосредственному восприятию бесконечности отношения «Человек–Мир» остается за пределами современной «научной» психологии и столь же наукообразной педагогики.

Теперь хочу обратить внимание на то, что *принцип смены фаз рефлексии и трансцендирования, по-видимому, может быть основанием определения периодизации протекания различных органических процессов*, в частности онтогенеза личности как в целом, так и различных его сторон. При этом следующие «одноименные» фазы могут быть похожими на бывшие ранее, и не только похожими, но воспроизводящими на новом уровне наиболее глубокое и важное для последующего развития содержание, извлекая его из глубин, где оно пребывало в скрытом виде как «свое другое».

Я не занимался исследованием периодизации онтогенеза, поэтому могу говорить об этом лишь в гипотетической форме. Например, мне представляются в некото-

ром смысле идентичными периоды раннего детства, юности и пожилого возраста.

Специфика различных периодов онтогенеза

Каждый период онтогенеза имеет свою специфику (на которой я не могу подробно останавливаться в рамках очерка), но для всех них характерно (при неискаженном «резонансом», о котором речь пойдет ниже, личностном развитии) непосредственное восприятие бесконечности отношения «Человек–Мир» как важнейшего, заключающего в себе все остальное.

Для ребенка это недифференцированное, неосознанное, радостное принятие Мира, связанное, прежде всего, с его отношением к матери (поэтому очень важно, что прежде всего мать, а затем и другие окружающие его взрослые могут быть для него Миром).

Для юноши – оно же, но являющееся основанием для размышления над «последними вопросами».

Для пожилого возраста – снова оно же, но как основание для переоценки смысла прожитой жизни, выхода за пределы профессиональных интересов. Это возраст выхода за пределы всех накопленных конечных знаний в область понимания и мудрости.

Переоценка смысла жизни

Позиций известных ученых, писателей, поэтов, музыкантов, а также просто людей, которые привыкли вести дневники, можно привести множество. Одна из них – упомянутая работа С. Л. Рубинштейна «Человек и Мир» [28]. По-видимому, ту же, указанную выше, основу имело изменение жизненной позиции, приведшее Л. Н. Толстого к уходу в конце жизни из дома. Громадный материал дают автобиографии, воспоминания, жизнеописания и тому подобные документы и свидетельства. Приведу одно, принадлежащее Максу Борну:

«В 1921 году я был убежден, и это убеждение разделялось большинством моих современников-физиков, что наука дает объективное знание о мире, который подчиняется детерминистическим законам. Мне тогда казалось, что научный метод предпочтительнее других, более субъективных способов формирования картины мира, – философии, поэзии, религии.

В 1951 году я уже ни во что это не верил...

Теперь я смотрю на мою прежнюю веру в превосходство науки перед другими формами человеческого мышления и действия как на самообман, происходящий от того, что молодости свойственно восхищение ясностью физического мышления, а не туманностью метафизических спекуляций» [29, с. 7–8].

Очень показательна в этом отношении также переписка-полемика 17-летнего Д. И. Блохинцева с 68-лет-

ним К.Э. Циолковским и полная переоценка Д.И. Блохинцевым своей позиции в этой переписке несколько десятилетий спустя. Д.И. Блохинцеву 17 лет, но в подфазу юности он, будучи по-советски воспитанным, еще не вступил. Это случилось позже, и семена, посеянные К.Э. Циолковским, по собственному признанию Д.И. Блохинцева, сыграли здесь большую роль.

Религиозное прозрение

Характерно, что с возрастом указанные фазы онтогенеза приобретают религиозную окраску, не всегда явно выраженную и не обязательно в плане той или другой определенной конфессии, хотя чаще это связано с конфессиональной направленностью религиозного воспитания в детстве. Например, принятие монашества Ф. Листом или К. Леонтьевым.

А. Тойнби писал о религиозном прозрении А. Бергсона: «Это *прозрение современного западного философа*, в преклонном возрасте (выделено мною. – *А. А.*) достигшего вершин знания, суммирует результаты пятивековых интеллектуальных исканий. Однако истина, с таким трудом давшаяся западным философам, открылась антропологам как истина «из уст младенцев и грудных детей» (Пс. 8, 3), ибо как бы ни был узок горизонт «дикаря» (горизонт его эмпирических знаний. – *А. А.*), душа его живет и движется в сверхчеловеческом измерении, которое современный гуманист упорно исключает из своего рассмотрения» [30, с. 409].

Интересно также, что фазы онтогенеза, противоположные названным, часто окрашены погоней за успехом, соревновательностью, прагматизмом, религиозным безразличием, иногда сопряженным с формальным исполнением конфессиональной обрядности, иногда же атеизмом и богоборчеством. Многие русские религиозные философы прошли в своей жизни подобные периоды.

Резонанс между сознанием подростка и вещной логикой взрослых

Теперь, если мы обратимся к филогенезу личности, то, по-видимому, он также должен проходить подобные фазы. В упомянутой выше статье в «Континенте» [5] я попытался с этой точки зрения показать антропогенез.

Я не берусь здесь рассматривать различные ее фазы, но хочу обратить внимание, что в ее современном состоянии господствуют вещные отношения и соответствующая рассудочная рефлексия, пронизывая собой науку, экономику, политику и «здравый смысл» обывателей. Я уже говорил ранее, что это та же форма рефлексии, которая, являясь новообразованием подфазы подростка, господствует в его сознании. Этот здравый смысл и логика той жизни, которую подросток видит вокруг

себя, в которую он погружен. Возникает резонанс между его сознанием и этой логикой, который еще многократно усиливается стараниями взрослых его «социализировать».

Помехи к личностному росту подростков

Этот резонанс удерживает и затягивает его, мешая его нормальному личностному росту, для которого необходимо обособление и переход в подфазу юности. Подсознательно в нем живет потребность вырваться из этого резонанса, который несет смертельную опасность его личности, грозит превратить его в «человека массы», включив во внешнюю деятельность. Он нуждается, образно говоря, в окукливании, чтобы стать бабочкой, а его пытаются путем социализации превратить в вечную гусеницу. Его воспитывают, учат, убеждают, уговаривают, подключая все средства массовой информации, что гусеницей быть хорошо, особенно жрущей больше других. Поэтому Х. Ортега-и-Гассет имел все основания сетовать: «Я хотел бы видеть в нашей молодежи стремление к внутренней дисциплине. Но я вижу обратное: поспешное стремление реформировать все внешнее – Мир, общество, государство и т. д., не произведя предварительно реформы внутреннего мира» [31, с. 9].

Массовая культура взамен духовной

Подростку предлагается «ирландское рагу» массовой культуры. И если в прежние века «духовная культура сквозь людей созерцала Бога», то теперь человек сквозь массовую культуру созерцает «чернуху», «порнуху» и «мокруху» (по выражению современных подростков), а в качестве Бога – большие деньги, вокруг которых все крутится и ради которых все совершается. Но даже если подросток поддается соблазну и принимает этот чудовищный античеловеческий мир, его подсознание, его глубинное «Я» влечет его к протестным формам поведения, включая употребление наркотиков, различные формы насилия и немотивированные поступки.

Наркотическое опьянение

Наркотическое опьянение, «балдеж» под рок-музыку (психический наркотик) – тоже формы обособления от социума, выход из резонанса за пределы конечных вещных форм. Но это экстаз без катарсиса, выход не в сторону любви, творчества и созидания, а в пропасть безумия и разрушения, что, мне кажется, также можно рассматривать как одно из проявлений кризиса и тупика западной цивилизации с рыночной экономикой в основе.

Деньги и всякого рода веселье

Деньги и всякого рода веселье, удовольствие и шутки (весьма низкого пошлого пошиба – достаточно посмотреть телепередачи, чтобы убедиться в этом) – главные «ценности» массовой культуры.

Секс как удовольствие и награда

Почетное место занимает секс как удовольствие, который также попадает в план использования – использования заложенного природой родового инстинкта размножения с соответствующей наградой в виде природно-телесного удовольствия.

Господствующая включенность в вещные отношения

Вещное отношение использования предполагает разработку соответствующей технологии, создается множество руководств, курсов и учебников по технологии секса, широко рекламируемых всеми средствами массовой информации, внедряемых в школьные программы и т. д. Беда в том, что это технологическое вещное отношение из подчиненного собственно человеческим, личностным отношениям становится господствующим. Если учесть, что «при акселерации развития физическая, включая сексуальную, зрелость достигается значительно раньше, чем зрелость юридическая и социальная» [13, с. 123], то становится понятно, что и здесь возникает резонанс, ведущий к вытеснению и замещению любви эротической, агапической и каритативной «любовью технологической», которой можно «заниматься». Следовало бы, конечно, в приведенной цитате заменить зрелость юридическую и социальную на зрелость душевную и духовную, поскольку юридическая и социальная, не будучи подчинена духовной, привязывает к тому же конечному наличному бытию, вырваться за пределы которого – главная задача личностного развития в подростково-юношеском возрасте.

Резонанс разрушителен на протяжении всего онтогенеза

Можно было бы практически бесконечно умножать примеры резонанса онто- и филогенеза личности в современной западной цивилизации. Я хочу отметить его искажающее разрушительное влияние на протяжении всего онтогенеза. Для детского возраста это соответствующие игрушки, например кукла Барби со всеми аксессуарами, начиная от «бойфрендов» до деталей одежды и обстановки, что лишает ребенка свободного полета игровой фантазии, привязывая одновременно к вещности мира взрослых. Хорошо известно (и используется в вальдорфской педагогике), что похожесть используемого предмета на игровой образ, создаваемый ребенком, ограничивает его творческую фантазию. Поэтому тряпка, свернутая им самим в форме куклы, дает для его душевно-духовного развития бесконечно больше готовой куклы.

То же относится к содержанию и форме детских компьютерных мультфильмов. Не говоря уже о содержании, как правило с элементами агрессии и насилия, само их компьютерное изготовление превращает их персонажей

в роботоподобных монстров, производящих жуткое впечатление своей античеловеческой механичностью. Вообще проникновение компьютеров в светлый человеческий мир ребенка чревато громадными потерями для его личностного роста (психологи отмечают, что раннее общение ребенка с компьютером тормозит развитие его общения с людьми, что неудивительно, так как раннее детство – возраст религиозного отношения к Миру, когда ребенок через общение с Богом учится общению с людьми, а ему вместо Бога предлагается компьютер).

Старость перестает быть возрастом мудрости

Что касается пожилого возраста, старости, то он перестает быть возрастом мудрости. Р. Штейнер однажды на вопрос, почему в наше время молодежь не уважает стариков, ответил примерно так (привожу смысл ответа по памяти): «А за что нас уважать? Мы не умеем стариться. Старея, мы не становимся мудрее, мы просто дряхлеем умственно и физически».

Воздействуя отрицательно на всем протяжении онтогенеза личности, резонанс имеет ярко выраженный пик именно в подростковом возрасте, так как резонирует его собственное новообразование – рассудочная рефлексия – с господствующей в социуме формой сознания и вещной формой отношений. (Например, даже связанная рассудочной рефлексией идея формальной справедливости, составляя содержание сознания подростка, лежит в основании так называемой западной демократии.) Этим, мне кажется, можно объяснить, отмечаемое исследователями (в том числе в книге М. Кле) отсутствие в других этносах и культурах самой «проблемы подростка», а также и то обстоятельство, что и в западной цивилизации проблема подростка как особой стадии онтогенеза возникла не ранее двух последних столетий, то есть приблизительно с того времени, когда вся система вещных отношений с соответствующей идеологией стала абсолютно господствующей в социальной жизни и сознании европейца и таким образом созрела почва для резонанса.

Отношение к преподаванию философии в младшей школе

Как философ я не могу не сказать еще об одном проявлении резонанса. Я имею в виду попытки ввести преподавание философии начиная с младших классов школы. Я отношусь к этим попыткам отрицательно по двум причинам. Первая состоит в том, что это не тот возраст, когда именно философское рациональное размышление о бесконечном отношении Человека к Миру в целом становится внутренней потребностью и необходимой ступенью онтогенеза личности. Такому размышлению должно предшествовать религиозное отношение (философия –

рациональная сторона этого более целостного отношения, захватывающего всего человека и потому способствующего становлению целостности внутреннего «Я»). В детском возрасте естественным является религиозное воспитание как база возможного в будущем развития философского взгляда на мир. Возраст, в котором наступает это будущее, – момент появления «метафизической интоксикации», внутренней потребности в философском размышлении (ранее говорилось, почему для нее невозможно отыскать внешних причин).

Религия закладывает в детстве тот фундамент, который, доживая до порога юности, иногда скрыто, глубоко в подсознании как «свое другое», через возникновение в сознании «последних вопросов», актуализируется и позволяет подростку преодолеть резонанс, чтобы войти в юность. Здесь может и должна помочь настоящая глубокая философия, связанная с размышлениями над «последними вопросами».

Резонансный подход к образованию подростка закрывает переход к юности

Вторая причина моего отрицательного отношения к преподаванию философии детям состоит в том, что, познакомившись с несколькими соответствующими программами, я увидел, что они пытаются привить ребенку в основном все те же навыки рассудочной логики, то есть «работают» на усиление резонанса. Это не только может помешать в будущем освоить глубокую философию, но и, усилив резонанс в подфазе подростка, закрыть дорогу перехода в юность, то есть в конечном счете не развивать личность, а штамповать «человека массы». Сторонники такого преподавания говорят, что дети уже могут осваивать философию. На это можно ответить, что они могут также осваивать наркотики и алкоголь, а двенадцатилетние девочки становиться проститутками или чемпионками по гимнастике, что вовсе не значит, что это положительно скажется на их дальнейшей личной судьбе. Иногда спонтанно появляющиеся у ребенка поразительные по глубине и мудрости высказывания и суждения – вовсе не результат рационально выстроенного размышления, а прорыв из безмерной глубины его «Я», посвященного в Тайну Мира, свидетельство его человеческой, данной априори, универсальности, еще не заглушенной социальной обыденностью (ср. блоковское: «заглушенные жизнию струны напряженной, как арфа, души», которые звучат, «когда не тревожит роковая нас жизни гроза», то есть опять-таки в момент «недеяния»).

Религиозное воспитание

Относительно религиозного отношения к Миру и религиозного воспитания должен сказать, что я имею в

виду, прежде всего, внеконфессиональное первичное отношение «Я–Ты», о котором очень, к сожалению, коротко было сказано в начале этого текста. Религия как особая деятельность, тем более связанная с определенной организованной конфессией, появляется лишь тогда, когда индивид начинает терять непосредственную, спонтанную связь с Миром как с «Ты» (которую, мне кажется, еще имеют маленькие дети, как и «дикари», живущие в «сверхчеловеческом измерении»). «Религия знаменует собой не только связь, но и удаленность человека от Бога. Она и сама в этом смысле есть до известной степени выражение греховного отпадения мира от Бога, ущербленного богосознания» – так на церковном языке выражает это С. Булгаков [32, с. 28].

Христианство – колыбель личности, но историческое христианство в форме христианской церкви того или иного направления претерпело секуляризацию, отделившую церковность от духовности и веры. А. Тойнби возлагает вину на церковь за бесчеловечие современной цивилизации: «Чудовищное рождение современной западной секулярной цивилизации из утробы средневекового западного христианского мира стало возможным благодаря ошибкам и грехам средневековой западной церкви, практически воплотившись через ренессанс эллинского института «абсолютного» государства, в котором религия стала одним из ведомств политики» [30, с. 531].

Парадоксы превращения отношения к Русской православной церкви

Еще в большей степени это относится к Русской православной церкви, Петром I превращенной в придаток государства и в советские времена при формальном отделении от государства фактически ставшей придатком ведомства госбезопасности. Наша нынешняя мода, когда вдруг все наши государственные мужи в единый миг стали верующими, когда по телевидению идет передача проповедей и торжественных служб вперемежку с рок-беснованием (последнего несравнимо больше, оно вытесняет с экрана практически всю культуру), едва ли может претендовать на «возрождение православной церкви». Церковь в глубоком кризисе. Может ли вообще историческая христианская церковь возродиться – вопрос сложный, на который, видимо, не может быть однозначного ответа.

Возможно ли христианство, свободное от «грехов» исторической церкви?

Возможно христианство, не связывающее себя «грехами» исторической церкви, внутренне свободное от догм, показывает пример многих мыслителей, в частности и представителей русской религиозной философии. Проблема в том, каким образом этот опыт

«религиозного свободомыслия» (в любых его формах: русской философии, швейцеровского «благоговения перед жизнью», эйнштейновского и блохинцевского преклонения перед Тайной, Красотой и Разумностью Мира) может быть реализован в воспитании. Что оно наказуемо, показывает трагическая судьба Александра Меня. Возможно, здесь может помочь опыт вальдорфской педагогики, предусматривающей религиозное воспитание, не связанное с той или другой исторической конфессией. По-видимому, в разном возрасте оно должно иметь различную форму (с учетом фазы развития), а также оставлять свободу для различий индивидуального восприятия и понимания. «Невозможно единообразное понимание единого и истинного Бога, ибо человеческая природа отмечена плодотворным многообразием, представляющим собою отличительную черту божественных трудов. Каждая человеческая душа воспринимает Его через свою призму...» [30, с. 526]. Таким образом, религиозное воспитание в современном мире – проблема, на которую я здесь могу только указать, поскольку погружение в нее требует специального исследования.

Разрушительная экспаисия современной западной цивилизации

Возвращаясь к проблеме взаимоотношения фило- и онтогенеза личности, которое дает пик резонанса современной западной цивилизации именно с подфазой подростка, можно сказать, что эта цивилизация сама «сорвалась» с «гребня обособления» в сторону эгоцентризма, а не личности и пребывает в глубоком кризисе. Мне кажется вполне вероятным, что М. Кле именно потому не видит ни кризиса подросткового возраста, ни качественного перехода между подростковостью и юностью, что к сегодняшнему дню «вещная обработка» детства западной цивилизацией стала столь успешной, что практически для массы подростков весь период детства стал сплошным процессом социализации, смазывающим прохождение противоположных фаз. Между тем этот внутренний «маятник» – «гвоздь» всего процесса формирования универсальности личности, ее способности выходить в сферу актуальной бесконечности.

Проблема воспитания российского подростка

Выше я писал о двух причинах, заставивших меня рассматривать именно западную цивилизацию. Но есть и еще одна причина, связанная, может быть, с самой острой и сложной для нас в настоящее время проблемой – проблемой России и, соответственно, воспитания нашего российского подростка в условиях нынешнего дня – ничем не сдерживаемой, разрушительной экспансии западной цивилизации. Я думаю, что эта проблема

требует углубленного исследования и обсуждения в различных аспектах. Здесь я могу только высказать необходимое, на мой взгляд, предупреждение: не копировать Запад, в том числе и в педагогике. Экспансия западных форм жизни и массовой культуры грозит уничтожить еще сохраняющийся в России (может быть, сегодня единственной в этом отношении стране) личностный потенциал. Правительство вкупе с различного рода мафиозными структурами и так называемыми «новыми русскими» по мере сил помогают этому уничтожению. Задача воспитания – также по мере сил противостоять этому разрушительному процессу.

Россия и русский подросток

Россия изначально в своей основе (а значит, и предназначенности) – не Восток и не Запад. А основа (здесь, безусловно, прав Н. Я. Данилевский) не может быть изменена. Например, рыночная экономика не может стать основой жизни России, так же как и демократия западного типа. Конечно, ее судьба может сложиться и таким образом, что она перестанет быть самой собою и не выполнит свое назначение. Но это будет ущерб не только для нее, но и для всего мира.

Об особенностях «русской души» сказано и написано очень много. Я не могу останавливаться на этом в настоящем очерке (очень коротко я коснулся этого вопроса в упомянутой статье в «Континенте»). Хотелось бы обратить внимание воспитателей лишь на следующие моменты: максимализм (способность к «беспределу» в положительном и отрицательном смысле) и связанные с ним диффузность сознания и поведения, недисциплинированность сознания и поведения, склонность к анархии, а также потребность в харизматическом лидерстве, суггестивность, широкая способность «заражаться» чужими идеями при недооценке своих собственных – все это обратная сторона универсальности, способности (и потребности!) выхода за пределы наличного бытия и высокого творческого потенциала.

Русскому нужна воля

Русского не удовлетворяют гражданские свободы и «права человека», ему нужна «воля». Подсознательно он «дикий», нецивилизованный и тем самым чем-то похож на дикаря в приведенной цитате из работы А. Тойнби. И потому он еще способен испытывать и глубокую, часто неосознанную потребность в религиозном отношении к миру, и настоящий метафизический голод (особенно при пробуждении рефлексии в подростковом возрасте). Вместе с тем как «дикарь» он легко «ловится» на разные соблазны и подмены (религиозное воспитание могло бы в какой-то степени предохранять его от этих заблуждений).

Восприятие русским подростком жизни Запада как свободы

Русский подросток воспринимает жизнь Запада как свободу, хотя на самом деле это более глубокая и тонкая форма рабства, чем господствовавший у нас идеологический пресс и запреты. Последние лежат на поверхности и порождают такой же поверхностный протест. Западная цивилизация «поверхностно» свободна, ограничивая поведение индивида лишь демократическим законодательством, гарантирующим к тому же гражданские права и свободы. Но привязывая человека к миру вещей и вещных отношений, делает его рабом в гораздо более глубоком и общем смысле, разрушая не только сознание, но и более глубокие образования его психики, причем это рабство гораздо труднее заметить. Герой сэлинджеровского романа «Над пропастью во ржи» протестует против него на подсознательном уровне. Это – не сознательный протест, это скорее бунт. Ему подвержены многие современные подростки. Он может быть «бессмысленным и беспощадным».

Ценности поверхностные и глубинные

Уберечь от экспансии западного образа жизни нашего подростка можно, только противопоставив поверхностным ценностям современного Запада ценности, более глубоко и целостно захватывающие душу подростка. Предпосылки к этому есть в самом подростке. (Я вижу эти предпосылки именно в тех качествах, которые принято считать отрицательными: например, в диффузности, расплывчатости сознания, означающей его открытость к радикально новому, бесконечному, в способности к положительному «беспределу», то есть в сохранении того «маятника», которого уже не видит в западном подростке М. Кле, и т. д. Эти качества играют определенную отрицательную роль при «социализации», но необходимы для личностного развития. Они же «обоюдоостры» и представляют «твердый орешек» для воспитателей.)

Ценности в системе воспитания и образования

Есть ли предпосылки к формированию глубинных ценностей в системе воспитания и образования? В юности происходит возрождение и реализация того непосредственного восприятия Мира, которое было заложено в раннем детстве. Что могут заложить в душу ребенка наши воспитатели детских садов и учителя младших классов? Кстати, одно из проявлений господства вещных отношений: считается, что для учителя-предметника нужна вузовская подготовка, а для воспитателя детсада и учителя младших классов достаточно педучилища. Между тем учителю-предметнику достаточно знать свой предмет, соответствующие методики и иметь элементарные навыки общения с детьми, а воспитатель

детсада и учитель младших классов в своем лице представляет ребенку весь Мир, включая и природу, и культуру, да еще в период, когда закладываются основы целостного восприятия Мира. Мне кажется, что в этот период к воспитанию должны допускаться лишь наиболее широко образованные, культурные, творчески одаренные люди, обладающие знаниями детской психологии, могущие войти в мир игры и фантазии.

Мир юности связан с реализацией духовно-душевного потенциала

Переход в фазу юности связан с основой, заложенной в раннем детстве, вернее, со степенью и формой (положенной этой фазе) реализации духовно-душевного потенциала, заложенного в человеке как таковом. Адекватная форма этой реализации – воспитание религиозного отношения к миру. И требуется найти форму, соответствующую этому возрасту (может быть, это окажется образ Христа как живой Личности). «Свободомыслящее христианство», о котором упоминалось выше, по-видимому, удел более поздней поры – перехода к юности (когда развившаяся рефлексия делает возможной и философию). Как справедливо отмечали многие исследователи, в том числе Л.С. Выготский: «Специфические воздействия среды, которые имеют решающее значение для направления развития в ту или иную сторону, оказывают свое действие только тогда, когда они приложены в определенный момент развития, а до и после оказываются одинаково неосновательными» [33, с. 23].

8. Современная научная литература о подростке «глазами философа»

В завершение этого философского очерка мне осталось взглянуть «глазами философа» на эмпирический и теоретический материал современной научной психологии и показать, как изменяется при этом интерпретация и само видение этого материала. Кроме того, мне хотелось хоть в какой-то степени расширить сознание психолога или педагога, который будет читать этот очерк, «окунуть» его в более широкий контекст проблемы подростка. Поэтому в очерке так много разнообразных ссылок, цитат и размышлений «вокруг и по поводу». При этом читатель, по всей вероятности, успел заметить, что среди этих ссылок, цитат, стихов, которыми я хотел дать почувствовать тот бесконечный, простирающийся за пределы рациональности мир, в который вступает юность, нет имен психологов и педагогов, кроме С.Л. Рубинштейна.

Литература по затронутым вопросам практически необозрима. К счастью, есть обзорные труды, которые позволяют выбрать некоторые примеры.

Человек как биосоциальное существо

Хороший обзор различных типов периодизации онтогенеза представлен в книге Р. Бернса «Развитие Я-концепции и воспитание» [34].

Характерно, что и сам автор, и описываемые им направления в психологии, как правило, исходят из представления о человеке как биосоциальном существе, напоминающем кентавра, у которого, скажем, сзади «био», а спереди «социо». Это «био» и «социо» представлено у разных авторов по-разному, а главное, им придается разный вес и значение в онтогенезе. Это представление о человеке как о сборном, составном существе сразу показывает неадекватность мышления (вещно-механистического) предмету (целостно-органическому), в котором началом может служить только целое, не могущее быть понято через свои части или стороны. Человеческое должно предшествовать в данном случае и биологическому, и социальному, а также и всему прочему в человеке, делая возможным понимание всех частей и сторон как проявлений этой целостности.

Например, касаясь подросткового возраста, автор книги пишет: «Поведение подростка часто парадоксально. Откровенный негативизм может сочетаться с явной конформностью, стремление к независимости – с просьбами о помощи. Сегодня он исполнен энтузиазма и энергии, а завтра мы видим, что у него опустились руки и он пассивно «плывет по течению». Эти резкие, контрастные перемены – характерные черты переходного периода от детства до того момента, когда общество признает человека взрослым. Это общественное признание взрослости определяется рядом критериев – обязанностью в полной мере отвечать за свои действия перед законом, возможностью полноправно участвовать в делах общества, вступать в брак и т. д. Во всех этих случаях возрастная регламентация варьирует в разных странах и может меняться с течением времени» [34, с. 170].

Социализация против актуальной бесконечности

Р. Бернс полагает, что глубокие внутренние душевно-духовные переживания, преобразующие личность подростка, кончатся в тот момент, когда социум преподнесет ему подарок: юридические права и обязанности и весь establishment, столь ненавидимый героем сэлинджеровского романа «Над пропастью во ржи». Мне это кажется просто смешным. Социализация против внутреннего «маятника», долженствующего своим размахом выводить в область актуальной бесконечности, переживание которой – необходимое условие личностного развития. Самое страшное здесь – большая, по вышеуказанным

причинам, успешность этой социализации, когда, например, М. Кле уже не видит здесь самой проблемы. (Кстати, если говорить о разных странах и временах, то согласно автору, придется считать, что в Древнем Риме подростковый кризис заканчивался в 40 лет, и только для мужчин, поскольку только сорокалетний мужчина получал все права римского гражданина.)

«Коулмен (1980), – писал автор, – выделяет два типа объяснений проблем переходного периода: психоаналитические и социально-психологические. Первые сосредоточены на психосоциальном развитии индивида и на эмоциональных взаимоотношениях в семье. Для объяснений второго типа характерно внимание к социальной жизнедеятельности индивида...» [34, с. 170]. Надо заметить, что психоаналитическое объяснение в конечном счете приводит к биологическому основанию.

Психоаналитический подход к юности глазами философа

В качестве примера психоаналитического подхода к юности Р. Бернс рассматривал позицию П. Блоса: «Блос (1962, 1967) рассматривает юность как процесс «второй индивидуализации» по аналогии с «первой индивидуализацией», которая, по его мнению, заканчивается к четырехлетнему возрасту. Как в первом, так и во втором случае перед ребенком стоят задачи адаптации, продиктованные необходимостью достижения большей зрелости. Если личность не успевает приспосабливаться к новым ситуациям, возникает опасность нарушения психического равновесия» [34, с. 171].

Посмотрим на это высказывание «глазами философа». «Первая индивидуализация» – рождение у ребенка отношения к себе как некоторому внутреннему самостоятельному центру, употребление местоимения «я» – общеизвестный эмпирический факт. Он имеет глубокую и интересную аналогию в антропогенезе (филогенезе личности). Схожесть между ним и юностью в разных отношениях также отмечалась многими авторами, как психологами, так и педагогами. Об отношениях между ними будет сказано несколькими строками ниже. Что касается задач адаптации к ситуациям, то на самом деле в этих периодах личностного развития стоит задача дезадаптации, непривязанности к конечно-определенным ситуациям, соприкосновение с Миром как целым, с бесконечностью, как об этом говорилось выше. Об опасности «нарушения психического равновесия» следует сказать прямо противоположное: об опасности именно самого психического равновесия, так как оба указанных периода связаны с глубокими радикальными переменами в понимании своего «Я» и Мира, с мак-

симальным отклонением описанного выше «маятника» от положения равновесия. Ни о каком «психическом равновесии» не может быть и речи.

Бегство в инфантильность

Похожесть переживаний юности на некоторые переживания раннего детства трактуется как пример «регрессии» – бегства в инфантильность от проблем юности, вносящих во «внутреннюю жизнь известный разлад». «Юноше, полагает Блос, нужно соприкоснуться с привязанностями своего младенчества и раннего детства, чтобы *избавиться* (выделено мною. – *А. А.*) от порождаемой ими напряженности его эмоциональной сферы; только после этого прошлое может изгладиться...» [34, с. 172]. Если же посмотреть на это «глазами философа», то это выглядит не как «регрессия», не шаг назад, а наоборот, как колоссальный скачок вперед в развитии личности, связанный всегда (такова логика развития органических систем) с погружением в основание, более глубокое, чем то, развитие на базе которого привело к кризису. Вторичный феномен «избавления» в данном случае маскирует собой сущность – погружение в более глубокое основание – непосредственное («Я–Ты») отношение с Миром как Целым, его преобразование уже на рефлексивно-сознательном уровне (развивается «метафизический голод» и «последние вопросы» становятся своими личными). «Изгладиться» должны создавшиеся в прошлом привязки и узлы в сфере конечного наличного бытия – семейные, социальные и т. п., но достигнутая в детстве ступень реализации личностного «Я», связанная с *непосредственностью* восприятия бесконечности, жизнью в ней, рационально не осознанной и тем более естественной, должна сохраниться. В юности она не изглаживается, а наоборот, продолжает углубляться и разветвляться, находя свое уже осознанное выражение в религиозном, эстетическом, эротическом, философском, нравственном и других отношениях к Миру Человеку, природе, жизни.

Р. Бернс писал [34, с. 172]: «Блос приводит целый ряд примеров юношеской регрессии»; «...примером может служить особое, характерное для юношеского возраста эмоциональное состояние, которое можно описать как «растворение» или полное слияние с кем-либо или чем-либо. В этом состоянии юноша способен всем своим существом проникаться такими абстрактными идеями, как красота или природа (каким образом они попали в «абстрактные идеи»? Возможно, неточность перевода. – *А. А.*), быть полностью захваченным политическими, религиозными или философскими идеалами.

Еще один пример возврата к инфантильным проявлениям – амбивалентность поведения юноши, его колебания от одной крайности к другой. <...> Эти колебания «могут стать причиной бунта юноши, не принимающего этой неустойчивой, противоречивой реальности» [34, с. 172].

Амбивалентность и колебания юности

Сначала об амбивалентности и колебаниях. На поверхностном уровне они могут выглядеть как инфантильность и страх перед неустойчивостью реальности. На более глубоком уровне их смысл совершенно другой. Колебания с захватом крайних полюсов – выражение глубокого внутреннего противоречия между открывшейся актуальной бесконечностью и наличными социальными формами бытия, это бунт не против неустойчивости этой реальности, этого «истеблишмента», обыденщины и поденщины, по выражению Д. И. Блохинцева, а наоборот, против ее *сверхустойчивости*, трудности ее преодоления на пути выхода в бесконечность.

Этот экстатический выход может и должен сопровождаться катарсическим «растворением», «слиянием», в определенной степени самоотождествлением. Но с кем или с чем? И это, пожалуй, один из самых острых для психологии и педагогики вопрос. Человек должен входить в такие отношения только с тем, что (или кто) несет на себе «дыхание бесконечности». Красота и природа в этом случае подходят, а вот, например, политические идеалы – нет. Дело в том, что человек (особенно в юности) склонен наделять бесконечностью, открывшейся ему в нем самом и Мире, объекты, зачастую в действительности ею не обладающие. Тогда происходит то, что в христианстве называется «подмена». Например, потребность русского человека в харизматическом лидерстве привела к культу Ленина, затем Сталина. Таким образом, то, что П. Блос считал «регрессией», в действительности является абсолютно необходимым моментом подфазы юности, открывающим ворота для входа в личность.

Задача педагогики – спасти юношество от подмен

Спасти юношество от подмен – прямая и очень сложная задача педагогики. Не вдаваясь в эту сложность и глубину, можно сказать, что религиозное отношение к Миру, заложенное в детстве, может помочь решению этой задачи в юности.

Очень немного места в своей книге Р. Бернс отводит описанию социально-психологического подхода: «Для социально-психологического подхода главными понятиями в анализе юности являются социализация и роль» [34, с. 174]. Я также не буду на нем останавливаться. Во-первых, потому, что достаточно много уже

говорил об этом в очерке, а во-вторых, потому, что «социальная сущность человека» уже набила оскомину при чтении сочинений наших психологов (вплоть до предисловия и комментариев к рассматриваемой книге). Человек здесь при всех вариантах этого подхода в конце концов остается «биосоциокентавром». С предпочтением «социо».

Юность на пересечении психоаналитического и социологического подходов

Р. Бернс значительное внимание в разных местах книги уделяет Э. Эриксону, считая его авторитетной фигурой в западной, особенно американской, психологии и педагогике. «Научно-теоретический синтез Эриксона (1963) можно рассматривать как соединение двух описанных выше подходов к изучению проблем юношества. По Эриксону, биологическое созревание и биологические побуждения взаимодействуют с социальными ролями, ожиданиями и требованиями на всем протяжении жизни человека. Это взаимодействие на каждой стадии развития приводит к возникновению кризиса» [34, с. 176]. Таких стадий Эриксон насчитывает восемь. На каждой из них – своя форма установления «идентичности». «Если рассматривать юность на пересечении психоаналитического и социологического подходов, как это делает Эриксон, то эту пору жизни можно определить как период физической зрелости и социальной незрелости: то есть ребенок гораздо раньше становится взрослым в плане физиологии, чем способным эффективно принимать на себя взрослые роли» [34, с. 195]. (Х. Ортега-и-Гассет охарактеризовал эти взрослые роли, назвав XX век веком самодовольных недорослей.) Дальше выясняется, что все дело в последовательном принятии взрослых ролей: «Важнейшим механизмом формирования идентичности являются, по Эриксону, последовательные идентификации ребенка со взрослыми. Возможность таких идентификаций составляет необходимую предпосылку развития, ибо психосоциальная идентичность в конечном счете возникает как их постепенный синтез. Если между различными моделями, с которыми идентифицируется ребенок, возникает конфликт, он выражается в соответствующих психологических проблемах ребенка» [34, с. 199]. Итак, ребенок идентифицируется с психосоциальными «моделями». Ни о какой бесконечности, а следовательно, и личности не может быть и речи.

Восемь стадий онтогенеза человека не имеют под собой научного обоснования

Э. Эриксон различал восемь стадий онтогенеза человека, каждой из которых он приписывает пару противоположных характеристик, таких, например, как доверие – недоверие, самостоятельность – нерешительность,

предприимчивость – чувство вины и т. д., считая их определяющими развитие на данной стадии. Однако никакого общетеоретического принципа ни для выделения этих стадий, ни для характеристик каждой из Э. Эриксон не делал. Складывается впечатление, что эти стадии взяты частично чисто эмпирически, частично подогнаны к стадиям, выделяемым классическим психоанализом, и вообще ad hoc.

Периодизации Л.С. Выготского, А. Н. Леонтьева, Д. Б. Эльконина и, например, В. Ф. Моргуна и Н. Ю. Ткачевой [35], исходящие из «деятельностного подхода», при всей односторонности этого подхода (о чем говорилось выше) выглядят несравненно глубже, теоретичнее и обоснованнее.

Подводя итог, можно сказать, что все три подхода, разобранные Р. Бернсом, никакого серьезного отношения к личности иметь не могут, оставаясь в рамках упомянутого представления человека как кентавра, задняя часть которого – «биологическое», а передняя – «социальное». При этом психоаналитики предпочитают «зад», социопсихологи – «перед», а Э. Эриксону нравится и то и другое.

Можно было бы взглянуть с точки зрения философии и на другие направления психологии. Некоторые из них (например, юнгианская психология, гештальт-психология, гуманистическая психология и т. д.) при этом выглядят более глубокими и привлекательными, чем приведенные выше, но последние считаются наиболее на сегодня репрезентативными.

Подросток в понимании советской психологии

Что касается советской психологии, то я уже обращал внимание на ее идеологически-заклинательный характер и замкнутость в материализме, что вовсе не исключает интереснейших наблюдений, находок и отдельных соображений.

Приведу два примера из книги «Психология современного подростка»: «Если в 10–11 лет 88 % подростков активно положительно относятся к общественно полезным делам, то в 13–14 лет это число сокращается до 71 %, а к 15 годам – до 56 %» [36, с. 129]. Авторы фактически «засекли» наступление во внутреннем развитии фазы рефлексии, связанной с обособлением, с «окукливанием», необходимым для превращения в бабочку. Не предполагая этого изначально, они видят внешние причины такого «неблагополучия» в недостаточном прессинге «целенаправленно организованной системы деятельности». Авторы озабочены «формированием коллективистического отношения подростков к организационно-

общественной деятельности». Изучая в этом отношении воспитанников школы-интерната, они разделили их на шесть групп. К первой были отнесены «подростки с активно положительным коллективистическим по своим мотивам отношением к организационной деятельности». Таких оказалось 10 %. Ко второй – «с активно положительным эгоистическим отношением к рассматриваемой деятельности». Их было 23 %. К третьей – «с активно отрицательным отношением» – 10 %. К четвертой – «открыто противопоставляющие себя коллективу, с активно отрицательным отношением к организационной деятельности» – 17 %. К пятой – «с пассивно-индифферентным отношением к рассматриваемой деятельности, но при коллективистической направленности личности» – 13 %.

К шестой – «с пассивно-индифферентным отношением к организационной деятельности и эгоистической направленностью личности». Они стараются уклониться от всякой деятельности – 27 % [36, с. 140–142].

Воспитательные рецепты

Образец для авторов – первая группа. Для каждой из остальных предлагаются воспитательные рецепты, помогающие им «исправиться» и стать похожими на первую. Таким образом, происходит нивелировка уникальных, неповторимых личностей, каждая из которых к тому же, возможно, проходит свою фазу развития. В том числе такую, которой «коллективность» противопоказана. Либо они станут бунтарями (их, возможно, много в четвертой группе, кажущейся мне наиболее перспективной в плане личностного развития. Вспомним сэлинджеровского героя), либо воспитатели их сломают, превратив в безликую массу или что-то подобное замятинскому «Мы».

Лишь два пути раскрыты для существ,
Застигнутых в капканах равновесья:
Путь мятежа и путь приспособленья.

[М. Волошин]

Вопрос о необходимости придания социальной значимости художественной деятельности

Интересно, что в книге «Психология современного подростка» [36, с. 140–142] говорится о том, что художественная и спортивная «деятельности» также должны быть связаны с общественной пользой. Но вот беда: «...количество подростков, ответивших: «Когда я рисую, я отдыхаю» (16,8 %), в четыре раза превышало число детей (4,3 %), руководствовавшихся в изобразительной деятельности мотивом пользы для людей, общества» [36, с. 149]. Этот «непорядок», конечно, должен

быть исправлен: «По-видимому, одним из наиболее эффективных путей совершенствования эстетического воспитания и художественного образования является придание художественной деятельности социальной значимости, то есть превращение ее в вид общественно полезной деятельности» [36, с. 150]. Насколько же мудрее эти 16,8 % подростков своих воспитателей, способных такое написать!

Приблизительно такая же картина во всех психологических и педагогических сочинениях наших ученых.

Педагоги-новаторы

Но существуют педагоги-новаторы (некоторые из них превращаются в бунтарей), педагогический талант которых прорывается сквозь «научную» психологию и педагогику и даже сквозь непробиваемую стену нашей системы образования. Иногда это удается целым педагогическим коллективам. Таким, например, как школа № 734 в г. Москве, основанная А. Н. Тубельским. Они экспериментируют, ищут и интуитивно находят замечательные методы и приемы воспитания личности. Они сами действуют как личности, потому находимые ими методы являются их собственными, связанными с их личностью и соответствующим личностным коллективом. Они могут служить примером, будить мысль и интуицию, но не могут быть скопированы или механически заимствованы другими педагогами (другими личностями) или коллективами. Но иногда «ученые» психологические и педагогические сочинения дезориентируют их, сбивают с толку.

Пример личностного воспитания подростков

Существует замечательная книга О. В. Лишина и А. К. Лишиной «Это нужно живым» [37]. В ней рассказывается об одном из эффективных путей личностного воспитания подростков, и не только подростков, так как многие из участников этой работы уже давно вышли из подросткового возраста, поскольку она ведется с 1981 года. Это поиск и захоронение непогребенных останков солдат Великой Отечественной войны, сопровождаемые попытками установить их имена и судьбы. Книга хороша, прежде всего, по тону и образности рассказа. Она вызывает глубокое сочувствие к павшим на полях сражений и восхищение работой отрядов поисковиков – подростков, отыскивающих, откапывающих в труднейших условиях эти останки, отмывающих кости, собирающих любую информацию о погибших. Книга рассказывает, как формируются эти отряды, как постепенно меняется психика ребят, возникают коллективы личностного типа (очень коротко о таких коллективах говорилось выше), представляющие собой благоприят-

ную среду для развития нравственной личности. Эта книга о «вечной памяти» и нашем «беспамятстве», о равнодушии и черствости наших общественных и социальных организаций.

Громадный дар воспитателей

Книга обнаруживает горячую личную заинтересованность авторов – практических организаторов отряда «Дозор», их громадный дар как воспитателей и одновременно... непонимание всей глубины и серьезности того, что они делают. Здесь тоже говорится о потребностях общества, коллективистической и индивидуалистической направленности личности [37, с. 68–69]. Здесь замечательные, идущие от сердца слова против индивидуализма и одновременно неразличение индивидуальности и личности [37, с. 17], коллектива, связанного совместной деятельностью, и коллектива личностного [37, с. 74]. Много очень интересного говорится о коллективности, как ее понимают авторы. И все это, мне кажется, требует корректировки, поскольку не говорится о том главном, чего практически достигают в своей работе поисковые отряды. Это главное – непосредственное соприкосновение поисковиков с «последними вопросами», со своим глубинным личностным «Я», а следовательно, с бесконечностью и Тайной себя и Мира.

Соприкосновение со смертью – сильнейший стимул переоценки жизненных ценностей

Соприкосновение со смертью – один из сильнейших стимулов переоценки ценностей жизни и придания им правильной иерархии и смысла. В христианстве это называется «памятование смерти». Безусловно, это сильнейший фактор, способствующий катарсическим переживаниям, преобразующим внутренний мир каждого и ведущий к преображению коллектива. Этот же выход дает колоссальную энергию и положительный эмоциональный заряд, без которых участники поисковых отрядов просто не смогли бы делать то, что они делали. Иногда внутренний выход за грань обыденщины совершается как мгновенный прорыв или озарение. Вот как об этом пишет девушка 16 лет: «В самый последний день раскопа я вдруг осознала, что омываю в озере кости людей, которые не намного старше меня, которые жили на земле и которых сейчас уже нет. Это был момент прозрения. Я сидела, задумавшись, не больше трех минут, но эти три минуты показались мне очень длинными» [37, с. 7].

Это выход в область духа, актуальной бесконечности...

Это выход в область духа, актуальной бесконечности, трансцендентную не только социальности, но и всем конечным формам наличного бытия. Только в одном месте книги [37, с. 88] я встретил намек на понимание выхода в эту область: «И тем не менее наша работа не

допускает чисто утилитарного подхода, необходим подход духовный. Иначе – зачем собирать в земле старые кости? Чтобы снова уложить их в землю, только в другом месте?» Прекрасно! Я бы только снял слово «чисто», так как, согласно авторам, выходит, что все-таки первенство сохраняет подход утилитарный (хотя все содержание и тон книги направлены против него), но «загрязненный» духовностью. Мне кажется, здесь более подходящим обратное отношение. И, кроме того, я добавил бы еще один вопрос: «Какая от всего этого социальная польза?» Здесь я больше не могу говорить об этой книге, она заслуживает более обстоятельного разговора.

Воспитание детской души по В. Зеньковскому

Несколько слов я должен сказать о книге В. Зеньковского «Проблемы воспитания в свете христианской антропологии» [38]. К сожалению, я познакомился с ней, когда настоящий текст был уже написан, и потому могу о ней лишь кратко упомянуть, хотя она заслуживает большого и серьезного разговора.

Дело в том, что я встретил в ней идеи, касающиеся положения философии, психологии и педагогики в современной цивилизации, близкие к тем, которые в течение многих лет я сам пытался «проповедовать» доступными мне средствами (главным образом в курсах и циклах лекций, поскольку доступ к их публикации был закрыт) и к которым я пришел по другим основаниям, чем В. Зеньковский. Здесь для меня один из случаев описанной мной в упомянутой статье о С. Л. Рубинштейне «конвергенции», которая, как и во многих других случаях, доходит до совпадения применяемых терминов*.

Периодизация онтогенеза как смена противоположных фаз

В. Зеньковский предложил периодизацию онтогенеза как смену противоположных фаз. Причем основанием различения фаз служит либо уход в божественную свободу и бесконечность, либо адаптация к наличному социальному бытию. Написано это прекрасным, образным и настоящим культурным русским языком, от которого нас усиленно отучают средства массовой информации (особенно телевидение и радио) и наши политики и общественные деятели. Язык книги В. Зеньковского напоминает мне язык некоторых мест работы С. Л. Рубинштейна «Человек и Мир». Не могу не привести хотя бы несколько отрывков.

«Раннее детство»: дитя дышит дыханием бесконечности

Из описания «раннего детства» (по Зеньковскому – от грудного возраста до 5,5–7 лет): «То, что сквозь внеш-

* Например, у В. Зеньковского я встретил термины «фаза» и «дыхание бесконечности», которыми сам широко пользовался. Причем примерно в том же значении, что и В. Зеньковский.

нюю оболочку физического или социального мира для детской души раскрывается таинственная и манящая к себе сфера смыслов, которые дитя пытается постигнуть, – что детская душа наполняется горячим и страстным желанием проникнуть в ту светящуюся сферу, откуда лучи освещают для него мир, – что дитя не просто живет в мире, не просто ориентируется в нем и приспособляется к нему, но любит мир, живет горячим и страстным к нему интересом, стимулирующим всю психическую жизнь – это является величайшим свидетельством того, что и в ребенке идет подлинная духовная жизнь, зажигающая его душу влечением к Бесконечности» [38, с. 107]. «Не зная ни умом, ни в слове, что в нем зреет, дитя дышит этим дыханием бесконечности – просто, беспечно, наивно, но и непосредственно, живо, глубоко» [38, с. 111].

«Второе детство»: стремление приспособиться к миру социальной жизни

Период «второго детства» (от 5,5–7 до 11,5–13 лет): «...кончается период благодатной целостности, детская невинность исчезает навсегда – дитя устремляется к миру. Отсюда же характерные черты, которые мы находим во втором детстве – стремление приспособиться к миру и людям, к порядкам и законам природы и социальной жизни... духовная жизнь, почти всецело обращенная в эту сторону, сразу мелеет, теряя ту перспективу Бесконечности, в которую еще недавно она уходила всей душой» [38, с. 114]. «Для религиозной жизни пора второго детства в общем неблагоприятна» [38, с. 115].

«Отрочество»: уверенность в правоте своего мира и вкус к асоциальности

О подростке («отрочестве», от 11,5–13,0 до 15–16,5 лет): «Острый и упорный ирреализм, нежелание считаться с реальностью, уверенность в праве жить своим миром и придает всем замыслам и желаниям характер мечты, которая изолирует подростка от социального мира. Этот период, тоже по контрасту и с ранним и вторым детством, имеет большой вкус к асоциальности – к уединению и одиночеству, к трагической непонятности и ненужности никому, вообще к оторванности от всего и от всех» [38, с. 118]; «...намечается болезненный, но почти неизбежный, можно даже сказать, нормальный (для юношей) разрыв сексуальности и эротики...»; «...объективный анализ легко устанавливает связь этого нового самоощущения, мечтательности, обособления, морального импрессионизма с цветением поля, которое подводит подростка к внутренней бесконечности, к внутренней бездне. Бессознательное ощущение бесконечности, бездонности того, что в нем живет ныне, духовно отрывает от мелководья реализма, увлекает на безбрежный простор того неясного и темного, но сильного, сладостного, что трепещет в глубине души»; «Наступает

странный рецидив того, что было в раннем детстве... Воображение занимает непомерное место в душе, но оно не преображает, не одухотворяет реальность, как в раннем детстве, а наоборот, устраняет реальность, заменяет ее» [38, с. 119].

«Юность» – период внутреннего единства и творческой целостности

О юности (от 15–16,5 лет до наступления зрелости): «Диалектика духовного и психофизического развития подходит к своему завершению, когда наступает юность, синтетически соединяющая все предыдущие периоды, чтобы дать возможность личности вступить в новую фазу – зрелости. <...> Наконец, от отрочества в юность привходит могучая сила пола, но как бы укрощенная и просветленная в светлом развитии эроса, обычно находящего свой объект, в восторженном поклонении которому расцветают все лучшие силы души. Юность, по существу, является периодом органическим, периодом внутреннего единства и творческой цельности, периодом увлечений и вдохновения, энтузиазма и доверчивого отношения к миру и людям. Юность богата силами, полна творческих замыслов, поразительна в своем идеализме, смела, порывиста, но вместе с тем добра и великодушна» [38, с. 121].

В. Зеньковский писал о нормальных фазах развития...

По причине, указанной выше, я оставляю книгу В. Зеньковского без комментариев. Приведением этих отрывков я хочу «заманить» читателя, сподвигнуть его на прочтение этой книги. Кроме того, мне хочется поставить вопрос: книга была написана шестьдесят лет назад. Много ли найдется сейчас детей, которым уготовано пережить такое детство и такую юность? Между тем это – нормальные фазы развития полноценной личности. А те, кому это удается, сумеют ли в наступающем на нас мире рыночной экономики сохранить «дары юности»?

Заключение

Сущностные цели данного очерка

В заключение я должен сказать, что преследовал в очерке две довольно определенные и узкие цели: 1 – спасти нашего подростка от психологов и педагогов, желающих его во что бы то ни стало социализировать; 2 – показать, что философия необходима психологу и педагогу для того, чтобы он не был в положении человека, который не ведает, что творит. Поэтому изложение было сконцентрировано именно на этих целях, что оставило за бортом многие не менее, а может быть, и более важные вопросы, в том числе и касающиеся подростка (например, не развернуты или вовсе не затронуты вопросы о свободе и ответственности, о любви, о противоположности морали и нравственности, «последние вопросы» только упомянуты, хотя существует

огромное количество литературы, посвященной их обсуждению. То же можно сказать о религии и церкви и т. д.). Но зато затронутые в очерке вопросы мне хотелось изложить не «наукообразно», а подключив к ним разнообразный материал, который мог бы затронуть эмоциональное восприятие читателя, прорвав его представление о человеке, навязанное господством вещности, в том числе и наукой. Может быть, «прорвав» – это слишком громко сказано. Ну хотя бы сделав в нем некоторые «дыры».

Смена фаз в онто- и филогенезе личности

Идея смены фаз в онто- и филогенезе личности, вводящая в это развитие обязательное соприкосновение с областью актуальной бесконечности, представлена здесь в самой общей форме: как гипотеза, могущая служить одним из возможных оснований для периодизации онтогенеза.

Фазы обрисованы грубо и схематично, чтобы подчеркнуть главное – их противоположность друг другу. Почти ничего не сказано о фазах, где трансцендирование господствует над рефлексией, то есть фазах, для которых включение в общество – естественный процесс. Все изложение было связано с подростковым и юношеским возрастом, где определяющей, по моему мнению, является рефлексия.

При этом фазу рефлексии, включающую в себя созерцание, нельзя представлять как непрерывный покой и неподвижность, хотя такие моменты (созерцание) необходимо в ней присутствуют. Она может сопровождаться разнообразной деятельностью, но важно то, что внутреннее состояние и переживание реальности не задано этой внешней деятельностью, предметностью. Оно определяется трансцендентной глубиной отношения с Миром как Целым.

Философия необходима психологу и педагогу

Что касается второй цели – показать, что философия необходима психологу и педагогу, то я попытался взглянуть «глазами философа», главным образом, на «наукообразные» направления психологии, включая советскую. Я полагаю, что они приносят наибольший вред подростку, воспитанию вообще, да и самим психологам.

Например, «трансперсональная» и гуманистическая психологии стоят в этом отношении особняком, и философский разговор о них также должен быть особый. О моем отношении к гуманистической психологии читатель может узнать из рецензии [39].

Натиск новых глубоких и соблазнительных подмен

В последних строчках очерка мне хотелось бы обратиться ко всем, кто так или иначе имеет отношение к воспитанию наших подростков. Ситуация крайне сложная. С одной стороны, уничтожение идеологического пресса,

штамповавшего социальных функционеров и конформистов, как будто бы открывает дорогу воспитанию личности; с другой стороны, хлынувшая в образовавшийся вакуум и связанная с господством рыночных отношений идеология индивидуализма, вещизма и ее продукт – «массовая культура» являют собой более глубокую, тонкую и соблазнительную подмену всего собственно человеческого и личностного, угрожающую стереть все своеобразие России и, включив ее в систему западной цивилизации, лишить собственной исторической судьбы.

Филогенез личности в западной цивилизации застрял на уровне подросткового самосознания

Филогенез личности в западной цивилизации «застрял» на подфазе подростка, специализировался на ней, остановился и начал разлагаться. Резонируя с соответствующей подфазой онтогенеза, он препятствует переходу индивида в фазу юности.

В мире нашего подростка мы имеем, возможно, реликтовый материал – существо, из которого может произрасти подлинная личность

Дорогие воспитатели! В лице нашего подростка вы имеете уникальный, может, уже в какой-то степени «реликтовый», материал – существо, из которого может вылететь бабочка личности. Не препятствуйте пройти ему фазу «окукливания». Помогите, а не терзайте, не разрушайте, не превращайте в вечную гусеницу (пять с лишним миллиардов гусениц дожевывают нашу прекрасную планету). Для такой помощи не пригодны «научные» штампы. Нужны любовь и глубокое понимание воспитателем того, что он делает (сравните хотя бы язык В. Зеньковского со штампованным языком «научной» психологии). Разумеется, для этого вы должны сами включиться в процесс становления самого себя как личности. В наших условиях это очень трудно, но все же легче, чем в условиях господства рыночной экономики. Вспомните, что «не боги горшки обжигают», что «под лежачий камень вода не течет». Удачи вам в этом трудном, но благородном деле!

Август – сентябрь 1994 г.

---

1. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. – М., 1979.

2. *Арсеньев А.С.* Мышление психолога и проблема личности // Ежегодник «Культура, традиции, образование». – М., 1990. – Вып. 1. – С. 193–219.

3. *Айламазьян А., Розин В.* Культурная миссия или нашествие марсиан? // Человек. – 1991. – № 6. – С. 15–21.

4. *Арсеньев А.С.* Размышления о работе С. Л. Рубинштейна «Человек и мир» // Вопросы философии. – 1993. – № 5. – С. 130–160.

5. *Арсеньев А.С.* Глобальный кризис современности и Россия (заметки философа) // Континент. – 1992. – № 3 (73). – С. 132–161.

6. *Маркс К., Энгельс Ф.* Глава о капитале // Собр. соч.: в 48 т. – Т. 46. – Ч. I. – М., 1974.

7. *Кле М.* Психология подростка. – М., 1991.

8. *Колосов Д.В., Мягков И.Ф.* Учителю о психологии и физиологии подростка. – М., 1986.

9. *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. – М., 1976.

10. *Швейцер А.* Благоговение перед жизнью. – М., 1992.

11. *Сент-Экзюпери А. де.* Планета людей. – Кишинев, 1973.

12. *Юнг К.Г.* Один современный миф. – М., 1993.

13. *Личко А.Е.* Подростковая психиатрия. – Л., 1985.

14. *Арсеньев А.С.* Мышление психолога и проблема личности // Культура – традиции – образование. Ежегодник. – М., 1990. – С. 193–219.

15. *Торо Г.Д.* Уолден, или Жизнь в лесу. – М., 1986.

16. *Блохинцев Д.И.* Две ветви познания мира // Техника молодежи. – 1982. – № 3. – С. 18–28.

17. *Блохинцев Д.И.* Очерки по материалистической философии (рукопись).

18. *Бердяев Н.А.* Самопознание. – М., 1991.

19. *Мень А.* Сложность жизни // Знание – сила. – 1993. – № 1. – С. 83–88.

20. *Блохинцев Д.И.* Теория познания и современная физика. – М., 1984.

21. *Эйнштейн А.* Статьи, рецензии, письма. Эволюция физики // Собр. соч. в 4 т. – Т. 4. – М., 1967.

22. *Планк М.* Единство физической картины мира. – М., 1966.

23. *Горбовский А.* Иные миры. – М., 1991.

24. *Графова Л.* Живу я в мире только раз. – М., 1984.

25. *Бёкк Р.* Космическое сознание. – Петроград, 1915.

26. *Сидоров В.* Ключ. – М., 1982.

27. *Блок А.* Избранное. – М., 1975.

28. *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир // Проблемы общей психологии. – М., 1976. – С. 253–381.

29. *Борн М.* Физика в жизни моего поколения. – М., 1963.

30. *Тойнби А.* Постижение истории. – М., 1991.

31. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. – Нью-Йорк, 1954.

32. *Булгаков С.* Свет невечерний. – М., 1917.

33. *Выготский Л.С.* Умственное развитие детей в процессе обучения. – М. – Л., 1935.

34. *Бернс Р.* Развитие Я-концепции и воспитание. – М., 1986.

35. *Моргун В.Ф., Ткачева Н.Ю.* Проблема периодизации развития личности в психологии. – М., 1981.

36. Психология современного подростка / Под ред. Д.И. Фельдштейна. – М., 1987.

37. *Лишин О.В., Лишина А.К.* Это нужно живым. – М., 1990.

38. *Зеньковский В.* Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. – М., 1993.

39. *Арсеньев А.С.* Рецензия на статью Т. Грининга «История и задачи гуманистической психологии» // Вопросы психологии. – 1989. – № 4. – С. 184–187.





Реализация проекта программы психологического сопровождения подростков, лишенных родительского попечительства

Валерия Мухина, Виктор Басюк

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ПОЖИЗНЕННО ОСУЖДЕННЫХ И ДЕЛИНКВЕНТНЫХ ПОДРОСТКОВ*

Аннотация. Обсуждаются: типология отношений человека к миру, способы существования человека в мире и осознание ценностных ориентаций отдельным человеком в его индивидуальной истории. Показано, что условия жизни могут предоставить возможность человеку развиваться в отношении принятия социальных ожиданий, но могут и провоцировать негативное развитие личности в сторону социопатии, девиаций и делинквентного поведения. Направление развития в сторону нравственных ценностей или аморализма определяет типологию формирования позитивных или негативных ценностных ориентаций к другим людям и к себе. Добро как конечная цель мира.

Ключевые слова: *отношение человека к миру; позитивные и негатив-ные ценностные ориентации; добродетели; моральный образ*

* *Продолжение.* Начало см.: *Мухина В., Басюк В.* Психологические особенности ценностных ориентаций пожизненно осужденных и делинквентных подростков // Развитие личности. – 2013. – № 1. – С. 116–135.

мыслей; про-тивостояние доброго и недоброго; добро и зло; честь, нравственность, мораль, долг и бесчестие, безнравственность, аморализм, порок, отсутствие чувства долга.

Abstract. *Typology of man's attitude to world, ways of man's existence in the world and awareness of value orientations by certain person in his/her individual history are discussed. It is shown that conditions of development can offer to a person a possibility of life in respect to acceptance of social expectations, but at the same time, can provoke person's negative development towards sociopathy, deviations and delinquent behavior. Direction of development towards moral values or immorality determines typology of positive or negative value orientations' to other people and oneself formation. Good is the ultimate goal of the world.*

Keywords: *man's attitude to the world; positive and negative value orienta-tions; virtues; moral way of thoughts; opposition of kind and unkind; good and evil, honor, morality, moral, duty, dishonor, immorality, vice, the lack of a sense of duty.*

Что такое добродетель сама по себе?

Сократ

...бытие человеком и человек – не одно и то же...

Аристотель

Ценностные ориентации человека – составляющая его мироздания

Ценностные ориентации человека – важнейшая составляющая его мировоззрения, его отношения к себе и другим, к нравственным ценностям или к ценностям аморализма.

Мы уже вели речь о том, что проблема понимания сущности добродетели обсуждалась в веках в лоне духовных поисков всех религий, была в центре размышлений древних философов и продолжала развиваться во все последующие эпохи по сей день.

Сущностные понятия, определяющие ценностные ориентации человека

Изучая особенности ценностных ориентаций людей в их повседневной жизни, мы взяли на себя труд обсудить особенности понимания мыслителями таких значимых понятий, как *честь, нравственность, мораль, добродетель, долг,* и их антиподов – *бесчестие, безнравственность, аморализм, порок, отсутствие чувства долга* и др.

Добродетель (arete) есть хорошее чувство

Обратимся к первоисточникам – древним философам. Прежде всего следует указать на Пифагора (около 570 – около 497 гг. до н.э.) – древнегреческого философа, политика и религиозно-нравственного реформатора. Так как Пифагор, подобно Сократу, не оставил письменного изложения своих идей, то нам осталась лишь

возможность реконструировать его идеи из свидетельств его современников, учеников и последователей. Идеи гармонии и соразмерности играли важную роль в его этическом учении. Пифагор вел речь о том, что добродетель (arete), как и здоровье, есть гармония, добротность, хорошее качество. Пифагор сам ничего не писал, а его ученики не излагали взглядов учителя – они шли своим путем в поиске истины... Позднее Платон развивал многие идеи Пифагора, которые уже Аристотель не часто мог отделить от платонизма.

Концепция arete-добродетели Платона

У Платона находим концепцию arete-добродетели наряду с употреблением arete в других значениях.

В диалогах Менон вопрошал Сократа о сущности arete (добродетели): «Что ты скажешь мне, Сократ: *можно ли научиться добродетели*? Или ей нельзя научиться и можно лишь достичь её путем упражнения? А может быть, её не дает ни обучение, ни упражнение и достается от природы либо ещё как-нибудь?» [1, с. 575] (курсив наш. – *Авт.*). Сократ спрашивал Менона: «...не хочешь ли попробовать общими усилиями отыскать, что же такое добродетель?» [1, с. 597]. Позднее Сократ обратился к Менону с тем, что они хорошо искали ответ на вопрос о сущности добродетели. Он пришел к мысли о том, что «нет добродетели ни от природы, ни от учения, и если она кому достается, то лишь по божественному уделу, помимо разума. <...> ...если нам достается добродетель, то достается она по божественному уделу, а узна́ем мы это как следует тогда, когда, прежде чем искать, каким образом достается человеку добродетель, мы попробуем выяснить, что такое добродетель сама по себе» [1, с. 612].

Подлинная добродетель сопряжена с разумением

Платон полагал, что «подлинная добродетель сопряжена с разумением, все равно, сопутствуют ли ей удовольствия, страхи и все иное тому подобное или не сопутствуют» [2, с. 21]. Платон вел речь о добродетели истинной: кто «сумеет родить не признаки добродетели, а добродетель истинную», постигает истину, а не признак [3, с. 122].

В другой своей работе («Государство») Платон говорил о выдающейся натуре добродетельного человека: «Если у человека... не выдающаяся натура, он никогда не станет добродетельным; то же самое, если с малолетства – в играх и в своих занятиях – он не соприкасается с прекрасным» [4, с. 345]. Платон вполне правомерно говорил о зависимости человека от человека: «И как государство относится к государству в смысле добродетели и благополучия, так и человек относится к челове-

ку» [4, с. 367]. Еще в одной своей знаменитой работе – «Законы» – Платон вновь обсуждал проблему добродетели. Он писал: «*... все наши законы должны всегда иметь в виду единую цель. И мы совершенно правильно согласились, что цель эта – добродетель*» (курсив наш. – *Авт.*) [5, с. 430].

Качество применительно к человеку

Ученик Платона великий Аристотель продолжил размышления о добродетели. Рассуждая о качестве в природе, философ обращался и к качествам проявлений человека: «О качестве говорится и применительно к добродетели и пороку и вообще к дурному и хорошему. <...> Хорошее и дурное означает качество больше всего у одушевленных существ, а из них особенно у тех, кто может действовать преднамеренно» [6, с. 166].

Аристотель настаивал на том, что «душа и бытие душой – одно и то же, между тем бытие человеком и человек – не одно и то же...» [6, с. 227]. Эти непредвзятые суждения великий философ даровал нам на все последующие времена – чтобы учились честно мыслить о самих себе.

Добродетель как устойчивое свойство

В своих «Категориях» Аристотель размышлял о добродетели как устойчивом свойстве. Он писал: «"Качество" имеет много значений. Под одним видом качества будем разуметь устойчивые и преходящие свойства. Устойчивое свойство отличается от преходящего тем, что оно продолжительнее и прочнее. Таковы знания и добродетели» [7, с. 72]. Аристотель не сомневался в том, что добродетель (справедливость, благоразумие и тому подобное) нелегко поддается колебаниям и изменениям. Он относил добродетель к благу: «добродетель есть в существе своём прекрасное и благое» [8, с. 419].

Мыслительные и нравственные добродетели

Аристотель считал правомерным подразделять добродетели: «одни добродетели мы называем мыслительными, а другие – нравственными; мудрость, сообразительность и рассудительность – это мыслительные добродетели, а щедрость и благоразумие – нравственные, ибо, рассуждая о нраве, мы не говорим, что человек мудр или сообразителен, но говорим, что он ровен или благоразумен. В то же время и мудрого мы хвалим за [его душевный] склад, а те склады [души], которые заслуживают похвалы, мы называем добродетелями» [9, с. 77].

Сущностные качества добродетели

Проблеме добродетели как значимому качеству человека Аристотель уделил много внимания. Об *arete* он писал как о благе; как обладании серединой; как о героическом и божественном качестве, которое превыше нас; как относящемся к мысли; как относящемся к

нраву. Аристотель судил о добродетели как об исключительно значимом устойчивом свойстве сильной, выдающейся натуры.

В сферах Великого идеополя общественного самосознания находятся значимые для нас идеи позитивного развития нашего духа

Как важно для нас, живущих в XXI веке, знать и не забывать, каких вершин в познании потенциалов нашей человеческой сущности достигли великие мыслители еще до новой эры. Значимые для человечества образы и идеи, вошедшие в сферы Великого идеополя общественного самосознания, могут определять позитивное развитие наших духовных устремлений – будь то тяга к знанию и потребность в развитии нравственных качеств, поднимающих человека к духовному *акме*.

Мы признаем священным нравственный закон

Спустя более чем 2000 лет после Платона и Аристотеля, Иммануил Кант писал: «До тех пор пока практический разум имеет право направлять нас, мы будем считать поступки обязательными не потому, что они суть заповеди Бога, а будем считать их божественными заповедями потому, что мы внутренне обязаны исполнять их. Мы… признаем священным нравственный закон, которому нас учит разум на основании природы самих [наших] поступков, и полагаем, что мы служим этому закону лишь тем, что содействуем высшему в мире добру в себе и других. Следовательно… именно для выполнения нашего назначения здесь, в мире: сообразовываться с системой всех целей, а не фанатически или даже нечестиво при добродетельном образе жизни отказываться руководствоваться разумом, создающим законы морали…» [10, с. 597–598].

Добродетель в качестве морального образа мыслей

И. Кант рассматривал добродетель в качестве морального образа мыслей: «Нравственная ступень, на которой стоит человек… есть уважение к моральному закону. *Убеждение*, которое ему надлежит иметь для соблюдения этого закона, *состоит в том, чтобы соблюдать его из чувства долга*, а не из добровольного расположения и, во всяком случае, не из непринуждаемого, самостоятельно и охотно осуществляемого стремления соблюдать его, и моральное состояние человека, в котором он всякий раз может находиться, есть *добродетель*, то есть моральный образ мыслей *в борьбе*, а не *святость* в мнимом *обладании* полной *чистотой* намерений воли» [11, с. 475].

Необходимость следования примеру добродетели

И. Кант приветствовал «следование примеру добродетели или святости; такой пример, известный из истории, не устраняет автономию добродетели, возникшую из собственной исконной идеи нравственности (априорной) и не превращает её в механизм подражания» [12, с. 123].

И. Кант полагал, что величие закона внушает благоговение и увлекает нас. «Но *добродетель*, то есть образ мыслей, имеющий твердую основу и направленный на то, чтобы точно исполнять свой долг, в своих последствиях более *благодетельна*, чем все, что может сделать в мире природа или искусство» [13, с. 23]. И далее философ продолжил свои суждения: «Однако если иметь в виду те привлекательные последствия, которые добродетель распространяла бы в мире, если бы она везде нашла себе применение, то в этом случае морально направленный разум примешивает чувственность» [13, с. 23]. И. Кант постоянно соединял в своих суждениях идею радости от *исполнения* своего долга, что по сути своей есть «признак подлинно добродетельного образа мыслей даже в *благочестии*, состоящем не в самобичевании кающегося грешника... а в твердом намерении поступать в будущем лучше, и такое намерение, воодушевляемое успехом, не может не вызывать радостное настроение духа, без которого никогда нет уверенности, что добро *полюбилось*, то есть принято в максиму» [13, с. 23].

Воссоединение значимых понятий: добродетель, долг, нравственность

Примечательно, что во всех своих философских суждениях о добродетелях человека И. Кант всякий раз воссоединял столь значимые понятия, как добродетель, долг, нравственность. В мышлении И. Канта эти понятия неизменно рядоположны.

Противостояние доброго и недоброго

И. Кант разделял *добро* и контрадикторно* противоположное ему *недоброе. Злостность*, согласно представлениям философа, «потихоньку хоронит своими пагубными для души принципами морального образа мыслей» [13, с. 58]. Здесь же великий мыслитель продолжал: «... как только мы получаем возможность обратить внимание на наше нравственное состояние, мы находим, что это уже больше не res integra**, и мы должны начинать с того, чтобы изгнать зло, которое уже занимает свое место (чего оно не могло бы сделать, если бы мы не приняли его в свои максимы), из его владений, то есть первое истинное благо, которое может совершить человек, – это уйти от зла, которое нужно искать не в склонностях, но в извращенных максимах и, следовательно, в самой свободе» [13, с. 58].

Зло состоит в том, что человек не готов противодействовать негативным склонностям

И. Кант справедливо полагал, что собственно зло состоит в том, что негативным склонностям, когда они

* *Контрадикторный* [лат. contradictorius] – противоречивый; противоречащие суждения, исключающие друг друга.

** *Res integra* [лат. res – нещь, предмет, integra – принодить в прежнее состояние, возобнонлять].

побуждают к нарушению закона, *не хотят* противодействовать. Собственно, эта позиция, этот образ мыслей и есть наш истинный враг. Философ провозгласил важный принцип позиции человека: «дисциплину склонностей» и «послушание субъекта правилам» [13, с. 58].

Провозглашаемые И. Кантом принципы, безусловно, вытекали из нравственных ориентиров христианских постулатов, вошедших в культуру европейских и российских народов. Во всех своих сочинениях Иммануил Кант неизменно обращался к проблемам добродетели, долга, нравственности и противостоящего им зла, исходящего от человека к человеку. Философ постоянно обращался к обсуждению «противостояния между стремлением человечества к своему *нравственному* предназначению... и неизменным следованием заложенным в его природе для примитивного и животного состояния законам...» [14, с. 80].

Практический разум дает законы свободы: что дóлжно делать

В свою очередь, Г. В. Ф. Гегель обращался к анализу понимания практического разума И. Кантом, который понимал разум как определяющий самое себя: «Практический разум дает императивные, объективные законы свободы, то есть такие законы, которые указывают, что *дóлжно делать*» [15, с. 176]. При этом «... практический разум полагает всеобщее определение – *добро* – не только *в себе*: он становится собственно *практическим* разумом лишь тогда, когда представляет требование, чтобы добро осуществлялось в мире, обладало внешней объективностью, то есть чтобы мысль была не только *субъективной*, но также и *объективной*» [15, с. 176]. В человеке, согласно философу, существуют одновременно добро и зло. Это сущностное вúдение природы человека многократно было предметом размышления философии, религий и наук о человеке.

Добро признается конечной целью мира

Философ обсуждал «*добро*, которое признается конечной целью мира, с самого начала определяется в кантовском учении как лишь *наше* добро, как моральный закон *нашего* практического разума, так что единство не идет дальше согласованности между состоянием мира и совершающимися в нем событиями и нашей моральностью» [15, с. 180].

Г. В. Ф. Гегель отсылал нас к учению церкви, будто «человек от природы зол, и эта его природная подверженность злу обозначается как первородный грех. Нужно, однако, отказаться от внешнего представления, что первородный грех имеет своей причиной лишь случайный поступок первых людей. На деле в самом понятии духа лежит, что человек от природы зол, и не нужно

представлять себе, что это могло бы быть иначе» [15, с. 130–131]. Противоположность между *добром* и *злом* – это, согласно философу, противоположность углубленного в себя современного мира [15, с. 143].

Сущность зла

В своем труде, посвященном философии духа, Г. В. Ф. Гегель писал о феномене зла: «Знаменитый вопрос *о первоисточнике зла* в мире возникает – по крайней мере поскольку под злом понимаются ближайшим образом неприятное и *боль* – на этой стадии формального практического. Зло есть не что иное, как несоответствие между *бытием* и *долженствованием*» [16, с. 316].

Философ полагал: «Свободный индивидуум, в (непосредственном) праве только *личность*, определен теперь как *субъект* – в себя рефлексированнная воля...» [16, с. 334]. И далее он писал, что вследствие того, что определенность воли положена во *внутреннем существе* человека, воля оказывается одновременно *особенной*: «Определенность воли существует частью как *в-себе-сущая* – как разум воли, как нечто правовое в себе (и нравственное), частью же как наличное бытие, данное в деятельном обнаружении, проявляющееся в событиях и вступающее с ними в известное отношение» [16, с. 334]. Г. В. Ф. Гегель обсуждал мораль в широком и высоком значении этого понятия. При этом он рассматривал значение *права намерения*. Он сопоставлял умысел и намерение: «Умысел касается только непосредственного наличного бытия, намерение же – субстанциональной стороны и цели этого наличного бытия» [16, с. 335–336]. Философ рассматривал зло как несоответствие между бытием и долженствованием [16, с. 316].

Именно мысль Г. В. Ф. Гегеля, что зло есть *несоответствие* между бытием и долженствованием, следует непременно осмыслить последующим поколениям.

Зло противоположно добру

В современном философском видении *зло* есть ценностное представление, противоположное *добру* (благу), универсалия культуры, основополагающая для морали и этики.

А. П. Скрипник писал: «Понятие морального зла определяет то, чему противодействует мораль, что она стремится устранить и исправить... Субъективная характеристика морального зла – вменяемость как способность контролировать свои действия, отвечать за них. Объективная характеристика делится на формальную и содержательную. С формальной стороны как зло квалифицируется деятельность, противоречащая при-

нятым в данной культуре нормам морали (в конечном счете – идеалу); с содержательной это – деятельность, которая имеет негативное значение для состояния других людей или самого действующего субъекта: причиняет материальный или духовный ущерб, вызывает страдания и сходные негативные чувства, ведет к деградации. Как противоположность добру моральное зло подрывает основы творческого сотрудничества людей, распространяя вражду между ними и (или) лишая их высших человеческих способностей» [17, с. 47].

Главное средство борьбы со злом

Итогом исторического развития нравственных ценностных ориентаций является уверенность, что нравственное совершенствование – главное средство борьбы со злом. Ценностные ориентации человека определяют его внутреннюю позицию.

Внутренняя позиция человека

В. С. Мухина, исследуя феномен личности, писала о ее внутренней сущности: «*Внутренняя позиция человека* – особое, ценностное отношение человека к себе, к окружающим людям, к собственному жизненному пути и к жизни вообще» [18, с. 913]. Внутренняя позиция человека определяется не только его генотипом и социально-историческими условия развития, но и его собственной долготерпеливой интеллектуальной и душевной работой, направленной на поиск смысла жизни и целей жизненного пути: «Внутренняя позиция человека как личности зависит от уровня развития его интеллекта, нравственных ориентиров, воли, содействующей и определяющей достижения помыслов и намерений» [19, с. 54].

Феномены биологических и социально-исторических факторов

Феномены биологических и социально-исторических факторов достаточно скрыты от исследователей. Здесь важно понимать и чувствовать общие тенденции этого взаимодействия.

Согласно В. С. Мухиной, «биологическая природа выпестовала человека как вид. В каждом отдельном человеке она присутствует по законам жизни и смерти. В психике человека все функции имеют биологические предтечи. Социально-исторические условия выпестовали человека как сознающего себя и развивающегося интеллектуально и нравственно, как участвующего в создании Великого идеополя общественного самосознания.

Воссоединенность биологических и социальных факторов

Мы должны принять воссоединенность биологических и социальных факторов как родовых признаков человечества, а также воссоединенность этих факторов в каждом отдельном человеке. Следует принять тот факт, что в каждом отдельном человеке биологическое

и социальное сочетаются, помимо типического, еще и уникальным образом» [18, с. 360–361]. При этом весьма значима внутренняя позиция человека по отношению ко всему человечеству.

Внутренняя позиция человека происходит не только из сферы Великого идеополя

Внутренняя позиция человека складывается не только из содержания сфер Великого идеополя общественного самосознания, но и из конкретных выборов ориентиров каждого отдельного человека.

Ценностные ориентации людей весьма неоднородны

Люди по своим ценностным ориентациям весьма неоднородны.

Одни пытаются ориентировать себя на высокие духовные идеалы и заметно огорчаются, когда изменяют тому, к чему они упорно стремятся.

Другие исповедуют ценности аморализма, считая их исключительным знаком своей свободы от правил и долженствования. Спонтанную активность и свободу воли они предпочитают зависимости от шлейфов ценностей морали и нравственных ожиданий, сложившихся в истории рода человеческого.

Особая категория людей, склонная к асоциальным проявлениям в отношении к себеподобным, безусловно, исповедует ценности аморализма, придавая им особую личностную значимость.

(продолжение следует)

---

1. *Платон.* Менон // Собр. соч.: в 4-х т. – Т. 1. – М., 1990. – С. 575–612.
2. *Платон.* Федон // Собр. соч.: в 4-х т. – Т. 2. – М., 1993. – С. 7–80.
3. *Платон.* Пир // Собр. соч.: в 4-х т. – Т. 2. – М., 1994. – С. 81–134.
4. *Платон.* Государство // Собр. соч.: в 4-х т. – Т. 3. – М., 1994. – С. 79–420.
5. *Платон.* Законы // Собр. соч.: в 4-х т. – Т. 4. – М., 1994. – С. 71–437.
6. *Аристотель.* Метафизика // Соч.: в 4-х т. – Т. 1. – М., 1976. – С. 63–367.
7. *Аристотель.* Категории // Соч.: в 4-х т. – Т. 2. – М., 1978. – С. 51–90.
8. *Аристотель.* Вторая аналитика // Соч.: в 4-х т. – Т. 2. – М., 1978. – С. 255–531.
9. *Аристотель.* Никомахова этика // Соч.: в 4-х т. – Т. 4. – М., 1984. – С. 53–293.
10. *Кант И.* Критика чистого разума // Собр. соч.: в 8-и т. – Т. 3. – М., 1994.

11. *Кант И.* Критика практического разума. 1788 // Собр. соч.: в 8-и т. – Т. 4. – С. 373–480.

12. *Кант И.* Критика способности суждения. 1790 // Собр. соч.: в 8-и т. – Т. 5.

13. *Кант И.* Религия в пределах только разума // Собр. соч.: в 8-и т. – Т. 6. – С. 18–222.

14. *Кант И.* Предполагаемое начало человеческой истории, 1986 / 1. Статьи // Собр. соч.: в 8-и т. – Т. 8. – С. 72–88.

15. *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики // Энциклопедия философских наук: в 3 т. – Т. 1. – М., 1974.

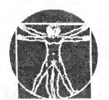
16. *Гегель Г.В.Ф.* Философия духа // Энциклопедия философских наук: в 3 т. – Т. 3. – М., 1977.

17. *Скрипник А.П.* Зло // Новая философская энциклопедия: в 4-х т. – Т. 2. Е – М., 2010. – С. 47–48.

18. *Мухина В.С.* Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). – 3-е изд., испр и доп. – М., 2013.

19. *Мухина В.С., Хвостов А.А.* Отчуждение от других: от прилогов и помыслов к поступку и преступлению. – М., 2013.

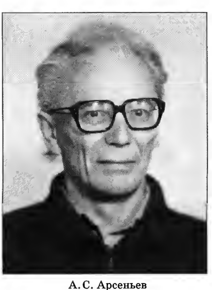




О ЖИЗНИ И О СЕБЕ

Валерия Мухина

ИНТЕРВЬЮ С АНАТОЛИЕМ СЕРГЕЕВИЧЕМ АРСЕНЬЕВЫМ



А. С. Арсеньев

1. Кто был Вашим значимым учителем?

Получилось так, что у меня какого-то одного значимого для меня учителя не было. Я всегда с большой теплотой вспоминаю свою 635-ю московскую школу, которую я окончил накануне войны, 21 июня 1941 года. Вспоминаю наших учителей, которые всегда относились к нам с большим уважением, вспоминаю, как много было у нас возможностей для творчества, для занятий спортом. Времени не хватало, все было интересно. А какая активная жизнь была в классе! Мы постоянно были чем-то увлечены, выпускали школьные газеты и даже сочинили оперу (один мой талантливый однокашник учился одновременно в Гнесинском училище), где я с большим энтузиазмом пел в сцене «Хор двоечников», хотя класс был очень сильный, да и я закончил школу на «отлично».

Моими учителями были книги. Я ведь в философии, можно сказать, самоучка. Сначала окончил Московский институт народного хозяйства им. Г.В. Плеханова, но



Толе Арсеньеву 17 лет.
Началась война, 11 августа 1941 г.

по специальности не работал, а заинтересовался философией и поступил в аспирантуру на кафедру философии Московского экономического института.

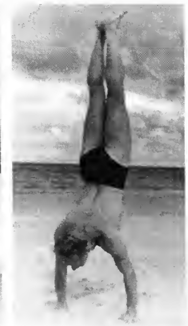
В аспирантуре моим руководителем был назначен доктор философских наук Степан Петрович Батищев. Мне дали тему «Основы коммунистической морали». После моего доклада на кафедре о том, что не может быть коммунистической морали, Степан Петрович отказался от руководства.

Тогда я задумал писать о космогонии, поскольку участвовал в семинарах Отто Юльевича Шмидта. Он был исключительно интересный человек. Тема моей диссертации звучала так: «Теоретическое значение космогонических идей Канта и Лапласа». Диссертацию написал и защитил без научного руководителя.

2. Вы удовлетворены своей жизнью и карьерой?

Как и в молодости, я продолжаю жить с чувством, что все самое интересное может быть еще впереди. Жизнью я не очень удовлетворен. Вернее, не удовлетворен





«Я» и «Я»

Стоя на облаках, держу весь земной шар

Стою, как все человеки, опираясь на морское дно

собой – понимаю, как много времени потеряно. Жалею, что не удалось выучить иностранные языки.

Сейчас, к концу своей трудовой жизни, я набираюсь тех философских знаний, которые были недоступны прежде. Что касается карьеры, то она меня никогда не интересовала. Я считал себя свободным. Только энергия Валерии Сергеевны Мухиной смогла сподвигнуть меня на защиту докторской.

В своей жизни я поменял 15 учреждений. Мои идеи, как правило, не вписывались в обязательные, поэтому и я уходил, и меня «уходили».

3. Каково состояние Вашей души в настоящий момент?



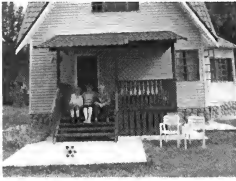
Фото 4. Семидесятилетний философ выступает перед аудиторией

Какой трудный вопрос! Состояние моей души определяется перипетиями моей биографии. Я многое недовыполнил. Мое творческое акме пришлось на глухие 1950–1960-е годы. Сейчас надо бы многое завершить, но сил уже не хватает. Я в своей жизни читал много спецкурсов в разных вузах. Много было с этим всяких приключений, аудитории разные. До сих пор мне звонят и приходят ко мне некоторые мои слушатели. Делимся новостями, обсуждаем философские проблемы. Такая вот пестрота! Философия – это знание о всеобщем. Что-то удалось увидеть. В сознании начала складываться некая целостность. Это позволяет мне самоопределяться как философу. Я увлекся антропогенезом. Что собой представляет человек? Мне кажется, я стал приближаться к пониманию.

4. Ваши планы на будущее?

Личные...

Мне много лет, и у меня не так много сил. Хорошо бы прочитать курс об антропогенезе. Сейчас я постоянно думаю, читаю, набираю материал и не могу остановиться. Освоил интернет, нахожу много интересной информации, которая укладывается в мои представления об антропогенезе, надо сказать, далеко не ординарные. И, конечно же, Россия. Пишу пока заметки, свои размышления, хочу написать большую работу о России, но и медлю, когда представляю, какую глыбу надо будет поднимать...



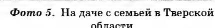


Фото 5. На даче с семьей в Тверской области

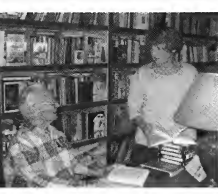


Фото 6. С женой Витой в «святая святых» – рабочем кабинете

В семье...

Специфически личных планов в семье нет. Для моих лет я счастливый человек. Я живу в семье. Семейные радости и горести переживаем вместе. Есть о чем поговорить, что обсудить, ведь Вита Барцалкина, моя жена, – психолог. Дом наш открытый, гостеприимный, много друзей. Летом уезжаем на дачу в Тверскую область, на берег Волги. Это просто другая планета! Каждый раз я словно в детство возвращаюсь. Всю жизнь меня привлекала природа, я чувствовал какое-то особое с ней сродство. Даже большее, чем с людьми.

5. Ваше отношение к своим родителям и предкам?

Мой отец был инженером, мама – домашней хозяйкой. Маленьким любил ходить с отцом смотреть на паровозы, они мне казались очень красивыми и живыми. А летом с родителями уезжал отдыхать в село Дютьково, под Звенигород. Очень нравилось мне это место.

Дед мой был гранильщиком и гравером. Крепостной, отпущенный в Москву на оброк. Он платил оброк барину. Фамилия моя произошла от имени деда. Деда звали Арсений Павлович. После отмены крепостного права дети его стали Арсеньевы.

Я благодарен родителям – детство было у меня счастливым. Ну а потом война... В тяжелых условиях, после моего ранения на войне родители мне помогли получить высшее образование.

6. Ваше отношение к своим детям и внукам?

У меня есть дочь от первого брака и две внучки. Живут они сейчас в США. Дочь закончила факультет психологии МГУ, работает в Нью-Йорке психологом в

доме престарелых. Отношения очень хорошие. Бываем друг у друга в гостях.

7. В чем для Вас смысл жизни?

Хочу понять, что такое человек и что такое Россия. Это затрагивает широкую сферу. Во-первых, кто я такой? Проблема антропогенеза сложна. Вещное отчуждение, апофеоз которого – капитализм с господством рыночной экономики, на мой взгляд, последняя тотальная форма отчуждения человека. Человек современной западной цивилизации – это «инвалид-отчужденец на костылях научно-технического прогресса». Сегодня ему противостоит в мире только русский человек с его архетипом («русским духом» сказок). К сожалению, российское правительство принимает посильное участие в геноциде русского народа.

8. К каким добродетелям относитесь с наибольшим уважением?

Это, прежде всего, *любовь, честность*. Врать нельзя, что думаешь, то говори. Человек должен быть *искренним. Уважение и жалость к людям* – главные добродетели. В каждом человеке есть ядро человеческое. В христианстве – каждый создан «по образу и подобию Божьему».

9. К какому пороку относитесь с наименьшим снисхождением?

Здесь выбор плохого качества надо сделать по-христиански. *Ложь*. Дьявол – лжец и отец лжи. Статья А. И. Солженицына «Жить не по лжи» – это правильная идея. Ложь может быть незаметной даже для лгущего.



Анатолий Сергеевич вместе с дочерью Татьяной в Московском зоопарке



«Я» = «Я»? А. Арсеньев в конце II тысячелетия н.э.
Рисунок с натуры А. Мелик-Пашаева

Не надо представлять себя тем, чем ты не являешься. Лжи сопутствует и отрицательная психоэнергетика.

10. Ваше любимое занятие?

Раньше и теперь – всегда: 1 – читать умные книги; 2 – общаться с природой и животными. Я любил с детства мир насекомых, например кузнечиков. Знал, какой по виду как стрекочет. Бабочками интересовался.

11. Если бы Вы были всемогущим волшебником, что бы Вы сделали?

Для себя...

Вернул бы себе 30–40 лет, которые прошли впустую. Если бы тогда...(!) Конечно, я хочу здоровья. Нездоровье не дает в полной мере чувствовать радость жизни. Тогда: открыл глаза и счастлив. И все готов сделать! Очистил бы себя от всякой хвори!

Для близких...

Чтобы они счастливо жили и любили друг друга.

Для своей деятельности...

Моя деятельность связана с Россией. Русская философия обращена к будущему, им мучается, его с нетерпением ждет, связывая его с духовной миссией России в Мире. Пусть это будущее состоится!

Владимир Ражников

РЕФЛЕКСИЯ НА АНАТОЛИЯ АРСЕНЬЕВА: БОЛЬШОЙ ВЗРЫВ И БОЛЬШАЯ ВСПЫШКА

Мой старший друг Анатолий Сергеевич Арсеньев – отменный философ (я бы даже сказал человек антропогенеза!), – выдвинул гипотезу о том, что *мыслящий человек начинается со вспышки рефлексии во всеобщей форме.*

Как я понимаю Толю Арсеньева, напрочь отравленного рассуждениями о возникновении разума?

Вспышка рефлексии означала осознание себя как «Я».

От этого «Я» потянулось некое отношение к источнику вспышки, к «Ты». Источник был непонятен, не слышен и не виден, и потому легче всего его было обозначить «бесконечным».

Так или иначе, отношение «Я–Ты» появляется во внутреннем мире человека, и он начинает свой диалог.

Сначала он воображает, потом – соображает, потом – изображает линиями, красками, звуками или какими-то другими символами свое интимное (религиозное!) отношение к жизни.

Религиозное?

Не бойтесь слов, бойтесь их непонимания.

Религиозное отношение, то есть некое отношение, наряду с другими отношениями, например семейными. Да и само «религиозное» пока ничего страшного не означает.

Дело было в палеолите, несколько миллионов лет назад. Тогда, судя по всему, не было никаких религиозных направлений, конфессий, традиций и ритуалов, а стало быть, не было нарушений, искажений; не было персональных автомобилей у высоких церковных чинов.

Даже дорог и колес не было!

Потому религиозное отношение к жизни, вероятнее всего, означало только одно – блуждания по собственному внутреннему миру, соединенному *(religion,* лат. – *связывать*) с другими мирами, в том числе и с тем, что перед глазами.

Человек очень долго не был религиозным в современном понимании.

К арсеньевской вспышке рефлексии я бы добавил эпитет «Большая».

Зачем?

Перенеся рефлексию в обычную жизнь, я вижу, что в центре ее укоренен человек, который постоянно обучается. Он как заведенный оглядывается на то, что запомнил, выучил или вымыслил.

Я оглянулся посмотреть, не оглянулась ли она, чтоб посмотреть, не оглянулся ли я? – поёт даже лучшая попса.

Минимум рефлексии есть в каждом разумном действии. Однако этого совершенно недостаточно для создания, так сказать, факела эволюции.

В жизнь человека Большая рефлексия ворвалась как неожиданное событие, как персональный вызов, взрыв. Еще недавно этот первофило-

соф стелился по горизонтали (а в палеолите – собирал ягоды и коренья, ползал по траве, не догадываясь поднять глаза к небу).

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился...

[А.С. Пушкин]

И вдруг – ослепительная вспышка.

В мире то там, то здесь, то кое-где, везде (!) встречаются сумасшедшие единицы, помышляющие о личной катастрофе.

Это потенциальные интеллектуалы.

Для них катастрофа долгожданна и перспективна.

Сумасшедших единиц немного,

Но с них начинаются великие эволюции.

Но, как ни странно, вспышка, Большая рефлексия не совершается человеческим усилием. Она приходит необычным, чудесным путем. Рефлексия падает с небес, выступает как Дар, подобно схождению Духа на человека.

Исключительно по желанию Духа.

Может быть, так и совершается пресловутое второе, духовное рождение человека... Даже, если он атеист...

И к чему мы приходим?

Мы идем. Пешком на пятый этаж... Мы рассуждаем...

– На самом ли деле ты считаешь, что рефлексию можно воспитывать практически профессионально, то есть открытым дневным способом, как знание и моральные качества?

– Ну... как сказать...

Большая и мощная вспышка рефлексии нужна, чтобы осветились глубины твоего имени, чтобы возникла эйфория, толкотня мыслей, озарение, просветление, всё то, чего нельзя купить за деньги, чтобы разные нестандартные люди и вещи стали в такой момент интимно-близкими.

Можно сказать еще проще: чтобы нелегкое, но субъективно значимое «свихивание» стало нормой, нормой «сумасшедшей» человеческой единицы.

Конечно, я заговариваю зубы, опасаясь раньше времени вымолвить главное:

Анатолий Арсеньев должен быть признан гением
именно за выдвижение гипотезы:
человек стал разумным благодаря вспышке рефлексии
во всеобщей форме, обрушившейся на него еще в палеолите.

Теперь, после арсеньевского открытия, глупо устраивать диспуты на тему, от кого произошел человек: от обезьяны или от министра образования?

Главный вопрос: Как человек стал разумным? Как у него появилась мысль?

И еще о главном:

Наиважнейшее применение слова «благодаря» произошло
в этом контексте «благодаря вспышке рефлексии».
Рефлексия – главное благо, которое Творец подарил человеку.

Между тем несколько лет прошло, пока я понял: начальная арсеньевская формула неокончательна. Чтобы ее понятно рассказать людям-студентам-вчерашним-школьникам, нужна простая переходная «лекционная» речевка. Она возникла, как только я стал преподавать общую психологию своим замечательным ребятам-первокурсникам.

И эта формула звучит лапидарно, но, на мой взгляд, точно:

После вспышки рефлексии
каждое человекообразное существо могло
осознать себя как «Я»,
*а источник, который дал такое осознание, «Ты»**.
Это и была первая мысль человека.

Ну и ладно.

Теоретически о мышлении психолога с большой ясностью начал говорить А.С. Арсеньев. Прошу, обратите внимание, как незаметно (и незаменимо!) мышление связалось с рефлексией – большим подарком небес.

Мышление является главным инструментом психолога в его исследовательской работе, так же как и в работе любого другого исследователя. Однако мышление психолога поставлено в особое отношение к своему предмету.

Когда психолог исследует мышление, в его лице как в лице мыслящего существа мышление исследует само себя;

когда мышление исследует личность, это опять-таки личность, исследующая самоё себя, и т. д.

Это отношение обращенности на себя (и в себя) получило в философии название рефлексивного отношения.

Человек – рефлексирующее существо.

Отвлечься от собственной рефлексии, как это пытается делать научная психология в исследовании человека, значит исследовать не то, что предполагалось, не человека, не личность.

«Человек вообще не поддается использованию», – уверял потом в своей постнеолитической философии Толя Арсеньев, мой старший друг и наставник, достигший апостольского возраста.

Июнь, 2013



* Эта идея живет уже давно в Великом идеополе человеческого самосознания. Её можно найти не только в текстах Библии и у духовных христианских философов, но и в трудах многих философов, историков и психологов. – *Ред.*



Милтон Даймонд

ПОЛ И ГЕНДЕР – ЭТО НЕ ОДНО И ТО ЖЕ*
(перевод с английского Алены Кудриной)

Аннотация. *Автор предпринимает попытку уточнить понимание проблемы пола. В статье предложены и рассмотрены следующие понятия: пол, гендер, гендерная идентичность и половая идентичность. Представлены альтернативные способы обсуждения полового влечения.*

Ключевые слова: *половая идентичность; гендерная идентичность; интерсексуальность; сексуальные ориентации; трансгендер; транссексуальность; трансвестит.*

Abstract. *This author attempts to enhance understanding about different sexual issues. The definitions to common terms such as sex, gender, gender identity and sexual identity are offered in the article. Alternate ways to discuss one's sexual attractions are also presented.*

Keywords: *sexual identity; gender identity; intersexuality; sexual orientation, transgender, transsexuality, transvestite.*

Различные состояния из клинической практики

Следующие примеры иллюстрируют случаи должного использования понятий. Цитаты относительно типичны и с минимальными изменениями взяты из относящихся к теме устных и письменных свидетельств. В реальной жизни интенсивность переживания идентичности может различаться у разных людей и на протяжении жизни одного и того же человека. В ней могут быть периоды сомнений и конфликтов, а может не быть и намека на них.

Типичные женщина и мужчина

«Мои родители хотели идти в ногу со временем в вопросах воспитания моих братьев, сестер и меня и в известной мере позволяли нам делать то, что мы хотим. Я была настоящей девчонкой-сорванцом. Несмотря на все то пространство, в котором я могла себя выражать, у

* Окончание. Начало в журнале «Развитие личности» №1/2013. – С. 174–188.

меня никогда не было ни малейших сомнений относительно того, кто я и как я предпочитала жить».

Обычные (среднестатистические) женщина или мужчина, хотя они, возможно, иногда и задаются вопросом о степени своей женственности или мужественности, никогда или очень редко задают себе вопрос: женщина ли она или мужчина ли он? Половая идентичность соответствует *сексуальной анатомии*, и *гендерная идентичность* развивается аналогично [13].

Транссексуал (мужчина в женщину)

«Мой отец очень хотел, чтобы я вырос, научился управлять каноэ и рыбачил с ним, и вообще пошел по его стопам. Но это был не я. С тех пор как мне исполнилось шесть или семь лет, а может быть, и раньше, я хотел отрастить длинные волосы, накрасить ногти, надеть красивую одежду и проводить время с другими красивыми женщинами в центре города».

В данном случае индивид вполне очевидно осведомлен о своем мужском поле, но страстно жаждет жить как женщина. Хотя он знает, что он мужчина, его *половая идентичность* женская. И он знает, что его *гендерная идентичность* как мужчины, то, как его воспринимают другие в его сообществе, не соответствует тому человеку, которым он воображал себя. После операции по смене пола из мужчины в женщину его гендерная и половая идентичности будут совпадать. Изменив свое тело, в своем сознании и для мира *он* станет *ею*.

Транссексуал (женщина в мужчину)

«Когда мы занимались любовью, все всегда казалось не так. Я всегда чувствовала себя как мужчина, но в эротических ситуациях в особенности, я думала, что у меня должен быть пенис вместо того, что у меня было. Я чувствовала себя так многие годы и всегда видела себя как мужчина, даже более сильно в таких ситуациях. И хотя несколько лет я считала себя активной лесбиянкой, которая была очень мужеподобной, я пришла к пониманию, что для меня это было недостаточно. Я чувствовала, что в той жизни что-то было не так. После операции по изменению пола все встало на свои места. То, что я стала мужчиной, решило все те проблемы».

Эта женщина имеет мужскую *половую идентичность*. Она знает, тем не менее, что мир считает ее женщиной, но она чувствует себя некомфортно в этой роли. Ее гинекофилия (термин автора, «любовь к женщинам») не была ведущим фактором в желании что-то изменить, хотя, по всей видимости, облегчила многие вещи. Ее социальная *гендерная идентичность* – женщина, хотя она видела себя мужчиной. Операция по смене пола привела ее гендерную идентичность в согласии с поло-

вой идентичностью; ее тело было переделано, чтобы соответствовать образу ее разума.

Мнение транссексуала о причинах изменений в жизни

Прежде чем оставить тему транссексуализма, будет интересно поразмыслить над тем, что один высокообразованный транссексуал, изменивший мужской пол на женский, рассказал мне, когда я попытался понять мотив или побуждение к смене пола. Его (ее) слова иллюстрируют то, что вопросы исследователя и клинициста могут не иметь ничего общего с интересами самого транссексуала: «Если и есть что-то, о чем я хочу кричать с крыш, так это то, что некоторые из нас хотят изменить свои тела по причинам, которые имеют мало общего или вообще ничего не имеют с облегчением нашего принятия в качестве социальной женщины. Мы хотим изменить наши тела, потому что мы хотим изменить их. Иногда мы решаем изменить их, даже если знаем, что нас не примут как женщин...». Интерсексуальный индивид, который хочет изменить свою жизнь по причинам, являющимся личными и совсем не обязательно доступными или поддающимися исследованию, мог бы сказать то же самое.

Интерсексуал (удовлетворенный воспитанием)

«Когда я впервые узнала диагноз, я была просто ошеломлена, и у меня почти случился нервный срыв. Теперь я приняла это и пошла вперед. Я всегда чувствовала себя женщиной, феминисткой, и мне комфортно жить женщиной».

Этот человек, имея хромосомы XY и яички, до диагноза не имел никаких сомнений относительно своей *половой идентичности* как женщины. Она всегда считала себя женщиной и принимает жизнь в качестве женщины. Она принимает свою гендерную идентичность как женскую и, несмотря на обеспокоенность бесплодием и другими особенностями, характерными для состояния интерсекса, с соблюдением конфиденциальности именно так и предъявляет себя миру[14].

Интерсексуал (не удовлетворенный воспитанием)

«Я жил с сомнениями относительно того, кто и что я был, с самого раннего детства. Я всегда чувствовал себя больше женщиной, чем мужчиной, коим меня воспитывали. Когда я выяснил, что у меня есть и женские, и мужские хромосомы (XXY), я пришел к выводу, что я мог бы и мне следовало бы жить как женщина, которой я себя и чувствовал, и при этом я бы чувствовал себя более комфортно».

Эта женщина, будучи еще очень молодой, как и многие индивиды, которые в конечном итоге изменяют свой гендер, развила половую идентичность, не такую, с которой ее воспитывали. Таким образом, несмотря на

свое воспитание в качестве мужчины и тот факт, что она имеет пенис, она представляла себе, что вырастет женщиной. В качестве женщины в обществе ее *гендерная идентичность* соответствует ее половой идентичности. Она прошла через операцию по изменению половых органов и установлению грудных имплантатов для удовлетворения своих потребностей.

Трудности, возникающие у интерсексуальных лиц

В последнее время, наряду с большей свободой, во многих социальных сферах на Западе среди интерсексуальных индивидов становится все более частым то, что они принимают свое состояние и идентифицируют себя как интерсекс вместо того, чтобы считать себя мужчиной или женщиной. И хотя это может принести им некоторое душевное и психическое удовлетворение, такое положение имеет свою социальную цену и юридические последствия. Трудности могут возникнуть с идентификацией при получении водительских прав, разрешения на брак или паспорта, при подтверждении свидетельства о рождении. Интерсексуальная идентификация может создать трудности для семьи и потенциальных партнеров.

Мужчина, пол которого был изменен в результате травмы гениталий

«Даже несмотря на то, что меня воспитывали девочкой, я подозревал, что я мальчик, со второго класса*. Примерно в 14 лет я решил, что буду жить как мальчик или убью себя».

Это утверждение однозначно показывает, что индивид с мужской половой идентичностью выражает сильное стремление жить как мужчина. Он испытал всеохватывающую необходимость в том, чтобы его *гендерная идентичность* совпадала с его *половой идентичностью*. После того как переход был совершен, он был хорошо принят в его новой социальной роли.

Drag queen (мужчина, одевающийся в женскую одежду и пользующийся косметикой)

«Это то, как я вижу себя. Я обожаю щеголять [в женской одежде и на каблуках]. Конечно, я получаю много огорчений от натуралов в моем районе, но у меня нет сомнений относительно того, кто и что я».

Этот мужчина принимает, что своим поведением он вступает в конфронтацию с устоями общества. Он поддерживает мужскую *половую идентичность* и не хочет потерять свой пенис. Он не считает его наличие несовместимым с женской *гендерной идентичностью* или *гендерной ролью*. Для западного мира, в котором он живет, его гендер – женский, в то время как пол – мужской. Он готов принять это несоответствие ради понимаемых реальных и потенциальных выгод. За исключением

* С 6 лет. – *Прим. пер.*

незаурядных актеров, переодевающихся в женщин на сцене, мужчины, носящие женскую одежду, андрофиличны (термин автора, «любят мужчин»)[15].

Трансвестит: определение термина и его история

Как и многие из обсуждаемых понятий, это существительное имеет длинную и разнообразную историю. Оно было создано Магнусом Хиршфельдом (Magnus Hirschfeld, 1910–1991) и первоначально обозначало тех людей (обычно мужчин), которые искали и получали эротическое удовольствие от ношения одежды противоположного пола. Хотя М. Хиршфельд использовал это понятие для индивидов, которые могли быть вовлечены как в гетеросексуальные, так и в гомосексуальные и бисексуальные контакты, он также описывал индивидов, которые переодевались исключительно для аутоэротического удовольствия. В настоящее время многие из тех, кто переодевается в одежду противоположного пола, отрицают, что это имеет отношение к аутоэротизму, и заявляют, что это делается в основном для удовлетворения их личных притязаний. В массовой прессе и в обыденной речи обсуждаемое понятие может быть применимо к любому человеку, который переодевается в одежду противоположного пола. Тем не менее среди большинства сексологов понятие *трансвестит* обычно обозначает мужчин, которые гинекофиличны по своей ориентации. Организация под названием “The Society for the Second Self” («Общество второго Я»)[16], по существу, была организована для гетеросексуальных мужчин и их жен и является крупнейшей организацией такого рода в США.

Трансгендер (Transgender)

В наш лексикон совсем недавно вошло новое понятие – *трансгендер**. Индивид, демонстрирующий трансгендерное поведение, это тот, кто видит гендер либо как то, что создается, либо как нечто врожденное, но, тем не менее, свободное в проявлении. Понятие приобрело весьма изменчивое значение и было принято индивидами и для индивидов, которые в противном случае могли бы быть определены как транссексуалы, интерсексуалы или даже гомосексуалы или бисексуалы: трансгендер – любой, кто демонстрирует одновременно черты или характеристики и мужчин, и женщин. На самом деле слово «трансгендер» претерпевает постоянные изменения с момента его создания Вирджинией Принс (Virginia Prince) в конце 1960-х годов.

---

* Предлагаемый в некоторых словарях перевод слова «транссексуал» противоречит значению, описываемому автором. – *Прим. пер.*

Кого считать трансгендерными лицами?

В. Принс (многие считали ее первым современным публичным трансвеститом) считала термин «трансгендер» полезным для описания людей, похожих на нее: у них не было трудностей в принятии того, что они были мужчинами, но хотели жить как женщины, по крайней мере, частично или какую-то часть времени. Она также считала, что термин распространяется и на женщин, которые проявляли мужскую типологию. С ее точки зрения понятие «трансгендер» не включало транссексуалов. Лица, демонстрирующие трансгендерное поведение, совсем не обязательно хотят изменить свой пол, но на самом деле хотят изменить некоторые аспекты своего гендера [Б. Булло, В. Л. Булло и Дж. Элиас (B. Bullough, V. L. Bullough, & J. Elias), 1997][17].

Разное отношение к понятию «трансгендер»

Многие люди воздерживаются или отказываются от любой строгой дихотомии между мужскими и женскими гендерными ролями. В их собственных жизнях они сочетают характеристики, которые наиболее часто считаются и мужскими, и женскими. В последнее время понятие «трансгендер» приобрело довольно широкое значение, включающее транссексуалов, трансвеститов, тех, кто переодевается в одежду противоположного пола, и других, кто выходит за традиционные границы гендера, принятые в обществе. Некоторые предпочитают понятие «трансгендер» благодаря его всеобъемлемости, другие ненавидят его по этой же причине. Лица, демонстрирующие трансгендерное поведение, не пытаются сойти за кого-то или что-то, чем они не являются. Трансгендерные индивиды чувствуют, что они выражают аспекты себя, которые не могут проявиться никаким другим способом. Как писала Анна Болин [Anne Bolin, 1997]: «Создание трансгендерного сообщества обозначает новообретенное родство, которое вытесняет дихотомию транссексуалов и трансвеститов, заменяя ее на концепцию целостности и непрерывности»[18].

Опасность навешивания сексуальных ярлыков

Ранее я заметил, что было бы лучше использовать понятия «гетеросексуальный», «гомосексуальный» и «бисексуальный» как прилагательные. Выступая в роли существительных, эти понятия слишком часто используются для навешивания ярлыков на людей, как будто бы это тотальное проявление их характера, а не всего лишь репрезентация одной грани их личности. Я полагаю, что это предостережение могло бы быть расширено и на другие понятия, часто используемые для навешивания ярлыков на людей. Человек является трансвеститом, транссексуалом или лесбиянкой не более, чем кем-то другим – подростком, евреем, сторонником партии

зеленых или водопроводчиком. Жизнь и характер сложны, и с клинической, и с социальной точек зрения было бы лучше и мудрее признать это многообразие. Клиенты, как дети, так и взрослые, оценят это признание. Точно так же, когда используют такие ярлыки, как *жертва* или *преступник*, человека, о котором говорят, лишают признания за другие и, возможно, лучшие его качества. Опасность состоит в том, что индивиды, которых обозначили этими ярлыками, могут сами прийти к ви́дению только этой стороны себя и ограничить или лишить свою жизнь других аспектов значимого самовыражения. Они могут думать, что теперь они должны соответствовать какой-то модели или стереотипу группового поведения. В случае детей и подростков позволение, признание и поддержание многочисленных аспектов индивидуальных проявлений личности особенно приветствуется в клинической практике.

Необходимость внести ясность в понимание значимых понятий

Цель статьи – внести ясность в понимание и использование значимых понятий. В частности, упор делается на специфике использования понятий пола, гендера, половой идентичности и гендерной идентичности. Ценность данного подхода к классификации типологии проявлений человека особенно очевидна, когда речь идет об индивидах, принадлежащих к группам различных меньшинств, таких как транссексуалы, интерсексуалы и др. Автор высказывает надежду, что упорядочение этих широко используемых понятий может значительно облегчить дальнейшие обсуждения и выдвижение научно обоснованных гипотез и теорий. Это также позволит более точно фиксировать и описывать клинику онтогенетического развития личности, особенно если он или она демонстрируют атипичное поведение. Следует обратить внимание на предупреждение не использовать данные понятия в качестве всеохватывающих ярлыков.

Примечания

1. Растения тоже сексуально организованы. В данном случае термин *идеальный* используется для описания растений, которые имеют как мужские, так и женские репродуктивные характеристики.

2. *Андрогин* – понятие, которое также используется, но гораздо реже, обозначает интерсексуального человека.

3. Почему одни языки разделяют существительные на мужской, женский и средний род, а другие не видят в этом никакой надобности – вопрос, над которым до сих пор ломают голову лингвисты.

4. В некоторых популяциях, таких как многие виды рыб, особь может быть мужской, производя сперму в один момент времени, и женской, откладывая яйца в другой момент времени, переходя от одной формы пола к другой. Как правило, такие виды не имеют половых хромосом.

5. Для биологов, а также для многих других у животных и растений, не имеющих культуры, не существует понятия гендера.

6. Существует множество дополнительных путей для рассмотрения понятия гендера. Например, Ричард Экинс и Дэйв Кинг (Richard Ekins and Dave King, 1999, 2001) исследовали различные формы термина *ангендеринг* (*ungendering* – отсутствие гендерной дифференциации). Данные формы представляют собой различные процессы, используемые некоторыми людьми с целью кардинального изменения гендерных различий. Это может включать попытки «отрицания», «переноса», «побега», «стирания», «перечеркивания» или «отречения» от гендерных характеристик. Эти авторы также используют новую терминологию, такую как «феминизация мужского» и «маскулинизация женского», «трансгендеринг» и «колебание». Все эти понятия относятся к различным техникам, используемым людьми для изменения различных аспектов, пола, гендера и эротики.

7. В некоторых контекстах, таких как лесбийские или гомосексуальные чтения, используется понятие *половой идентичности*, обозначающее трактовку индивида самим себя в качестве гетеросексуального, гомосексуального или бисексуального. Среди сексологов, тем не менее, отношение к половому партнеру выражается в терминах *сексуальная ориентация* или *сексуальные предпочтения*.

8. Возможно, Дж. Мани и А. Эрхардт (1972) не разделяли концепты половой и гендерной идентичности потому, что верили, что социальный статус и присвоенный пол индивида ведут к гармоничной идентичности.

9. Это реальный случай, который у меня был.

10. Представлены результаты исследований людей, страдавших РГИ (расстройствами гендерной идентичности) в детстве и проходивших лечение. Тем не менее в обзор не включены дети с РГИ, не получавшие лечения. Без контроля лечения и сравнения польза лечения до сих пор остается неясной.

11. До сих пор вопрос, как лучше общаться с такими детьми и руководить ими, остается открытым. Такие клиницисты, как К. Дж. Зукер (K. J. Zucker, 1990,

2001), Г. А. Рекерс, М. Килгус и А. С. Роусен (G. A. Rekers, M. Kilgus, and A. C. Rosen,1990), а также П. Т. Коэн-Кеттенис (P. T. Cohen-Kettenis, 2001), считают лучшим средством активное лечение таких детей для предотвращения их отрицания сверстниками, появления депрессии, а также связанных с ней психопатологий и потенциального транссексуализма. Другие, такие как Дж. Колеман (J. Coleman,1986), задумываются об этичности и необходимости таких вмешательств. Многолетние исследования редки, однако сторонники лечения утверждают, что лечение, очевидно, помогает решить многие проблемы таких детей.

12. Существует много людей, имеющих половые отношения с представителями своего пола, но не считающих себя гомосексуалистами и не ассоциирующих себя с ними. По этой причине, а также по другим такие люди, участвуя в исследованиях, посвященных теме СПИДа, предпочитают описывать свое поведение не в понятиях гомосексуальности, а используя термин «мужчины, имеющие отношения с мужчинами» ('males that have sex with men' – MSM).

13. Споры о так называемом «настоящем» поле возникли в XVIII веке, когда врачи и другие исследователи пытались осознать феномен интерсексуальности. Дебаты вокруг этой проблемы в определенной степени продолжаются и по сегодняшний день, когда имеющиеся биологические и социальные характеристики находятся в очевидном конфликте. Для обычных людей, тем не менее, такого вопроса не возникает, потому что у них гендерные и половые аспекты личности находятся в полном согласии. Историческая перспектива данной проблемы представлена в трудах А. Д. Дрегера (A. D. Dreger, 1998).

14. Даже если эта женщина принимает свою андрогинную бесчувственность, это не означает, что у нее не будет проблем в дальнейшем. Тем не менее она действует и делает все возможное, чтобы воздействовать на негативные аспекты своей жизни так же, как и другие люди, решающие свои жизненные проблемы.

15. Drag Kings: женщины, переодевающиеся в мужскую одежду, также существуют, но их гораздо меньше, чем таких мужчин. Их жизненная позиция и мышление похожи на мужчин-трансвеститов, исключая те случаи, когда они предпочитают вести жизнь в мужском гендере и являются гинекофильными.

16. Штаб-квартира организации расположена по адресу: 8880 Bellaire Blvd., B2, Suite 104, Houston, TX 77036–4621, USA (www.tri-ess.org).

17. В Великобритании недавно появилось понятие *третий пол* «3rd G»*, наряду с ТС (транссексуальность), ТВ (трансвеститы) и ЛГБ (лесбиянки, геи, биссексуалы). Понятие *третий пол* было введено для репрезентации трансгендерного населения и интерсексуалов, предпочитающих не определять себя как мужчину или женщину. В США набирает популярность термин ТГВ (трансгендерный вариант).

18. Самая большая группа поддержки трансгендеров в мире – это сообщество «Бритиш Бимаунт» (British Beamont Society, www.beamontsociety.org.uk), 27 Old Gloucester Street, London WC1N 3XK.

---

1. *Schmidt E.* UCLA geneticists identify cause of malformed genitalia, finding will improve sex assignments in ambiguous newborns // Press release. – Los Angeles, 2001. – May.

2. *Simpson J.A. & Weiner E.S.C. (Eds.)* // Oxford English dictionary. – Oxford, 1989.

3. J.E.B. v. Alabama, 114 S. Ct. 1419, 1994.

4. *Case M.A.* Disaggregating gender from sex and sexual orientation: The effeminate man in the law and feminist jurisprudence. // Yale Law Journal. – 1995. – V. 1. – No. 9.

5. *Money J. & Ehrhardt A.* Man and woman, boy and girl. – Baltimore, 1972.



* В Германии этот термин был принят официально 1 ноября 2013 года для людей, *которые родились с физиологическими признаками обоих полов. – Прим. пер.*

Новое поколение: новый взгляд



Валерий Шергин

КОНЦЛАГЕРИСТЫ*

Добрая пьеса в двух действиях, содержащая сцены насилия

Действие второе

Картина первая

Где-то, возле развилки дорог, рядом с поселением Яган.

На небольшой отлогой горке, скрывшись за кустами от посторонних глаз, расположились наши беглецы: П е д р о с , А к ч а р у д, С т а л к е р, Т о м ы ш е в и ...

Татьяна. Так, и кого же мы ждём, мальчики?

Т а т ь я н а, хоть и женщина, но одета в мужскую одежду, которая смотрится на ней так же нелепо, как юбка на Педросе...

Педрос. Мы же сказали уже, Федота.

Татьяна. А он придёт?

Томышев. Вопрос, конечно, интересный...

Педрос. Не смей! Не смей ничего плохо говорить про него!

Томышев. Я ничего ещё и не сказал... Сидим да ждём. Чё нам? Да, Сталкер? Федот, когда мы уходили, что говорил? Говорил, что если не придёт, чтоб не ждали мы его! Говорил же?

Сталкер. Говорил... Но время ещё терпит. Так что ждём.

Томышев. Конечно же ждём! А ты не знаешь же, Татьяна, кто у нас Федот-то? Что ты... Такой человек! Недавно орден получил «за скромность и верность». Представляешь? Начлагерь его наш заместо себя уполномоченным оставил в Чутожмоне... А ещё его в Центр на конференцию позвали...

Педрос. Заткнись!

---

* *Окончание.* Начало см.: Развитие личности. – 2013. – №1. – С. 189–217.

Томышев. А что такого-то?!! Я же ничего плохого... Я же только хорошее про него!

Педрос. Вот и заткни свой рот!

Томышев. Я-то заткну... Только Федоту побег этот меньше всего нужен. Избавился от вас, и хорошо ему. Теперь вообще никакого компромату на него не будет... Эх, заживёт!

Татьяна. Уж лучше бы он пришёл. Я так есть хочу...

Сталкер. Все хотим. Потерпи... Федот, даже если придёт, не факт что с собой возьмёт чего-то...

Педрос. Да... Он же не знает, что кое-кто рюкзак с провизией в реке утопил.

Томышев. Он тяжёлый был! Вниз меня тянул!

Педрос. Так он всю дорогу тебя вниз тянул...

Томышев. Конечно, давайте, давайте срывайтесь на мне... Я же для вас – говно-человек. На мне можно срываться... Вместо того, чтоб помочь...

Педрос. Я лопату в это время нёс! И вообще тебя не видел.

Акчаруд (*жестами*). Зато я видел. Он специально рюкзак утопил.

Томышев. О, смотри , Педрос, правильно Акчаруд говорит, что я до последнего за рюкзак боролся.

Акчаруд (*жестами*). Чего?!! Я вообще другое сказал!

Томышев. Спасибо, Акчаруд, что поддержал...

Татьяна. Что же делать? Я есть так хочу...

Сталкер. Ладно, сейчас ещё полчаса его ждём... Не приходит – идём дальше...

Педрос. Я без Федота никуда не пойду!

Сталкер. Я всё понимаю, Педрос, но у нас с Федотом был уговор.

Педрос. Федот нас не бросит. Он может задержаться, но не прийти он не может. Понятно вам?!

Татьяна. Давайте куда-нибудь сходим за едой, а? Поедим, потом опять ждать станем. Может там, где-нибудь в полях, турнепс ещё остался? Я же не против, чтоб ждать... Просто у меня желудок сильно урчит. А тут ещё мужик какой-то «ку-ку» кричит.

Сталкер. Какой мужик? Где?

Татьяна. Вы что ли не слышите? Ну вот же... опять... «ку-ку»... Слышите?

Все замирают на своих местах, прислушиваются...

Через пару секунд действительно становится слышно, как мужской голос выкрикивает: «ку-ку».

Татьяна. Теперь слышите?

Педрос. Больной какой-то... Кто бы это мог быть?

Томышев. Тот, у кого кукушка напрочь свихнулась.

Педрос. Это точно.

Акчаруд (*показывает жестами*). Идиоты, это же – Федот!

Крики «неизвестного» становятся отчетливей. Он приближается.

Сталкер. Это уже не смешно. Ждите меня здесь. Схожу на разведку...

Педрос. Нет, Сталкер! Стой! Это слишком опасно! Не ходи... Пусть лучше Томышев идёт.

Томышев. А чё сразу я?! Я не пойду к этой кукушке.

Педрос. Пойдёшь-пойдёшь...

Сталкер. Подождите. Ты сказал, кукушке? Так значит, это Федот!

Акчаруд (*про себя*). Наконец-то...

Томышев. Чего?!!

Сталкер. Мы договорились с ним, чтоб он условный знак подал, как придёт... Правда, я не думал, что такой.

Педрос. Надо ему крикнуть, что мы здесь.

Сталкер. Не надо. Я его сам встречу... Ждите.

Сталкер уходит.

Педрос. Я же говорил? Я говорил, что он нас не бросит!

Томышев. Да, да, да... Он у вас – герой...

Сталкер. Еле поняли, что это ты. Я же просил «кукушкой» покричать...

Это С т а л к е р возвращается уже вместе с Ф е д о т о м.

Федот. А я что? Кукарекал что ли? Кукушка же, «ку-ку» кричит. Я и кричал так.

Педрос. Федот! Родненький!..

Завидев Федота, Педрос бросается к нему обниматься.

Федот. Сопли только не разводи! Ну-ну... Хватит... Осторожно, а то спицы у велосипеда погнёшь...

Педрос. Федот, тут Томышев говорил, что ты уже не придёшь... Без тебя идти хотел. А я знал, что ты нас не оставишь одних.

Федот. Всё, всё... Хватит, Педрос! Отстань! Дай отдохнуть, присесть...

Федот ставит велосипед на подножку, присаживается на траву.

Федот. Ехал к вам, устал... Поесть бы сейчас чего. Томышев, доставай консервы!

Томышев. Тут такое дело... это...

Педрос. Этот гад рюкзак с едой в реке утопил!

Федот. Как? Весь рюкзак?!! Ах ты ж... муха-бляха... И я-то с собой ничего не прихватил... Понадеялся... Я же в Чутожмоне сказал, что за вами, «беглецами», в погоню помчался... Разыграл всё как надо. Э-эх... Не отказался бы я сейчас от пюре с зелёным горошком.

Татьяна. Пюре с зелёным горошком... Какая прелесть. Просто обожаю...

Федот. О, а это кто у вас?

Педрос. Это Татьяна. Татьяна, это Федот.

Татьяна. Я поняла уже... Приятно очень.

Сталкер. Мы её по дороге подобрали. Вернее, она сама на нас вышла.

Педрос. Теперь она с нами бежит.

Федот. Так это – она? Настоящая женщина? Но женские поселения все на Севере же? Ты, Таня, по полям с весны что ли бегаешь?

Татьяна. Не совсем... Это долгая история... Скажите лучше, что дальше делать будем? Я есть очень хочу...

Федот. Кстати, Педрос... Ты спросил у Сталкера, что хотел?

Педрос. Нет. Ещё подходящий момент не настал...

Сталкер. А дальше... Дальше двигаться к Успьяну надо. Нам, главное, к ночи добраться туда... Если данные не врут, в это время там будет спокойно... Сейчас глянем...

Сталкер достаёт свой телефон, смотрит на экран.

Сталкер. Эх, нет... здесь сеть всё ещё не ловит. Нужно подойти ближе.

Федот. Ты сказал, до Успьяна до ночи дойти надо? Думаешь, успеем?

Томышев. На одном велосипеде далеко не уехать.

Педрос. А мы тебя здесь оставим, тогда успеем.

Сталкер. Нет, Педрос, что ты такое говоришь? Даже если мы его оставим, всё равно все не поместимся...

Федот. Как же тогда мы? По полям пойдём?

Сталкер. По полю двигаться медленней будем. Лучше по дороге.

Федот. Так и как теперь быть?

Сталкер. Есть одна идейка. Автостоп называется... Отсюда дорога хорошо просматривается. Утром я приметил, как в Яган каратель ехал. Как не крути, а каратели в поселениях долго никогда не задерживаются. Боятся в поселениях ночевать... Думаю, он скоро возвращаться будет. Наш план следующий: один из нас выходит на дорогу и тормозит карателя...

Педрос. Я даже знаю, кто это будет...

Сталкер. ...Остальные прячутся вдоль дороги. А когда каратель слезет со своего велосипеда, валим его, забираем ключи и... Велосипед наш!

Картина вторая

В канаве возле дороги лежат трое: А к ч а р у д, Т а т ь я н а, Т о м ы ш е в...

Томышев. Не нравится мне всё это!

Татьяна. Хватит это повторять. Надоел уже. Тебе почти ничего делать не надо. Только выйти на дорогу, чтоб каратель остановился.

Томышев. Не нравится мне всё это! Я этих карателей жуть как боюсь.

Татьяна. Все боятся, так что теперь...

Томышев. Да пошли все во пень! Не пойду я никуда...

Татьяна. Что, испугался? Зассал?!

Томышев. Не отрицаю. И чё?!

Татьяна. Ни чё!

Томышев. Нет, ты скажи... Вот зассал и чё?! А ты бы не зассала что ли? «Выйди да останови», легко сказать... Конечно, сзади подкрасться и грохнуть гораздо легче.

Татьяна. Да ты и грохнуть-то зассышь.

Томышев. Вот это бы я, между прочим, оспорил бы... Как-никак, фельдшер я. Строение тела хорошо знаю...

Томышев сейчас мог бы долго продолжать теоретическую часть анатомии человеческого тела. Но тут...

Неподалёку закуковала кукушка.

Татьяна. Тише. Слышите? Это кукушка.

Томышев. Спроси, сколько жить нам ещё.

Татьяна. Очень смешно... Это Сталкер условный знак подаёт, значит, каратель рядом! Ну, Томышев, выползай уже...

Томышев. Прямо сейчас, что ли?

Татьяна. А когда? Давай выходи...

Томышев. Да никуда я не пойду. Чё сразу я-то?

Татьяна. Вообще-то, жребий на тебя пал... А ну выходи! Иначе всех подставишь.

Томышев. Вот сама и иди. Чё я, не даю, что ли? Геройствуй сама...

Татьяна. Я же женщина!

Томышев. Вот и тем более. Иди...

Слышно, как «кукушка» усилила свой сигнал.

Татьяна. Каратель уже рядом! Ну?!! Либо сейчас, либо никогда вообще! Томышев... Не будь ссыклом. Это же твой шанс! На карту поставлено наше будущее... Наша свобода. Наши жизни... И твоя тоже. Из говна-человека ты можешь превратиться в героя. Как никогда в тебе нуждаются, а ты? Ну же, Томышев, миленький...

И тут, после этих слов Татьяны, которые прозвучали так красиво и драматично, Томышев...

Татьяна. ...миленький.

...Томышев даже не пошевелился.

Акчаруд (*жестами*). Говно-человек ты, Томышев!

С этими, не ощутимыми для слуха словами, на дорогу, преграждая путь карателю, вышел Акчаруд...

Каратель (*резко ударив по тормозам*). Это что за бабуйня?!!

Каратель Мигалко, доселе спокойно крутивший педали своего велосипеда, возвращаясь с удачно выполненной карательной операции, сейчас сильно удивился, увидев вышедшего на дорогу молодого парня.

Тормозной путь его велосипеда составил два метра тридцать два сантиметра...

Каратель (*остановившись*). Эй, ты! Ты кто такой? Назовись!

Акчаруд молчит.

Каратель. Что ты? Не слышишь мой приказ, что ли?! Назовись! Ты кто такой?

Акчаруд молчит.

Каратель. Учти, я пять раз повторять не стану. Ты кто такой?! Ты кто такой?! Ты кто такой?!!

Акчаруд по-прежнему не произносит ни слова. Да он, в принципе, и не может. Но каратель-то этого не знает. Поэтому...

Каратель. Меня начинает это бесить!!! Ты немой, что ли?

Акчаруд качает головой: «Да».

Каратель. Понятно... (*Слезает с велосипеда, ставит его на подножку.*) Ты здесь не один! Наверняка где-то тут, поблизости, твои подельники засели в засаде... Хотите захватить моё транспортное средство?!

Акчаруд мотает головой: «Нет».

Каратель. Ой, да не пиз... Не лги мне! Эй, кто здесь ещё есть?!! Выходите! Лучше выходите по-хорошему, тогда покараю всех быстро! А если нет, то долго и мучительно заставлю умирать каждого! Ну?!!

После столь громкого заявления на дорогу всё же никто не вышел.

Каратель. Значит, не хотите по-хорошему? Ладно... (*Подходит к багажнику своего велосипеда, роется там в инструментах, находит бензопилу...*) Ладно. Пойдём от противного...

Каратель идёт в сторону Акчаруд. На шине его пилы большими буквами красуется надпись: «Аллигатор».

Каратель. Сейчас я сосчитаю до трёх. Если никто не выйдет, я отпилю этому парню голову! Слышите?!! А ты, парень, встань-ка пока на колени, а то мне неудобно так будет, спина, знаешь ли, болит... Старею уже...

Акчаруд становится на колени.

Каратель. Итак... Один!.. (*Дёргает нить стартёра пилы...*) Два-а!!! (*Пила заводится, издавая характерный визжащий звук...*) Три-и-и!!! (*Заносит пилу для удара.*)

Татьяна. Стойте! Подождите! Я... Здесь есть ещё я!

Татьяна выбегает на дорогу, каратель смотрит на неё, опускает пилу, но не выключает её...

Каратель. И всё-таки я оказался прав! Не так ли?.. Ты кто такая? Назовись! С вами ещё кто-то есть?

Татьяна. Говно-человек. Но он уже убежал...

Каратель. Ничего, я и его достану. Не беспокойся...

Татьяна. А я – Таня... Меня Татьяна зовут...

Каратель. Очень приятно. А я Мигалко! Карателем работаю. Вот... И слов на ветер я своих не бросаю! Так что... Извините, Татьяна, но вы же вышли после трёх...

Каратель замахивается, и цепь его пилы врезается в голову Акчаруд!

Кровавые куски черепа тут же раскидало по периметру, забрызгав дорогу кровью. Один жирный кусок черепа попал в открытый от шока и ужаса рот Татьяны...

Но так как она давно ничего не ела, то её и не стошнило.

Каратель (*закончив пилить голову Акчаруд, заглушает пилу*). Просто у меня такая работа... Ничего личного, простите... Татьяна, вы тоже на колени пока встаньте. Я сейчас к вам подойду... Негоже вас так же пилой уродовать. Вы всё-таки женщина... У меня там в багажнике есть сабелька... Я сейчас...

По лицу Татьяны побежали слёзы. Никто не спешил к ней на помощь. И ей ничего не оставалось, как рухнуть на колени и ждать, когда Мигалко принесёт свою сабельку...

Мир замер, превращая секунды в вечность.

Но тут чья-то ладонь опустилась на её плечо, а голос Сталкера прошептал: «Беги»!

Каратель (*достаёт из багажника саблю*). Вот она! Холодная и блестящая! Самая подходящая для женской шейки... А это что за?!!

Мигалко сейчас ещё раз очень удивился, увидев вместо рыдающей на коленях Татьяны уверенно стоящего на ногах С т а л к е р а...

Каратель. А ты кто такой?!! Назовись!

Сталкер. Я Сталкер. Ты разве не признал меня?

Каратель. Ба! Кого я вижу!.. (*Идёт к Сталкеру.*) Старый знакомый. Ну что же, рад тебя видеть! Ты не представляешь...

Сталкер. А я-то как! Только, может, без соплей обойдёмся? Решим всё по-мужски, в честном бою!

Каратель. Это как в прошлый раз?

Сталкер. Именно.

Каратель. Да уж нет, спасибо... Мне и того раза хватило... До сих пор спина болит. Так что...

Каратель неожиданно для Сталкера замахивается и делает резкий выпад вперёд. Сталкер не успевает отпрыгнуть и получает скользящий удар саблей в грудь...

Каратель. А! Как я тебя?! Не ожидал?!! Ну, вот и всё...

Сталкер (*держась за грудь, пятится назад*). Это... Это что? Это ты мне что? (*Падает на дорогу.*) Ты мне это – грудь распорол, что ли?

Каратель (*с довольной ухмылкой*). Да!

ХАЙ-ТА-А!!!

И всё-таки Ф е д о т у удалось застать противника врасплох и нанести ему свой удар. Каратель не успевает даже удивиться боевому крику Федота, как лопата того вонзается ему в спину...

Шкала ненависти Федота превысила сейчас все возможные нормы, поэтому удар был такой силы, что лопата прошла насквозь как копьё.

Федот. Лопата, самый нужный инструмент...

Убитое лопатой тело карателя падает на землю. Становится тихо...

На дороге появляются остальные беглецы... Т а т ь я н а и П е д р о с бегут к Сталкеру, пытаются оказать ему первую помощь. Т о м ы ш е в стоит рядом, но ничего не делает...

Федот (*склонившись над телом Акчаруд*). Акчаруд. Акчаруд мой... нет... Акчаруд, сынок... Как же так? Как же это так-то, а? Почему ты? Почему ты-то вышел на дорогу? Зачем же ты? Почему всё так... (*Смотрит куда-то в небо, словно ищет кого-то, кричит.*) Почему ты забираешь самых лучших?! Почему ты забираешь самых любимых?! Почему ты забираешь самых красивых?! Почему ты забираешь самых невинных?!! Почему они?!!

Педрос. Федот...

Федот. Почему ты забираешь их?! Почему ты…
Педрос. Федот!
Ф. Что?!!
Педрос. Федот, нам надо идти. Сталкер ранен…
Федот. Я не договорил! Оставь меня…
Педрос. Хорошо, хорошо… договаривай.

Пауза.

Федот. Ты меня сбил…

Больше он не смог ничего сказать. Мышцы лица перестали его слушаться. Руки и ноги налились тяжестью, и он не мог ими пошевелить, хотя каждая клеточка его тела хотела кричать! А он не мог. Он смотрел на тело Акчаруд сквозь слёзы, пытаясь вспомнить хоть что-то хорошее, что могло бы унять сейчас его боль. Но мысль тупая врезалась в голову: «Почему кровь солёная, а пахнет так сладко?»

Это убивало ещё сильнее. Не подходи к нему, Педрос. Не подходи к нему, Татьяна. (А ты, Томышев, вообще беги.) Федоту сейчас и так плохо, а тут ещё...

Дождь пошёл.

Картина третья

Томышев. Надо было Сталкера там оставить… Всё зря. Всё впустую. Вот зачем нам этот велосипед нужен был? Он даже не пригодился… Мы всё равно щас идём по этому полю…

Педрос. Заткнись, Томышев… Пожалуйста…

По мокрому полю под дождём, промокшие и испачканные в грязи, медленно идут беглецы...

Педрос, Татьяна и Томышев тащат велосипед, придерживая в седле раненого Сталкера. Федот идёт впереди, он направляющий...

Томышев. Он и так скоро сдохнет. Много крови потерял… А ещё заражение может начаться. Я фельдшер, я знаю…

Татьяна. Слышишь ты, фельдшер… Где ты был, фельдшер, когда ему помощь нужна была?

Томышев. Да он уже не жилец! Надо разворачиваться и домой возвращаться… Пока совсем не поздно. Всё зря. Всё бессмысленно…

Педрос. Хочешь сказать, Акчаруд бессмысленно погиб? Да я тебя за это… Федоту всё скажу…

Томышев. Дак вы не понимаете… Без Сталкера нам не пройти… Куда мы идём-то вообще? Уже темно, ничё не видно… Мне страшно… Я домой хочу! Я жрать хочу! Я весь промок…

Педрос. И я промок… В следующий раз возьму с собой дождевик…

Томышев. Педрос, может, пока не поздно, рванём назад, а? Бросим всё и назад!

Педрос. Федот никого не бросит! Если так хочешь, вали, от тебя всё равно толку нет. Сталкер Федоту карту с маршрутом оставлял. Федот весь его знает. Так что мы дальше пойдём, а ты вали...

Томышев. Нет, ну если так... Я лучше останусь. Это просто стресс у меня. Я иду...

Федот. Стоп! Стойте все!

Педрос. Стоим... А что там?

Федот подходит к остальным.

Федот. Если карта у Сталкера не врёт, то дальше минное поле... Сейчас ещё стемнеет, мне совсем не разглядеть будет... Поищите у Сталкера, он говорил, у него был какой-то фонарик...

Педрос. Ага, сейчас поищем...

Томышев. Фонарик? Так у меня же есть вообще-то... фонарик.

Федот. Что? Фонарь у тебя? Откуда? Давай сюда.

Томышев. Ага, сейчас. Да я это... (*Шарит в вещмешке.*) У меня он так, чё... Всегда с собой был... Мало ли? Вот и взял... Вот (*достаёт фонарик*), держи, Федот... Не потерялся, есть...

Федот (*берёт фонарик*). Ох ты... У тебя зелёный фонарик?

Томышев. А то! Видишь, не зря меня с собой взяли...

Федот. Ох ты... Педрос, глянь, он ещё и с красной кнопочкой! «Аллигатор»?

Томышев. Ага... «Аллигатор», конечно... Пригодился я, правда?

Федот. Работает на бензине?

Томышев. Да, точно... на бензине.

Федот. Хороший фонарик... Педрос, дай-ка мне лопату... Слушай, а где ты его взял?

Томышев. Да так... Это... давно уж так-то...

Федот. Понятно... Педрос?..

Педрос. Сейчас...

Федот. Педрос!

Педрос. Да вот, вот твоя лопата...

Педрос отдаёт лопату, перепачканную кровью карателя и грязью, со свежей могилы Акчаруд, Федоту.

Томышев. Федот, да ты что?! Это что?.. Зачем лопата-то? Да я же не... Федот! Я не... же...

Федот. Крыса!

Томышев (*убегая*). Федот, не-е-е-ет!!!

Федот (*включает фонарик, направляет в сторону, куда побежал Томышев*). Всегда догадывался, кто его скрысил... Томышев, чёрт...

Педрос. Говно-человек он...

Вдруг неподалёку раздался громкий хлопок. Не иначе как мина взорвалась.

Педрос. Ого! Это, похоже, добегался Томышев. Туда ему и...

Тут раздался второй взрыв.

Федот. Это что?! Одной ему мало?

Раздаётся третий взрыв. За ним сразу ещё один...

Федот (*смотрит куда-то в небо, кричит*). Да что же это такое?! Ты, что ли, тоже за них?!!

Взрывы продолжаются...

Педрос (*считает*). ...четыре, пять, шесть... семь...

Стихло. Взрывы прекратились...

Педрос. Семь?

Татьяна. Семь... Семь мин на этого урода ушло?

Педрос. А что ты хотела? Говно-человек...

Федот. И не говори... Ладно, некогда нам стоять. Идёмте дальше... Скоро до Успьяна дойдём... Там у границы должна сторожка быть. У Сталкера отмечена она. Там и отдохнём все...

Картина четвёртая

Карта не обманула. На границе и правда стояла сторожка, в которой Федот и его спутники остановились, чтобы переждать дождь и эту ночь.

Впрочем, в сторожке оказалось ещё и много полезных вещей, таких как чайник, кружки, консервы, винтовка, аптечка... Поэтому Сталкер спал сейчас, перевязанный, на тахте. Рядом с ним Федот, разместившись на скамейке, так же спокойно спал.

За столом, с горячими кружками чая, сидят Педрос и Татьяна.

Педрос. Федота жалко... Акчаруд – это такая утрата для него... Он же его больше жизни любил. Что ты... всегда дочку хотел. Знаешь, как мечтал?

Татьяна. Я погляжу, тебе повезло с Федотом, да? Сильный человек...

Педрос. Не то слово. Мне очень с ним повезло... Ты не смотри, что он суровый такой. Он не убийца, нет...

Татьяна. Расскажи мне про него.

Педрос. Даже и не знаю, с чего начать-то. Что, понравился тебе? Да... Ему бы женщину нормальную, да и не здесь жить. Она бы в нём души не чаяла. Сама же всё видела... Тут если вспоминать, то и всей ночи не хватит. У-у-у... Столько всего было... В душе он очень мягкий, добрый. А главное, никогда не предаст. Это-то я знаю...

Татьяна. Расскажи, как познакомились вы с ним?

Педрос. О-о-о, какие подробности захотела! (*Смеётся.*) Ну что, привезли меня, помню, в Чутожмон и говорят, что буду я в супружниках у

одного хорошего человека. Ещё помню, Степан, начлагерь наш, сказал, что повезло мне, мол, что я не Томышеву достался... Представляешь, если б я к Томышеву попал?

Татьяна. Ужас...

Педрос. Ага... Так что? А... привели меня в дом, значит... Федот даже и не посмотрел на меня. Пошли, говорит, чулан сразу разбирать, комнату тебе готовить, спать с тобой всё равно не буду... Ну пошли. В чулан заходим, а там темно, не видно ничего, будто как глаза закрыты у нас... Я тогда и говорю ему: «Темень-то какая, тут нам без сракела никак не обойтись».

Татьяна. Сракел? Это что вообще такое?

Педрос. Вот-вот. Федот тоже у меня сразу спросил... «Чего-чего, – говорит, – чего ты сейчас сказал?» А я такой: «Так сракел, сракел нужен! Светить чтоб!»

Татьяна. Всё равно не поняла я.

Педрос. Да это я так факел называл! Я у себя, в Водзимонье, откуда меня привезли...

Татьяна. Водзимонья? А Водзимонья, это где?

Педрос. Это рядом с Волипельгой...

Татьяна. Всё. Не продолжай... Дальше что?

Педрос. Так вот, я в Водзимонье самый молодой был. Остальные все старики да старухи... Меня баба Матрёна одна воспитывала. Школа далеко была, ездить чтоб... я и не ездил... Ну, вот она меня и учила читать да писать. Сама мне даже букварь нарисовала... Только не успел я всё выучить... Слегла она по болезни, старая была, да и не стало её вскоре... В общем, не все успела она мне буквы объяснить. Дальше я сам себя учил уже... Так вот, а в букваре её буква «Ф», знаешь, у бабы Матрёны размашистый почерк был, вот и «Ф» размашистой была... Я и выучил её как сочетание «СР»... Понимаешь?

Татьяна. Не совсем пока...

Педрос. Вместо «Ф», я «СР» читал. Ну?!! Не понятно?.. Ладно... Скажи слово любое, вот с буквой «Ф» чтоб...

Татьяна. Ладно... Фикус.

Педрос. Вот, фикус, а я тогда читал его как «срикус». Ещё скажи...

Татьяна. Фантик.

Педрос. Срантик.

Татьяна. Фартук.

Педрос. Срартук!

Татьяна (*смеётся*). Фантастика...

Педрос. Срантастика!

Татьяна. А – телефон?

Педрос. Телесрон! Вот... Ты смеёшься, и Федот тоже до слёз надо мной ржал... А тут любое слово так прочитай, все смешными будут... Федот сперва так сильно смеялся, что аж до слёз!.. Пока я это, до имён не добрался. А вот, говорю ему, ещё имена какие смешные есть, и перечисляю ему такие: Срёкла, Сросья, Срёдор, Средот! И тут... Федот вдруг смеяться перестал, в лице переменился, посмотрел такой, серьёзно так на меня,

посмотрел и говорит: «Меня, вообще-то, Федот зовут. Прошу любить и жаловать...»

Татьяна. Ох ты как? Испугался ты тогда?

Педрос. Ещё бы... Так посмотрел, что... В общем, на эту тему мы с ним больше никогда не шутили... Чулан разобрали, комнату сделали. В ней потом Акчаруд жил... А про это забыли, и всё. Правда...

Татьяна. Что?

Педрос. Было один раз... Это вот когда, помнишь, реформа «Равенство всех» началась...

Татьяна. Это я помню. Когда деньги все отменили...

Педрос. Да, тогда... Тогда ведь все драгоценности у контингента изымались, чтоб ни бедных, ни богатых... А у меня от бабы Матрёны только крестик один остался. Зачуханный такой, маленький... Но золотой. А раз золотой, сдавать же надо было... А я не смог. У себя оставил. За пазухой прятал... Потом, не помню как, но засветил я его. В столовой, блин... Сам не пойму, как он тогда выпал?! Но, в общем, засветил и засветил... Домой сразу помчался, спрятать чтоб! Прибегаю, а там Федот. Спрашивает: «Что случилось?» Я ему в руки только крестик сунул, а в дверь уже стучат!

Татьяна. Кто?

Педрос. Стёпа. Известно кто... Начлагерь наш... Ох, и начали они нас шманать! Весь дом перерыли сразу... Только ничего они не нашли. Тогда они собак, на золото обученных, привели. Но те тоже ничего не нашли... Тогда бить начали... Жестоко... Жесточайше... Ох, как били, ох, как пытали... Федота. Он же старший! Вот и досталось ему из-за меня... Ему бы сдать меня и не мучиться, правильно? А он не сдал... Тогда его казнить повезли.

Татьяна. Казнить? Какой ужас!

Педрос. Да... Это я так тогда подумал, что казнить... Но Федот, правда, тоже так думал. Поэтому, когда выводили его уже, он вдруг посмотрел на меня, как бы прощаясь, посмотрел и сказал: « В косре, в косре...» Никто ведь из этих не понял, про что он. А я понял! «В кофе», он сказал мне, «в кофе»... А тогда ещё, помнишь, как-то на Новый год каждой семье в подарок по банке кофе растворимого дарили?

Татьяна. Нет, не помню. Ну, может быть...

Педрос. Дарили, дарили... Мы этого кофе по кружке с Федотом заварили как-то, но нам не понравилось. Лучше уж чай пить. Так и стояло у нас это кофе в шкафу где-то... Думали, обменяем, может, на что. А собаки-то эти, потом мы узнали, это кофе вообще не любят, оно им нюх портит. Поэтому это кофе даже из банки высыпать не стали они. Представляешь? Они о собаках позаботились так. Федот этого не знал тогда, просто случайно так сообразил, крестик в кофе засунул... Когда все ушли, я кофето высыпал, а там...

Татьяна. А там?

Педрос (*улыбаясь*). А там... Сейчас... (*достаёт из-за пазухи крестик.)* Вот он, мой крестик. Со мной всегда...

Татьяна. Какая красота! Можно посмотреть?

Педрос (*даёт*). Смотри... Самое дорогое, что есть у меня, от бабы Матрёны... Вот такой он, Федот мой...

Татьяна. Добрый и хороший...

Педрос. Не то слово! Да я за ним как за каменной стеной! Я за ним и в огонь, и в воду! Хоть на край света, лишь бы только с ним... Для него самое главное – это его семья! И неважно ему, где и при каком режиме жить. Семья – это святое... Вот так-то!

Татьяна. Понятно... Я таких никогда не встречала... А потом, что там дальше было?

Педрос. Да ничего. Вернули Федота. Его, оказывается, на промывание желудка уводили, думали, что он крестик съел... Ты крестик-то посмотрела? Давай уберу, а то...

Татьяна (*отдаёт крестик*). Я просто посмотрела же... Я же... Ой, что-то зеваю уже. Поспать, что ли?

Педрос. Чай-то допила? (*Прячет крестик обратно.*) Поспи тогда, конечно.

Татьяна. А ты? Не хочешь?

Педрос. Я?! Не-е-ет... Если усну, Федот мне голову оторвёт... Он же сказал караулить мне. Вот и буду сидеть-охранять... Винтарь видала какой? Так что...

Татьяна. Тогда спокойной ночи...

Татьяна укладывается на скамейку, закрывает глаза...

Педрос с винтовкой садится возле открытого окна сторожки, смотрит в ночь...

Педрос. Будь спокоен, Федот, я глаз не сомкну... Будь спокоен, спи, дорогой...

Картина пятая

Ночь уже начала отступать, но дождь идти не переставал. У окна в сторожке сидит Педрос. В его руках винтовка. Храп Татьяны помогает ему не заснуть.

Педрос. Да-да, я не сплю. Я не сплю...

Вдруг с улицы послышался звук хлюпающих шагов, приближающихся к сторожке.

Педрос. Что такое? Кто это там?

Педрос всматривается в темноту, пытаясь разглядеть, чьи это шаги он слышит, но там...

Педрос. Там никого нет... Наваждение какое-то...

Шаги приближаются...

Педрос. Стой, кто идёт?! А ну стой, а то стрелять буду!

Шаги останавливаются.

Педрос. Эй, кто там?! Кто это?!
Голос. Свои! Не стреляй!
Педрос. Кто – свои?!!
Голос. Так свои! Я это! Я!
Педрос. Пароль говори тогда!
Голос. Какой ещё пароль? Ты чего?! Это же я!
Педрос. Говори пароль, сказал, а то стреляю сейчас!
Голос. Не стреляй, ты чего?! Я же свой! Я это, я!

Шаги снова приближаются.

Педрос. Э-э-э, ты куда пошёл?! Пароль говори, а то стреляю!
Голос. Ой, да перестань.... Ты что это, серьёзно?
Педрос. Да!

Педрос щёлкает затвором. Шаги останавливаются.

Голос. Ты чего? Это же ведь я!
Педрос. Вот ещё одно слово, и я стреляю!
Голос. Так это же я!!!

ВЫСТРЕЛ!!!

Выстрел прозвучал оглушительно и устрашающе, словно предвестник неизбежного зла...

Ещё долю секунды назад мирно спавшие Федот и Татьяна пробудились от сна, будучи уже стоя на ногах. И даже Сталкер очнулся и вскочил на ноги.

Сталкер. Кто стрелял?!
Педрос. Я стрелял...
Сталкер. Зачем? Куда? В кого?!
Педрос. Он мне пароль не сказал.
Сталкер. Кто?! Где мы, вообще, сейчас?!!
Федот. В сторожке...
Сталкер. Какой ещё сторожке?
Федот. Рядом с Успьяном которая. Она у тебя на карте отмечена была...
Сталкер. М-м-м... (*Держится за грудь, садится.*) Сторожка... Эту сторожку за километр обходить надо было. Это же пограничная будка...
Федот. Да как же так? Я, значит, ошибся... Ах, ты ж... Блинский рот!
Сталкер. Педрос, в кого ты там стрелял?
Педрос. Не знаю... Шёл кто-то.
Федот. Ты в него попал?
Педрос. Я не видел... Сейчас спрошу. (*Кричит в окно.*) Эй, ты там?! Ты там?!! Отзовись! Живой или нет?!!

Никто не отвечает.

Сталкер. По такой темноте процент попадания очень невелик. Скорее всего, он давно уже убежал...

Педрос. Я не слышал, чтоб кто-то бежал...

Сталкер. Что бы там ни было, нам нужно уходить. И, как можно, скорее. С другого поста могли слышать наш выстрел. Где мой телефон?

Федот. Мы не трогали... У тебя он.

Сталкер. Нужно позвонить моим... (*С трудом достаёт из внутреннего кармана куртки телефон.*) Если выстрел слышали, то с минуты на минуту сюда может нагрянуть пограничный отряд... тогда нам конец...

Педрос. Будем отстреливаться?

Сталкер. Будем бежать... О, здесь уже ловит. Сейчас я позвоню... (*Размазывая кровь по сенсорному экрану, набирает чей-то номер.*) Только бы взяли трубку...

Татьяна. Это такой телефон у него?

Педрос. Ты ещё про их микроволновки не слышала.

Сталкер. Алло! Алло? Алло, это я! Слышишь меня?! Это Сталкер... Привет, дорогой... Как ты сам? Нормально?.. Слушай, мне нужна помощь... Вы выстрел слышали там? Да-да... Встретьте нас, хорошо? Да, я и ещё... Сейчас, подожди... Федот, сколько нас осталось?

Федот. Четверо...

Сталкер. Я и со мной ещё трое... Да-да... Я и ещё трое... Я понял, ага... Спасибо, пацаны... Ага, всё... Всё, пока... Пока... (*Убирает телефон.*) Всё в порядке. Нас ждут... Но уходить надо прямо сейчас. Всё будет хорошо...

Картина шестая

Дождливая ночь сменилась солнечным днём, а уютная сторожка сменилась на грязную клетку... вот такие повороты.

В клетке все, кроме Сталкера.

Педрос. Интересно, где сейчас Сталкер?

Татьяна. Я видела, как его уводили...

Педрос. Его, наверно, уже убили... А может, пытают?

Федот. Я думаю, что ему сейчас, наоборот, гораздо лучше, чем нам.

Педрос. Ты хочешь сказать, что он... Нет-нет, я не верю в это...

Татьяна. Бедный Сталкер, не повезло ему...

Федот. А я вот что-то не помню, чтобы у наших погранцов такая форма была. Не пойму что-то, где мы сейчас? Может, всё не так, как мы думали...

Педрос. Перестань, Федот... Как ты можешь так? Да его точно пытают... Ну, конечно! Он же свою ампулку с ядом Томышеву отдал.

К клетке подходит гладко выбритый и прилизанный толстый мужик.

Толстый. Ха-ха-ха… Так вот, значит, какие вы? Ха-ха…

А ещё у него смех неприятный…

Толстый. Люблю этот взгляд. Такой наивный, неиспорченный, ничего не понимающий… А где звезда ваша? А, вон-вон, вижу. Настоящий… Настоящий орденоносец. Ха-ха-ха… Ну и дурак же ты, братец!

Педрос. Что вы сделали со Сталкером?! Он не виноват! Это мы всё сами… Мы сами пошли! Не пытайте его! Слышите?!

Федот. Педрос, перестань…

Толстый. А-а-а… Вижу, звезда уже всё понял? Ха-ха… Молодец…

Педрос. Что? Что понял?! Федот?

Толстый. Всё переживаете за Сталкера? Ха-ха… Сталкер, подойди сюда! А то тут твои не въезжают ещё! Ха-ха-ха…

Возле ворот появляется Сталкер. На нём чистая одежда и свежая перевязка на груди…

Толстый. За него не переживайте. Жив, здоров…

Педрос. Сталкер? Почему ты там? Почему тебя не пытают?!

Толстый. Ха-ха-ха. Я не могу… Ха-ха-ха… Этот у вас самый тупой, что ли?

Педрос. О нет… Нет… Я не верю… Нет… Сталкер, ты это… Нас?

Толстый. Наконец-то дошло! Вот сколько ты их приводил, а таких я ещё не видел… А-ха-ха… Это просто бизнес! Ничего личного! Ха-ха… Интересно, ты как таких вообще уговорил-то?

Сталкер молчит.

Толстый. На «концлагеристов» опять? А-ха… Да, на «концлагеристов» многие ведутся! Дураки… Свободы захотели? Верите, что она есть? Где-то там, да? А её нету нигде! Дурачьё вы… Ха-ха-ха. Дома-то не сидится… Ну так чё, наслаждайтесь своей свободой. Её будет не много…

Педрос (*сквозь зубы*). Предатель ты, Сталкер… Чтоб ты сдох…

Толстый. О-о-о… Началось! А-ха-ха. Это же просто работа… У нас с вашими давно договор заключен, всех беглецов ловить и обратно сдавать! Что ты, такие деньги за каждого! Ха-ха… Тут у нас и за год столько не заработать… Раньше-то вашего сброду много бежало… А сейчас всё меньше. Поумнели, что ли? А нам вот и приходится вас самим выводить… А-ха-ха… На «концлагеристов» как на крючки насаживать… Ха-ха-ха…

Педрос. Суки вы…

Толстый. О, да… Давай-давай, повозмущайся… Сталкеру это не впервой. Верно я говорю, Сталкер? Он тут у нас настоящий профи по вашей части… Только самим-то вам чё не сидится-то? Живёте как в санатории. Всё, чё надо, есть. Всё на халяву! Живи – не хочу… У вас денег нет, а вам и не нужны они! Деньги – это вообще зло! Вас бесплатно кормят, бесплатно одевают… Каждой семье – жильё…

Баб от мужиков отделили? Ну и чё? Спать ведь вместе разрешили! А-ха-ха! Воркуйте себе там, голубушки... Ха-ха... А если вот урод родился ты, некрасивый? Всё равно ведь супруга назначат? Ну... Семейный рай, блин!

Да у нас все завидуют вам. А вы всё ноете... Да сам Сталкер у вас остаться хотел. А-ха-ха... С перепою-то как-то, помнишь?

Сталкер молчит.

Толстый. Засмущался чё-то сегодня... Ну да ладно, о чём я щас?

Педрос. Что все завидуют нам...

Толстый. Ах, да, точно... Так это... У вас бедных нет, богатых нет. Все равны! Сталкер нам как-то фотки показывал, мы вообще все обалдели. У вас улицы чистые, газончики ровные, дороги вылизаны... У нас попробуй найди такое? Всё ж для вас...

Три стула, кровать, диван, стол, чайник, телевизор... Чё ещё надо?! Всё ж есть! Тут у многих и этого-то нет, хотя – свобода...

А медицина? Медицина мне ваша нравится... Ха-ха-ха... Сталкер, думаете, от хорошей жизни за вами бегает? Раньше золотые пылесосы продавал, а ребёнок заболел, такие деньги понадобились... Вешайся! Вот и ходит... А чё ему делать? Правильно...

А вот если у вас ребёнок заболел... Ну и чё? Ну и чё, что заболел? Всё равно не родной ведь... Назначенный! Чё переживать-то? Никаких эмоций... Нового назначат...

...а вы знаете, что у вас там самая низкая смертность? Не то что на свободе... Ха-ха-ха... Правда, это вас не коснётся уже. Ха-ха-ха. «Концлагеристы»... За каждого из вас мы столько получим... А за звезду ещё больше! Ха-ха... Скоро вернётесь... только не жить вам уже счастливо и беззаботно.

Всё это время Сталкер смотрит на «концлагеристов» и молчит. В его взгляде невозможно прочитать ничего....

«Концлагеристы» всё это время также смотрят на Сталкера. Но в их взгляде читается всё, что они думают о нём. Особо отчётливо читается одно бранное литературное слово, которое они давно не использовали и поэтому забыли. Но это самое слово очень точно выражает то, что Сталкер гомосексуалист. В плохом смысле...

Потому что нет ничего хуже предательства!

Толстый. ...счастливо и беззаботно. Ничего-ничего... Обычно ваши не медлят. Не долго ждать-то... Ну а у нас обед! Ха-ха... Сталкеру сейчас силы нужны, поправляться чтоб... Спасибо, что вынесли его. Это вы молодцы, конечно! А-ха-х... Сталкер, пойдём...

Сталкер. Ты иди, я сейчас.

Толстый. Хочешь попрощаться? Ну давай... Ха-ха. Прощайся...

Толстый мужик уходит. Без него даже воздух стал чище как-то...

Сталкер. Я знаю, что хуже предательства ничего нет…

Педрос. Заткнись лучше! Ты хуже, чем Томышев…

Сталкер. Педрос, послушай… Дайте сказать, а потом думайте как хотите… Всё, что он сказал, – правда. Так всё и есть… Здесь не лучше, чем у вас. Но дома вас точно расстреляют…. Я виноват. Простите. Я просто… В общем… Сейчас я вас выпущу, только сразу на меня не кидайтесь…

Педрос. Да, конечно, так мы и поверили! Уйди лучше! Не трави нас…

Сталкер. Да погодите же вы! Я вас, правда, выпущу. Даже вот… (*Достаёт большую пачку денег, суёт их через решётку Педросу.*) Держите… Возьми, Педрос… Ну же, бери!

Педрос (*забирая деньги*). Что это?

Сталкер. Здесь много. Вам троим на первое время хватит. Это деньги, Педрос. На них ты купишь одежду и еду…

Педрос. Деньги?

Татьяна. Деньги?!

Сталкер. Да, можешь купить себе микроволновку.

Федот. Я не понимаю, Сталкер?

Сталкер. Педрос же хотел микроволновку…

Федот. Зачем тебе это?

Сталкер. Вы другие… Не такие, как все… Не бросили меня на дороге. Таких, как вы, я даже здесь не встречал. Вы можете мне и не верить. Я понимаю… В чудо всегда труднее поверить, чем в грязную подлость. Прости меня, Федот. Я же «хайту» простил…

Федот. Я не пойму… А как же ты? У тебя же ребёнок…

Сталкер. Я опоздал… Мне пришла эсэмэска… А, да, вы же не понимаете… в общем, сообщили мне. Этот пока не знает… Вот так. Это мне по заслугам. Больше мне к вам незачем ходить. Но ваши как бежали, так и будут бежать. Они не знают всего этого. Их не спасти…

Федот. А деньги?

Сталкер. Зло… пустое… Педрос, в рапорте я указал, что ты мастер на все руки и что вскрыть замок для тебя не проблема. Рапорт, как всегда, никто не читал. Когда я сказал, что Федот орденоносец, они обрадовались, дали мне денег гораздо больше… Так что, когда вас хватятся, я буду чист. Я же их предупреждал… Только учтите, вас будут искать. И, скорее всего, найдут. Но шанс есть, если… Если разделиться.

Педрос. Что? Я без Федота никуда не пойду!

Сталкер. Только так, Педрос, вас будут дольше искать. Сейчас я открою клетку… Запоминайте, вам нужно идти туда. (*Показывает пальцем.*) Там город и вокзал. Садитесь на любую электричку, езжайте куда угодно… Вам, Педрос, лучше поменяться с Татьяной одеждой… А вот там… (*Снова показывает пальцем.*) Там ваши, туда не ходите. Не перепутайте… Педрос, достань из пачки одну купюру.

Педрос достаёт.

Сталкер. Вот это отдашь охраннику на воротах. Это ваш билет отсюда… В общем, всё… Мне уже пора…

Педрос держит в руках пачку денег и одну купюру, смотрит на Сталкера и понимает, что именно сейчас настал тот самый момент, чтобы спросить про...

Педрос. Да кто всё время это говорит-то?
Федот. Спрашивай уже, ну!

Сталкер. Мне пора идти. (*Открывает замок клетки.*) Прощайте и не держите зла... (*Быстро уходит.*)

Педрос. И что? Что теперь делать, Федот?
Федот. Он прав. Троих нас быстро поймают... Если разделимся, меня они больше искать будут. Всё-таки у меня орден... Педрос, тебе нравится Татьяна?
Педрос. Что?! Татьяна? Причём тут... Федот, я только с тобой... слышишь?
Федот. Татьяна, Педрос тебе нравится?
Татьяна. Я даже не...
Федот. Вот и отлично. Берите деньги и бегите. У вас будет настоящая семья. Такая же крепкая, как наша. И дети будут такие же умные, как наш Акчаруд... Только, Педрос, ты теперь за главного будешь. Понял? Смотри не перепутай...
Педрос. Федот, нет... Не говори так...
Федот. Перестань! Перестань ныть как... Ты же мужик. Будь мужиком, ну!
Педрос. Федот, я люблю тебя! (*Бросается Федоту на шею.*)
Федот. Прекрати, Педрос... Хватит... Не рви мне душу... (*Отстраняется от Педроса.*) Всё! Хватит! Хватит, я сказал...
Педрос. Федот, а как же ты?
Федот. Всё нормально будет. Не волнуйся за меня. Я не дам им себя поймать.
Педрос. Я ещё когда-нибудь увижу тебя?
Федот. Конечно... Обязательно увидишь... Ну всё, всё... Пора. Татьяна, береги его, не бросай... Он единственное, что у меня осталось.
Татьяна. Хорошо. Я обещаю...
Федот. Всё, идите.

Педрос и Татьяна открывают дверь клетки и уходят.
Федот смотрит им вслед, понимая, что больше никогда их не увидит...

Федот. Беги, Педрос... Беги...

Картина седьмая

Три стула, кровать, диван, стол, чайник, телевизор... знакомый до боли набор каждому поселенцу. И не только в Чутожмоне. Если бы не дисковый телефон на столе, можно было бы предположить, что это снова дом Федота. Но это не так. Это дом начлагеря Степана....

Да, надзиратель – это просто работа, и не важно, главный ты или нет. В Удмуртии все равны...

Степан. Эх, как ты их всех уделал! Молодец, Федот! Вот не сомневался я в тебе! Вот почему-то не сомневался, и всё...

Федот. Да ладно, чего там...

Начлагерь и Федот сидят за столом, пьют чай... с сахаром.

Степан. Не скажи, я понимаю, что орден за скромность дали, но чё уж так прибедняться-то? Всем Чутожмоном по телевизору тебя смотрели. Красавец! Герой! Как всё верно сказал! Я даже не ожидал...

Федот. Ты же не сомневался?

Степан. Не сомневался, но и не ожидал... Вот как ты всё точно сказал: «Денег нет, а они и не нужны. Бедных нет, богатых нет, все равны...»

Федот. Не надо, перестань...

Степан. Нет-нет, подожди... Это мне больше всего нравится: «Три стула, кровать, диван, стол, чайник, телевизор... Что ещё надо?!» (*Смеётся.*) Вот, золотые слова! Можешь ведь... А ну, дай поцелую!

Федот. Опять что ли?!

Степан. Эх, Федот, ведь ты же теперь – звезда у нас! Всех уделал их... Ты же теперь – пример для подражания. Гордость нашего Чутожмона! Что нам теперь «Бурановские бабушки»? Вот ты – это да... не опозорил. Не посрамил... Теперь-то тебе ещё и медаль дадут! Вот увидишь, не сомневайся... Эх, ты хоть понимаешь, какая у нас теперь жизнь тут будет? У нас у всех! Вот такая вот будет! (*Показывает.*) Во-о-о-т!

Зазвонил телефон. Начлагерь поднял и тут же положил трубку...

Степан. Не хочу никого слышать сегодня... Ещё праздник испортят...

Федот. Интересно, а по их телевизорам меня покажут?

Степан. Конечно... Должны... Не всё, конечно, не полностью. Но тебе для славы хватит. И там о тебе заговорят... Кстати, Федот, хотел спросить у тебя...

Федот. Что?

Степан. Да ты не переживай. Всё нормально, я просто, чтоб уточнить тут кое-какие детали. За то время, пока меня не было... В общем, пару людей-то не хватает сейчас. Где твоя семья? Где они сейчас?

Федот. Не знаю и знать не хочу... Они предали меня. На второй день сбежали... Пытался я их догнать, но... Ушли. Если поймают их где, заступаться не стану... Они же мне не родные, я же за них не отвечаю, если они так со мной...

Степан. Нет, конечно... Что ты? Они же обманом ушли?

Федот. Да!

Степан. Хорошо... А что Томышев? Где он, ты не знаешь?

Федот. Знаю... С ними. Представляешь, Степан, он с Педросом моим,

полюбовники оказались.

Степан. Да ты что?! Я всегда ведь это подозревал...

Федот. А я сперва не поверил. Потом я ещё узнал, что... Этот сука у меня фонарь украл!

Степан. Это который зелёный?

Федот. С красной кнопочкой... Ты у любого спроси, все подтвердят, что я в погоню сразу ринулся... Только не догнал, прости...

Степан. Ладно, ладно, всё... Прости, Федот, что надоедаю... Служба ведь, она такая... Я просто, чтоб знать. Без обид, хорошо?

Федот. Да не вопрос. Может ещё чаю?

Степан (*улыбаясь*). А-а-а, почувствовал вкус славы? Что ж, с таким контингентом не жалко и весь чайник раздавить...

Снова звонит телефон, и снова Степан сбрасывает. Затем наливает в кружки чай, кладёт в них сахар...

Степан. Ладно, Федот, супружника мы тебе нового выпишем, не переживай. Хорошего какого-нибудь. Новая семья будет у тебя.

Федот. Да я вот думаю, может, одному пока пожить?

Степан. Одному? Чего вдруг?

Федот. Да понимаешь... Я ведь старого формата человек. Не могу так... Мне бы...

Степан. Чего? Ну говори, не стесняйся.

Федот. Мне бы бабу.

Степан. Что?! Бабу?!! (*Вскакивает с места.*) Да ты думаешь, что говоришь?!! В моём-то доме!

Федот. Конечно, если нельзя, то нельзя. Я же...

Степан. Ты же – ты же... Да я же должен расстрелять тебя за это! За гомофобию твою... Не знаешь разве, что в мужском поселении женщины запрещены?

Федот. Знаю.

Степан. Так, а чего же ты тогда?

И снова звонит телефон. На этот раз Степан с силой бросает трубку, так, что аппарат, чуть не треснув, противно задребезжал.

Степан. Эх, Федот, Федот... Что мне с тобой делать?

Федот. Хочешь, расстреляй.

Степан. Расстреляй... Всё бы тебе расстреляй... Ладно, услужу я тебе на этот раз...

Федот. ?!!

Степан. В честь твоего феерического выступления на конференции, так уж и быть... (*Садится обратно на стул, пододвигается ближе к Федоту.*) Ты помнишь, у нас Александро такой был?

Федот. На элеваторе который?

Степан. Да, он. Так вот, Александро этот, он... Короче говоря, баба это была.

Федот. Да ладно?

Степан. Ты, что ли, не знал?

Федот. Откуда?

Степан. И правда... Ну да ладно, продолжу... Когда мы узнали о ней, то расстрельный приказ сразу написали. Я тогда сам её расстрелять вызвался... Но... Это между нами только, хорошо?

Федот. Конечно, о чём ты...

Степан. Не поднялась у меня рука на неё... Я тоже ведь, как ты, старого формата... Так вот и прячу её у себя.

Федот. Александро жив?!!

Степан. Жива... Прятать не могу её вечно я. Нас тоже проверяют же. Так что... Давай-ка мы тебе супружника всё-таки выпишем. А потом на неё подменяем. Как тебе такая мыслишка?

Федот. А мне её можно сегодня увидеть?

Степан. Ох, ты какой! Не терпится ей орден показать? (*Смеётся.*) Хорошо, на том и порешим. Только смотри, Федот, кто узнает, всем троим – вышка!

Федот. Спасибо, Степан!

Степан. Да будет тебе... Растрогал ты меня просто, Федот. Побольше бы нам таких, сознательных... Сегодня ночью, я к тебе Александро приведу...

И снова, некстати, звонит телефон.

Степан. Да что у них там?!! Достали! (*Поднимает трубку.*) Алло! Начлагерь на связи... (*Слушает и медленно встаёт.*) Что?!! Когда?!! Где?!! Кто?!! Понятно... нет, не трогайте его... Ждите меня!.. Я сказал, ждите меня!!! Сам разберусь с ним!.. Сам, говорю, этого гада пристрелю... Всё! Скоро буду, ждите! (*Кладёт трубку.*) Вот же ж, блин... Весь праздник испортили...

Федот. Чего случилось-то, скажи?

Степан (*ходит по дому, собирается*). Да там, Федот, беглеца одного поймали... Из нашего Чутожмона... На самой границе поймали гада! Представляешь? Ты его не догнал, а его там поймали...

Федот. Это где?

Степан. Агрыз. Слышал про такой город? Ну ничего... (*Достаёт из оружейного шкафа автоматическую винтовку.*) Ничего-ничего, собственноручно пристрелю...

Федот. А кого из наших-то поймали там? А?

Степан. Сам не догадываешься? Нет? Ничего, не бойся, Федот, это пятно в твоей репутации мы смоем кровью предателя! Не переживай...

Федот. Да я не переживаю... Просто скажи мне, кто там? Кого поймали? Может, не надо так сразу? Сперва допросить, всё узнать... Может, скажет что? Раскается...

Степан. Этот не раскается... А ты не напрягайся так... Чего запереживал-то ты? Что он тебе? Я же быстро всё улажу, раз – и нет его...

Вот он саспенс.

Федот смотрит на Степана. Степан – на Федота. Их взгляды встречаются...

Степан. А знаешь что? Ты сам это должен сделать, Федот!

Федот. Что? Я? Нет...

Степан. Это дело чести, Федот...

Федот. Я не смогу... Его не смогу...

Степан. Его-то ты как раз сможешь.

Федот. Его?!! Степан, умоляю, просто скажи, кто там?

Степан. А я, что ли, не сказал? Опять всё не так делаю... Кто-кто... Известно – кто! (*Передёргивает затвор автомата.*) Томышев, сука!

Занавес.

14.10.2011 sher geen



Скорбим и помним



ОТ РЕДАКЦИИ

Скорбим: не дожив самую малость до 90 лет, Анатолий Сергеевич Арсеньев оставил нас проживать без него нашу земную жизнь.

Ушел из жизни Человек, который во всех значимых для него ситуациях проявлял себя исключительно как Личность. Он был прямолинеен и несгибаем не только в своих суждениях, но и в своих поступках. Он был непреклонен и деликатен одновременно. Он был...

Безусловно, за такими проявлениями стоят не только убеждения, но цельный характер и воля. По сути своей, его духовное «Я» было не делимой на части целостностью.

Он всегда вызывал к себе глубокое уважение как личность и как философ, хотя для презентации его сущности следовало бы выразить его присутствие в мире через знаковое изображение, заимствованное у Великих немцев: Анатолий-Арсеньев-личность-философ-интеллигент.

Продолжая вслед за многими духовными мыслителями размышлять о жизни, любви и смерти, Анатолий Сергеевич говорил и писал, что Жизнь, Любовь и Смерть – есть тайна. Он был убежден, что после смерти физического тела душа продолжает существовать.

Мы солидаризируемся с Вами, дорогой Анатолий Сергеевич! Вы с нами!

Коллектив журнала

АРСЕНЬЕВ АНАТОЛИЙ СЕРГЕЕВИЧ (13.11.1923 – 16.09.2013) – доктор психологических наук, кандидат философских наук, профессор, известный российский философ, специалист по общим проблемам философии и психологии личности.

А.С. Арсеньев – коренной москвич. В 1941 году окончил среднюю школу № 635, получив аттестат зрелости с отличием. 12 августа 1941 года был призван в действующую армию. Вначале был отправлен в Гороховские лагеря под г. Горький, затем откомандирован в Ленинградское военное училище связи им. Ленсовета в г. Уральск. По окончании училища осенью 1942 г. в звании лейтенанта был направлен в 217-й пушечный артиллерийский полк 3-й гвардейской армии Донского фронта.

24 декабря 1942 г. в станице Краснокутской Ростовской области был тяжело ранен в момент развёртывания полковой радиостанции. Лечился в эвакогоспитале № 19-18 в г. Борисоглебске, где находился до мая 1943 г. Из госпиталя был направлен в распоряжение Среднеазиатского военного округа в г. Ташкент и уволен в запас с ограничением годности 2-й степени. После этого был откомандирован в г. Пржевальск на работу в качестве военного преподавателя по радиосвязи. Был награждён орденом Отечественной войны II степени и медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

В 1944 году вернулся в Москву по вызову Института боеприпасов. В 1945 году, после победы в Великой Отечественной войне, перешёл учиться в Институт народного хозяйства им. Плеханова, затем поступил в аспирантуру Московского государственного экономического института на кафедру философии. В 1955 году защитил кандидатскую диссертацию по философии.

В последующие годы А. С. Арсеньев преподавал в вузах, в разное время являлся сотрудником научно-исследовательских институтов Москвы: Института философии АН СССР, Института истории естествознания и техники АН СССР, Института всеобщей истории АН СССР, Центрального экономико-математического института АН СССР, НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР, Института развития личности РАО, Московского городского психолого-педагогического университета.

В 2002 году А. С. Арсеньев защитил докторскую диссертацию по психологии.

Основные направления исследования: проблемы человека в философии и психологии; органические системы; антропогенез; новоевропейский рационализм и наука; философские основания проблемы личности; философско-психологические проблемы свободы и зависимости человека современной цивилизации; глобальный кризис современности.

В творческой биографии А. С. Арсеньева 1964–1968 годы были связаны с коренным изменением его представлений о философии, ее роли и назначении (Арсеньев А. С. Размышления о работе Л. С. Рубинштейна «Человек и Мир» // Вопросы философии. – 1993. – № 5).

Философию А. С. Арсеньев рассматривал как глубоко личностное размышление об отношении «Человек–Мир» (объективированной, опосредованной разумом форме первичного, служащего началом антропогенеза, непосредственного религиозного отношения «Я–Ты»). Бесконечность этого отношения выявлена в двух формах: потенциальной бесконечности (ПБ) как «снятии» во времени конечных определенностей в чувственно воспринимаемой, «проявленной» области бытия и актуальной бесконечности (АБ), содержащей все, что может быть достигнуто в ПБ в будущем, связанной с областью непроявленных форм, образов, смыслов.

Эволюция, развитие, творчество связаны с взаимодействием ПБ (что, например, может пониматься как каузальность, адаптация) и АБ (телеологичность, целеполагание, «ароморфозы», эмерджентная эволюция и т.п.), прошлого и будущего. Здесь возникает проблема свободы. Взаимодействие АБ и ПБ приводит к представлению о развитии как интерферен-

ции сменяющих друг друга фаз различной глубины и длительности, связанных, как правило, с преобладанием рефлексии (погруженностью в себя, выработкой устойчивого основания, способного противостоять внешней среде восстановлением непосредственных связей с АБ) или трансцендирования (экспансии во внешнюю среду, в область ПБ). Гегелевские «скачки» можно рассмотреть как «прорывы» АБ в ПБ в период «междуфазья», «квазихаоса».

По А. С. Арсеньеву, радикально новый шаг в развитии связан с «возвратом» за пределы основания заканчивающейся фазы и сменой основания на более глубокое. Эти особенности органического развития проявляются не как жесткие законы, но как лежащие глубоко под разнообразием эмпирического бытия общие тенденции, обнаружить которые, в частности, помогает философия. Человек – парадоксальное бесконечно-конечное существо, снимающее свою конечность в области ПБ трансцендированием, благодаря своей причастности АБ, где он уже трансцендентен.

Развитие личности – становление Человека в индивиде. Этическое сознание личности также парадоксально, располюсовано на конечную и бесконечную области. Конечная область (ПБ) связана с групповой системой ценностей, выражается в моральных нормах и требованиях группы к индивиду. Бесконечная (АБ) – в безусловных, не связанных с социальной средой, растущих вместе с внутренним личностным «Я» индивида всеобщих принципах. Внутренний конфликт этих областей – важный фактор личностного развития (Арсеньев А.С. Взаимоотношение науки и нравственности // Сборник «Наука и нравственность». – М., 1969. Полностью работа была опубликована при издании одноименного сборника издательством «Прогресс» на иностранных языках). Основные идеи кратко изложены в статье «Научное образование и нравственное воспитание» в сб. «Психологические проблемы нравственного воспитания детей». – М., 1977; в книге под ред. В. В. Давыдова «Философско-психологические проблемы развития образования». – М., 1981).

В антропогенезе А. С. Арсеньев выделял две фазы: Палеолит — преобладание рефлексии, духовного и телесного саморазвития Человека, господство отношения «Человек–Мир», и Неолит – преобладание трансцендирования, развитие орудий труда, «неорганического тела человека», господство отношения «Субъект–Объект».

А. С. Арсеньев считал, что факторы, приведшие человечество к современному глобальному кризису, связаны с неолитической революцией, а сам кризис является завершением, деградацией и разрушением фазы Неолита, за которой предположительно может следовать на новом уровне фаза самоизменения Человека (Арсеньев А.С. Глобальный кризис современности и Россия // Континент. – 1992. – № 73). Этот кризис захватывает все формы жизни и сознания, в том числе философию.

Новая («постнеолитическая», по определению А. С. Арсеньева) философия не может сводиться к построению тех или других (категориальных, логических, понятийных и т.п.) систем. Она может выражать себя лишь в вероятностном ключе, представляя нечто вроде «прогулки»

по границе рационального и нерационального, подводящей Человека к ощущению Тайны себя самого и Мира. Ее задача по отношению к предшествовавшим формам философии и религии – отделение в них вечного от временного.

С 1951 года А. С. Арсеньев вел педагогическую работу в различных вузах Москвы (общий стаж научно-педагогической работы – 58 лет). Им разработано несколько курсов лекций по темам: «Человек и мир», «Философские основания понимания личности», «Проблемы человека в философии и психологии», «На пути к постнеолитической философии» и др.

Результаты философских и психологических исследований А. С. Арсеньева отражены в работах, среди которых: Анализ развивающегося понятия. М., 1967; (в соавт.: Библер В. С., Кедров Б. М.); Философско-психологические проблемы развития образования / Под ред. В. В. Давыдова; Мышление психолога и проблема личности // Ежегодник «Культура, традиции, образование». М., 1990; Глобальный кризис современности и Россия (заметки философа) // Континент. 1992. № 3 (73); Размышления о работе С. Л. Рубинштейна «Человек и мир» // Вопросы философии. 1993. № 5; Десять лет спустя. О творческой судьбе С. Л. Рубинштейна // Вопросы философии. 1998. № 11; Философские основания понимания личности. М., 2001; О проблеме свободы и зависимости человека современной цивилизации: философский очерк // Развитие личности. 2005. № 1, 2.

В. В. Барцалкина,
кандидат психологических наук

Александр Мелик-Пашаев

НА ПУТИ К ИСТИНЕ

В то время, когда готовился этот номер юбилейного журнала, день 16 сентября принес печальную весть: завершился земной путь выдающегося российского мыслителя Анатолия Сергеевича Арсеньева.

Отчетливо помню, как я первый раз увидел Анатолия Сергеевича. Я был тогда аспирантом НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР и собирался сдавать кандидатские экзамены, в том числе по философии. Цикл лекций для аспирантов читал недавно появившийся в институте философ, но я решил к нему не ходить. Сдавать советскую «философию» я умел, цену ей знал, зачем же время терять?

Я уже пропустил два-три занятия, когда стало известно, что не прослушавших курс к экзамену не допустят. Перед очередной лекцией я топтался вблизи аудитории и обдумывал, чем объяснить мое запоздалое появление. И вдруг увидел человека, совсем не похожего на советского философа. Он взбегал по лестнице, легкий, с развевающейся шевелюрой, с каким-то смелым и веселым выражением лица и с громадным, тяжелым портфелем в руке.

Анатолий Сергеевич и слушать не стал моих объяснений, сказал только: «Пожа-а-луйста...» и махнул рукой в сторону аудитории.

Началась лекция, и уже через несколько минут я понял, что присутствую при чем-то почти немыслимом для тех лет: *человек публично говорит о философии то, что думает!* Еще через несколько минут я понял, что К. Маркс, оказывается, «тоже ничего себе...». А еще через несколько минут начал испытывать тревогу за лектора: ведь не я один его слушаю и неизвестно, кто, что и кому расскажет.

Между тем Анатолий Сергеевич, сформулировав очередную мысль, явно расходившуюся с официальным марксизмом, достал из громоздкого портфеля том К. Маркса и Ф. Энгельса, указав, в каком сочинении упомянутая мысль содержится, и ставил книгу вертикально перед собой. К концу лекции построилась небольшая крепость, до поры защищавшая философа от жалоб и доносов. Но потом «пора» пришла, кто-то «стукнул», и от постоянной работы с молодыми А. С. Арсеньева отстранили.

Воздадим должное тогдашнему директору Василию Васильевичу Давыдову: он ограничился этой вынужденной мерой, а в остальном оставил Анатолию Сергеевичу большую свободу, и его участие в научной жизни института в течение многих лет было очень заметным.

Нынешнему научному сотруднику трудно даже вообразить то интеллектуальное напряжение, тот теоретический уровень докладов и дискуссий, тот общий, бескорыстный интерес к мысли, которые царили в нашем оазисе на фоне казенщины и так называемого «застоя» конца 1970-х. Анатолий Сергеевич был, я думаю, самой яркой фигурой этих «праздников мысли»; он вызывал и наибольшее восхищение, и резкое неприятие, даже раздражение оппонентов – впрочем, не переходившее в плоскость

личного. Пожалуй, все понимали, что перед нами человек необычный, *искатель истины*, бескомпромиссный и бесстрашный, и это внушало уважение даже самым непримиримым и нетерпимым.

Порою то, что он говорил, даже пугало. Он мог сказать, к примеру, что к истине ведут разные ворота, и марксизм в общем-то не хуже других, важно только пройти через ворота, а не застрять в них. Не жившему в то время невдомек, какой смелостью надо было обладать для этого: ведь марксизм был объявлен единственной и окончательной истиной всех времен и народов.

Раз за разом, год за годом А.С. Арсеньев втолковывал людям, заполнявшим большие аудитории, что органическое целое не складывается из частей, а предшествует своим частям; что развитие не обусловлено прошлым, а направляется из будущего, что наука в узко понятом смысле – это форма знания о вещах, но не о человеке, а если о человеке – то лишь в тех аспектах, в которых он сам выступает как «вещь»; что, если докладчик рассказывает, как что-то «померить» в *личности*, можно спокойно расходиться по домам, и т.д. и т.п.

Мне повезло: то, что говорил А.С. Арсеньев, в главном не противоречило моим сложившимся смолоду убеждениям, и я внутренне не спорил с ним, а только учился, в меру своих возможностей, четкости аргументации, строгости мысли и слова, творческой работе с источниками и т.д. Но у многих, воспитанных и долго трудившихся в иной системе научных координат, подобные идеи вызывали отторжение прямо-таки на соматическом уровне!

Думаю, что Анатолий Сергеевич с его манерой фехтовальщика-полемиста-шестидесятника порою бывал не совсем прав. Он мог бы больше идти навстречу добросовестным экспериментаторам и далеко не глупым людям, которые не готовы были принять его точку зрения. Мог бы, к примеру, показать, как, с его позиции, по-новому высвечиваются, а не отрицаются добытые им факты – может быть, многие стали бы его сторонниками.

Но и без этого его влияние, в конце концов, оказывалось вдохновляющим и плодотворным. Случалось, что кто-то, поначалу категорически отвергавший то или иное его утверждение, лет через 5–6 говорил: «Зачем Арсеньев повторяет эти общеизвестные вещи?», забывая, во-первых, что они «общеизвестны» главным образом среди сотрудников института на Моховой и, во-вторых, что «общеизвестными» их сделал именно А. С. Арсеньев.

Некоторые ученые, резко отторгавшие его излюбленные идеи, и сами не заметили, как по прошествии десятилетий стали строить именно на таких основаниях собственные исследования. Что же, Анатолий Сергеевич был этому только рад.

А.С. Арсеньев, выдающийся мыслитель нашего времени, был, как принято говорить, «широко известен в узких кругах». В советское время его не печатали и боялись. Когда грянула перестройка, я подумал, что теперь настанет его время. Но нет! Безграничная свобода сыграла с нами шутку. Место сокровенных бесед заняла болтовня о сокровенном, колду-

ны стали давать мастер-классы на центральных каналах ТВ, и строгая философская мысль, далекая от конъюнктуры, опять оказалась не больно нужна.

К счастью, увидела все-таки свет большая книга «Философские основания понимания личности», в которой воплотился, хотя и не без потерь, основной корпус идей А. С. Арсеньева. Сейчас мало кто станет в нее вникать. Но если отечественная культура имеет будущее (в чем сегодня нельзя быть уверенным), то имеет будущее и философское наследие А. С. Арсеньева. Ведь, как говорил любимый им М. М. Бахтин, культура не знает мертвых смыслов, у каждого из них будет свой праздник возрождения!

Анатолий Сергеевич жил долго. Пережил своих талантливых друзей, дуэлянтов и импровизаторов, единомышленников и оппонентов. В последние годы он не был на виду. Обретал новый духовный опыт и уж, наверное, обдумывал новые мысли. Может быть, мы еще познакомимся с плодами его поздних трудов...

Навсегда запомню, как я в последний раз видел Анатолия Сергеевича. В тишине полутемного и почти пустого храма, с глубокой, сосредоточенной мыслью на спокойном лице. Вся его жизнь была исканием истины, путем к истине. И я верю, что, завершив путь, он пришел к Сказавшему: «Я есмь путь, и истина, и жизнь».

Игорь Виноградов

РЫЦАРЬ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ РОМАНТИКИ:
ПАМЯТИ АНАТОЛИЯ СЕРГЕЕВИЧА АРСЕНЬЕВА

Волею судьбы в мае 1978 года я оказался в НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР – сотрудником сектора теоретических проблем психологии деятельности, официально именовавшегося почему-то лабораторией. Позади был разгром редколлегии журнала «Новый мир» А.Твардовского, где я работал, затем – почти восемь лет опальной ссылки в секторе эстетики Института истории искусств, откуда меня, в конце концов, тоже вежливо попросили, когда я выступил в поддержку изгоняемого по идеологическим соображениям заведующего нашим сектором Георгия Ивановича Куницына.

Я положил на стол новому заведующему свою работу по истории русской религиозной философии, написанную, как постановила дирекция, с антимарксистских позиций. Естественно, что я, литературовед и критик по профессии, чувствовал себя не слишком уверенно, направляясь в лабораторию, профессиональная специализация сотрудников которой была столь специфична и далека от моей. К тому же общая мрачная атмосфера времени не внушала особых иллюзий и на тот счет, что моя немарксистская методология непременно придется там к месту.

Однако действительность превзошла самые радужные возможные ожидания. Как очень скоро я понял, мне уникально повезло – я попал, в сущности, в последний уцелевший еще в Москве оазис подлинно свободной мысли, свободного научного поиска и интеллигентской порядочности. Таким Василий Васильевич Давыдов стремился сделать и во многом сделал возглавляемый им тогда институт, где в 70-е годы проводились интереснейшие, поразительно свободные дискуссии и обсуждения, где в переполненных аудиториях читал свои лекции Мераб Мамардашвили и другие крупнейшие гуманитарии того времени. А уж что до *лаборатории* теоретических проблем психологии деятельности, то тут, после напряженного, постоянно начеку, существования в Институте истории искусств, откуда я прибыл, я сразу даже и не осознал – что это? где это я? В каком времени и пространстве?.. Здесь царила атмосфера лучших времен «оттепели» – так, как будто бы она не была давно уже позади; здесь я очень быстро ощутил, что и заведующий лабораторией Феликс Трофимович Михайлов, и Владимир Соломонович Библер, и Анатолий Сергеевич Арсеньев, составлявшие старшее ядро сектора, и молодые сотрудники и аспиранты – все это совершенно *свои* для меня люди, как и я, похоже, для них – *свой*. Во всяком случае, четыре года, проведенные в стенах института, я до сих пор числю одними из самых удачных и плодотворных в своей судьбе.

Здесь и вошел в мою жизнь Анатолий Сергеевич Арсеньев, с которым мы как-то особенно в эти годы сблизились, несмотря на разницу в возрас-

те и жизненном опыте: Анатолий Сергеевич прошел всю войну, тогда как мне не исполнилось еще и пятнадцати лет, когда она окончилась. Характер исследовательских поисков, которые вел Анатолий Сергеевич, существо проблем, которыми он не просто занимался, а поистине *жил*, – все это оказалось так близко мне, так перекликалось с моими поисками и проблемами, что общение с ним стало для меня одной из непременных и важных потребностей тогдашней моей жизни.

Меня очень привлекала его концепция антропогенеза как органической самостановящейся системы, развитие которой происходит под воздействием двойной детерминации – *причинной*, обусловленной всем прошлым и наличным состоянием системы, и *целевой*, из будущего, заданной и задаваемой ей направляющим ее эволюцию *Разумным Центром Мира*. Такая модель развития человека и человечества совершенно недвусмысленно и твердо опиралась у А. С. Арсеньева на *религиозное* ви́дение Мира, что он не только не скрывал, но всячески акцентировал. И это в те-то годы позднего «застоя», когда репрессивный маразм доживающего свой век коммунистического тоталитаризма эволюционировал отнюдь не в сторону какой-либо старческой бессильной терпимости! Скорее – неуправляемой старческой злобности.

Но *так* видел мир философ Анатолий Арсеньев, и ничто не могло заставить его, нарушив свой долг ученого и мыслителя, отказаться от того, что он считал истиной. «Я здесь стою и не могу иначе», – мог бы он повторить вслед за Мартином Лютером. И нужно ли говорить, каким нравственным авторитетом он должен был поэтому пользоваться – и действительно пользовался – в кругу тогдашних своих коллег?

Однако дело не только в самом по себе мужестве, которое требовалось, чтобы открыто защищать в те годы концепцию развития человечества, основанную на понимании человека как конечно-бесконечного существа, фундаментальной особенностью которого является способность и потребность трансцендировать в своем сознании в мир высших смыслов и ценностей бытия, задаваемых существованием «инстанции», достаточно прозрачно обозначаемой в системе Анатолия Арсеньева как «Разумный Центр Мира».

Дело, прежде всего, в том, что парадигма, в пространстве которой А. С. Арсеньев выстраивал тогда свою концепцию двухуровневой детерминации развития человечества, мне и сегодня представляется по самому существу своему наиболее методологически перспективной для дальнейших серьезных историософских научных поисков. В первую очередь, потому, что она открывает возможность рассматривать и изучать развитие человеческой культуры как постоянно продолжающееся во времени *откровение о человеке*, через которое и осуществляется целевая детерминация человеческой истории *сверху*, из области высших смыслов и ценностей бытия. И здесь концепция Анатолия Сергеевича вступает, кстати, в прямое взаимодействие с той концепцией *диалога культур*, которую уже тогда начал разрабатывать в своем семинаре коллега А. С. Арсеньева по сектору В. С. Библер.

Вряд ли нужно как-то особо доказывать, что во всех своих теоретических построениях Анатолий Сергеевич Арсеньев – прямой преемник и

продолжатель великой философской традиции, которую создала в конце XIX – начале XX века блистательная плеяда русских религиозных философов – от Владимира Соловьева до Павла Флоренского. А то, что концептуальные разработки А. С. Арсеньева чем дальше, тем очевиднее выявляют и подтверждают и свою актуальность, и свою теоретическую перспективность, – прямое свидетельство и выражение внутренней мощи и непреходящей жизненности этой великой философской традиции, в потенциальном теоретическом поле которой нас могут ждать еще многие содержательнейшие исследования и открытия.

Эта преемственная связь с наследием русского философского Ренессанса проявляет себя, несомненно, и в понимании А. С. Арсеньевым природы того глобального кризиса современности, описанию и анализу которого уделено в его работах едва ли не центральное место. И даже – в той, слишком, на мой взгляд, жесткой и прямолинейной категоричности, с которой он разводит современный Запад, Восток и Россию. Запад – как носителя рационально-технологического отношения к миру, Восток – как ареал постепенного озападнивания, но все еще застойный в своей агрессивной консервации традиционных антиличностных форм социальной жизни и самого сознания, и Россию с ее аморфностью социального бытия, антиномичностью менталитета и духовных устремлений, как нечто еще исторически «недовоплощенное».

Тут, конечно, есть о чем поспорить, но то, что Россия в процессе антропогенеза до сих пор представляет собою нечто до конца еще не оформившееся и в этом смысле более открытое к восприятию и усвоению тех высших божественных импульсов, которые могут направить ее развитие в сторону решительного преодоления тупиковых путей современной цивилизации, – эта перспектива не выглядит совсем уж невозможной. Во всяком случае, Анатолий Сергеевич верил в нее свято, именно здесь был центр его упований, его надежд, его аналитических изысканий, и это более всего и роднит его с его великими предшественниками.

Он, конечно же, такой же, если можно так выразиться, *трансцендентальный романтик*, какими были и они, завороженные идеей и идеалом богочеловечества. Он такой же истовый рыцарь этой веры и этой идеи, какими были В. Соловьев и Н. Бердяев, С. Булгаков и С. Франк. И это никак не означает, что он не сознавал возможности и опасности совсем другой перспективы для нашей «недовоплощенной» России. Его романтика не закрывала глаза на то, о чем предупреждала научная трезвость. Просто она была *целевой*, и в этом все дело. Ведь на такой подход он имел не просто полное право в качестве свободного мыслителя. Как философ, исповедовавший двухуровневую детерминацию исторического процесса, он был просто *обязан* занять именно такую, активную позицию, принять и на себя хотя бы частицу той ответственности, которая возникает сразу же, как только вы решаетесь принять – хотя бы в теории – участие в акте и процессе исторического целеполагания.

Он и в жизни, по самой природе своей, был такой же трансцендирующий романтик, как и в своей философии, – удивительно доброжелательный, расположенный к людям, всегда открытый к общению и диалогу.

Невероятно притягательна была сама его манера излагать свои мысли – с каким-то улыбчивым и как бы несколько даже недоуменным смешком, как будто он сам удивлялся и радовался неожиданной содержательности того, о чем говорил. Это придавало общению с ним некую особую, радостную прелесть.

...Увы, уникальная возможность такого общения в стенах нашей лаборатории и с ним, и с другими ее сотрудниками длилась для меня недолго – всего каких-нибудь четыре года. У власти дошли, наконец, руки и до последнего московского очага свободной мысли – институт был разгромлен. Директор его – Василий Васильевич Давыдов, которому вменялось, в частности, в вину и то, что он пригрел у себя в институте таких одиозных персонажей, как А.С. Арсеньев и И.И. Виноградов, был снят с должности и исключен из партии. Лаборатория наша перестала существовать, и мы с Анатолием Сергеевичем тоже, естественно, оказались выставленными за порог. Совсем общение наше на этом, конечно, не прекратилось, но жизнь развела нас по разным пристанищам, и понятно, что встречи наши стали куда более редкими и достаточно случайными, хотя меня всегда продолжало интересовать то, что делает и о чем размышляет Анатолий Сергеевич. И когда лет через десять я стал редактировать перебравшийся из Парижа в Москву журнал «Континент», в одном из первых же московских его номеров я напечатал большую статью своего бывшего коллеги по приснопамятной нашей *лаборатории* «Глобальный кризис современности и Россия»...

Как это горько, что Вас уже нет с нами, дорогой Анатолий Сергеевич.

И как это важно и радостно, что Вы – *были*.

Спасибо Вам за это.



Наши авторы

АРСЕНЬЕВ Анатолий Сергеевич (13 ноября 1923 – 16 сентября 2013)

Доктор психологических наук, профессор. Философ. Специалист по проблемам личности и философской антропологии.

Публикации по философско-психологическим проблемам, в том числе: Анализ развивающегося понятия. — М., 1967 (в соавт. с В.С. Библером и Б.М. Кедровым); Проблема цели в воспитании и образовании // Философско-психологические проблемы развития образования / Под ред. В.В. Давыдова. — М., 1981.; Подросток глазами философа. — Алматы, 1996; а также публикации в журналах «Вопросы философии» и «Развитие личности».

Anatoliy Arsen'ev

Sc.D. (psychology), professor. Philosopher, concerns himself with the problem of "Man-World".

Main publications on philosophical and psychological problems: Analysis of developing notion. — M., 1967 (in co-authorship with: Bibler V.S., Kedrov B.M.); Science and man: philosophical aspect // Science and morality. — M., 1971 and other.

БАСЮК Виктор Стефанович

Докторант кафедры психологии развития МПГУ, министр образования Иркутской области. Работал директором учреждений интернатного типа. Проводит исследования и имеет монографии и научные статьи по проблемам психологического сопровождения детей-сирот в контексте системы развития и воспитания личности.

E-mail: bvs@irkadm.ru

Victor Basuk

PhD, doctoral candidate, Developmental Psychology chair, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Minister of Education of Irkutsk region, Irkutsk.

ВИНОГРАДОВ Игорь Иванович

Литературовед, академик Европейской академии (Швейцария), главный редактор литературного, публицистического и религиозного журнала «Континент».

Область исследования — история русской культуры. Основные труды: Искусство, истина, реализм. — М., 1970; По живому следу. — М., 1978; Духовные искания русской литературы. — М., 2005.

E-mail: iivinogradov@yandex.ru

Igor Vigradov

An expert in literature, member of European academy (Switzerland). Chif editor of literature, publicistic and religious journal "Kontinent".

Sphere of the research — history of Russian culture. Main publications: Art, truth, realism. — M., 1970; On living trace. — M., 1978; Spiritual striving of Russian literature. — M., 2005.

ДАЙМОНД Милтон

Доктор наук, профессор Гавайского университета, Медицинской школы Д.А. Бернса. Автор и редактор ряда книг, более 100 статей. Основу публикаций составляют темы транссексуальности, интерсексуальности и сексуальной ориентации, а также проблемы, связанные с абортами, ВИЧ и СПИДом.

E-mail: Diamond@hawaii.edu

Milton Diamond

PhD, is a Professor at the University of Hawaii, John A. Burns School of Medicine.

КАПЫШЕВ Акрамкан Бекпаувич

Кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения (Казахстан).
Область научных интересов: онтология, теория познания, философские проблемы воспитания личности, философские аспекты медицины.
Основные публикации: Философия Грядущего: Истинный Путь Человека. — Алматы, 1999 (в соавт.: С.Ю. Колчигин); Онтология Духа. — Алматы, 2005 (в соавт.: С.Ю. Колчигин); Философская антропология: от прошлого к будущему. — Алматы, 2011 (в соавт.: С.Ю. Колчигин, С.Ю. Хамидов).
E-mail: akdem@mail.ru

Akramkan Kapyshev

PhD, assistant professor, leading research scientist, Institute of Philosophy, Political science and religious studies (Kazakhstan).
Sphere of scientific interests: ontology, theory of cognition, philosophical problems of personality's education, philosophical aspects of medicine.

КОЛЧИГИН Сергей Юрьевич

Доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения (Казахстан).
Область интересов: диалектическая логика, теория познания, история философии, поэтическое творчество.
Основные публикации: Логика целостного мировоззрения. — Алматы, 1993; Философия Грядущего (Истинный Путь Человека). — Алматы, 1999 (в соавт.: А.Б. Капышев); Онтология Духа. — Алматы., 2005 (в соавт.: А.Б. Капышев); Философская антропология: от прошлого к будущему. — Алматы, 2011 (в соавт.: А.Б. Капышев, А.А. Хамидов).
E-mail: skolcigin@mail.ru

Sergey Kolchigin

Sc.D. (philosophy), professor, leading research scientist, Institute of Philosophy, Political science and religious studies (Kazakhstan).
Sphere of scientific interests: dialectical logic, theory of cognition, history of philosophy, poetic creativity.

МЕЛИК-ПАШАЕВ Александр Александрович

Доктор психологических наук, профессор, член Союза художников, главный редактор журнала «Искусство в школе», заведующий лабораторией «Психологические проблемы художественного развития» ПИ РАО.
Специалист в области психологии творчества, психологии и педагогики искусства. Публикации по проблемам художественно-творческого развития: Мир художника. — М., 2000; Психологические основания художественного развития. — М., 2006 (в соавт.); Методики исследования и проблемы диагностики художественно-творческого развития детей. — Дубна, 2009 (в соавт.); Художник в каждом ребенке. — М., 2008 (в соавт.: З.Н. Новлянская) и др.
E-mail: zinaidann@mail.ru

Aleksandr Melik-Pashaev

Sc.D. (psychology), professor; member of Union of Artists, chief editor of "Art

in school" journal; head of laboratory of Psychological problems of artistic development PI RAE.
Specialist in the spheres of psychology of creativity, psychology and pedagogy of arts.
Publications in the sphere of artistic and creative development.

МУХИНА Валерия Сергеевна

Действительный член РАО и РАЕН, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующая кафедрой психологии развития Московского педагогического государственного университета, главный редактор журнала «Развитие личности». Специалист в области возрастной психологии, этнопсихологии, психологии личности. Область научных интересов: психологическое сопровождение ребенка, отрока, взрослого и пожилого человека; поведение человека в экстремальных условиях; человек на всех этапах возраста; этническое самосознание в контексте межэтнических отношений. Автор более 500 печатных трудов, изданных в России и за рубежом. Имеет патенты. Более 50 изданий книг на языках мира. Среди них: Близнецы: Дневник развития двух мальчиков. — М., 1969: 2-е изд. 1997; Изобразительная деятельность ребенка как форма усвоения социального опыта: Монография. — М., 1981; Рождение личности. — М., 1984, 1987 на английском, бенгальском, маратхи и арабском; Детская психология: Учебник. — М.; Л., 1975, 1985, 1992; Психология детства и отрочества: Учебник. — М., 1997; Феноменология развития и бытия личности: избр. психологические труды. — (Психологи отечества). — М.; Воронеж, 1999; Таинство детства: В 2-х т. — М., 1998; — СПб., 2000: 2-е изд.; — Екатеринбург, 2005: 3-е изд.; Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). — 3-е изд., исправл. и дополн.— М., 2013; Отчужденные: Абсолют отчуждения. — М., 2009. — Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2010: 2-е изд; Отчуждение от себя: О саморазрушающих страстях человеческих. — М., 2011 (в соавторстве); Отчуждение от других: От прилогов и помыслов к поступку и преступлению. — М., 2013 (в соавторстве); Возрастная психология. Феноменология развития: Учебник. — М., 2012: 14-е изд., стереотип. Лауреат премии Президента Российской Федерации в области образования.
E-mail: vfly@rl-online.ru; kpr@mail.ru

Valeria Mukhina

Academician of RAE and RANS, Sc.D. (psychology), professor, Honoured Science Worker of Russian Federation, the head of the Department of the Developmental Psychology, Moscow State Pedagogical University, editor-in-chief of journal «Development of personality».

РАЖНИКОВ Владимир Григорьевич (8 декабря 1938 – 8 октября 2013)

Доктор психологических наук, профессор. Специалист в области арт-гуманитарной методологии в образовательных целях, проектирования и применения учебных, исследовательских и творческих методик в арт-педагогике и психологии искусства.
Основные публикации: Маленький ЭМО (Эмоциональное развитие дошкольников). — М., 1996; Эмоционально-эстетическое развитие. — М., 1988; Дневник творческого развития. — М., 2000.

Vladimir Razhnikov

Sc.D. (psychology), professor.
Specialist in the sphere of art-humanitarian methodology for educational purposes, elaboration and application of educational, research and creative methods in art-pedagogy and psychology of art.

ХАМИДОВ Александр Александрович

Доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения (Казахстан).
Область интересов: антропология, теория познания, культура.
Основные публикации: Категории и культура. — Алма-Ата, 1992; Философская антропология: от прошлого к будущему. — Алматы, 2011 (в соавт.); Гуманизм как дискурс. — Алматы, 2012.
E-mail: smiriti@list.ru

Aleksandr Khamidov

Sc.D. (philosophy), professor, leading research scientist, Institute of Philosophy, Political science and religious studies (Kazakhstan).
Sphere of scientific interests: anthropology, theory of cognition, culture.

ШЕРГИН Валерий

Драматург, ученик Николая Коляды.
Автор пяти пьес, последняя из которых — «Концлагеристы» (2012), победитель Международного конкурса «Евразия- 2012», финалист конкурса «Любимовка-2012».
E-mail: shergeen@mail.ru

Valeriy Shergin

Dramatist, student of Nikolay Kolyada.
The author of five plays, the last of which is "Konzlageristy" (2012), winner of International competition "Eurasia-2012", finalist of the competition "Lubimovka-2012".

Наши переводчики

КУДРИНА Алена

Ассистент кафедры лексики английского языка факультета иностранных языков МПГУ, соискатель кафедры психологии развития факультета педагогики и психологии МПГУ.

Alyona Kudrina

Teaching assistant at Department of Lexis, Faculty of Foreign Languages, MPGU, post-graduate student at Department of Developmental Psychology, Faculty of Pedagogics and Psychology, MPGU.

По вопросам приобретения журнала обращаться по тел.: (499) 730-38-61

Журнал «Развитие личности» публикует оригинальные теоретические работы и исследования, практические разработки, архивные материалы и переводы по проблемам развития, воспитания и бытия личности в различных социальных, культурных и этнических условиях.

В редакцию принимаются материалы объемом для докторов и кандидатов наук до 1 п.л. и 0,5 п.л. для аспирантов, представленные по электронной почте info@rl-online.ru. Автор статьи заявляет себя через имя и фамилию.

Библиографические ссылки при цитировании приводятся в конце статьи по порядку упоминания в тексте. Библиографические ссылки оформляются в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования. Указываются: автор, название, место и год издания, страницы. В тексте после цитаты указываются порядковый номер ссылки и страницы в квадратных скобках.

Упоминание персоналий обязательно с инициалами.

Текст сопровождается вынесенными на левые поля маргиналиями – основными идеями и тезаурусом, поясняющим по ходу содержание статьи. В рукописи маргиналии оформляются жирным шрифтом перед абзацем основного текста.

После заглавия статьи дается *краткая аннотация* и *перечень ключевых слов* статьи на русском и английском языках.

К статье должны прилагаться следующие сведения об авторе: ФИО (полностью); ученая степень и звание; место работы и специальность; специалистом в каких областях является; область научных интересов; автор скольких публикаций и по каким проблемам с указанием монографий (название, место и год издания); контактный телефон и адрес электронной почты. Сведения об авторе, а также название статьи дается на русском и английском языках.

Плата за публикацию и рецензирование рукописей не взимается. Рецензирование проходит в течение 1–3 месяцев. Решение о публикации принимается на основе результатов рецензирования редколлегией. В случае положительного решения публикация осуществляется в порядке очередности поступления материалов в редакцию.

Зарегистрирован Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № 77-15340 от 30 апреля 2003 г.

Редакция журнала «Развитие личности»
127051, г. Москва, М. Сухаревский пер., д. 6
Тел.: (495) 608-59-74. E-mail: info@rl-online.ru
www.rl-online.ru

Издательство «Прометей»
115035, Москва, ул. Садовническая, д. 72, стр. 1, оф. 6
Изд. лиц. №020457 от 22 июля 1997 г.

Подписано в печать с готового оригинал-макета
Формат 70x100/16. Тираж 1000 экз.

